Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕН1800
В 427 Р

Первоочередные задачи учительства.

Сборник материалов Первого Всесоюзного Учительского С'езда.

Под редакцией Н. ШАХАНОВА.

Издание Владимирского Губкома РКП (б.).

г. г. Владимир.
1925 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
1.	Предисловие.	
2.	Н. Ленин.—Странички из дневника	5
3.	Декларация первого Всесоюзного учительского с'езда	10
4.	Учительство и пролетарская революция.—Доклад тов. Зиновьева.	13
5.	Новый период культурной советской работы. — Из доклада тов. Рыкова	63
6.	Задачи просвещения в системе советского строительства. — Доклад тов. Луначарского	71
7.	Советская школа.—Доклад тов. Крупской	80
8.	Учительство и комсомол.—Доклад тов. Бухарина	95
9.	Учитель и профдвижение.—Доклад тов. Коростелева	116
10.	Голос низового учительства (из речей делегатов на первом Всесоюзном учительском с'езде)	133
11.	Задачи просвещения (резолюция учительского с'езда по докладам т.т. Луначарского и Крупской)	137
12.	Комсомол и учительство (резол. по докл. тов. Бухарина)	145
13.	Учитель и общественность	147
14.	На фронте просвещения	150

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕН1800
В427 Р

ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ УЧИТЕЛЬСТВА.

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ПЕРВОГО ВСЕСОЮЗНОГО УЧИТЕЛЬСКОГО С'ЕЗДА.

Под редакцией **Н. Шаханова.**

Издание Владимирского Губкома РКП (б.).

Типография газеты „ПРИЗЫВ".
г. Владимир, 1925 г.

21

К.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009
ЕН 1800
В 427 Р
ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 545
БИБЛИОТЕКА
199483
У

г. г. Владимир. Гублит № 561/4655. Тираж 4500 экземп.
Типография газеты „Призыв“.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд
сф
46801

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Первый Всесоюзный учительский с'езд вписал в историю нашей революции новую страницу. На этом с'езде представители учительства СССР закрепили смычку между учительством, Советской властью и партией, положили прочный камень в фундамент общественной работы низового работника просвещения.

Учительский с'езд прошел и впереди—будничная, кропотливая, но благодарная, по своим результатам, работа на ниве народного просвещения.

Трудностей еще много. Работы—непочатый край.

Но любовь к делу народного просвещения, вера в грядущее светлое будущее—одолеет все.

Учитель сдержит свое слово, данное на Всесоюзном учительском с'езде.

А партия, Советская власть и комсомол ему помогут в этой работе.

Пусть настоящий сборничек, в котором собраны все наиболее ценные материалы учительского с'езда, поможет и учителю, и партийцу, и комсомольцу в работе на третьем фронте, фронте просвещения.

Будем помнить, что „стать одним из звеньев, связующих крестьянские массы с рабочим классом,—

вот главная задача сельского учителя, если он действительно хочет служить делу своего народа, делу его свободы и независимости (Сталин)".

Вот путь, по которому должен итти народный учитель.

Но хоть „много плохого и прямо тяжелого стоит на пути нашего народного образования, а значит, и нашего учителя,—все таки, впереди—огни".

10-го января 1925 г.

Н. Ленин.

Странички из дневника.

Вышедшая на-днях работа о грамотности России по данным переписи 1920 года („Грамотность в России", Москва, 1922 г., Центральное Статистическое Управление, Отдел Народного Образования) составляет очень важное явление.

Привожу ниже таблицу грамотности населения России за 1897 год и 1920 год, заимствованную из этой работы:

	На 1 тыс. муж. пол. грам. в:		На 1 тыс, жен. пола грам. в:		На 1 тыс. всего насел. грам. в:	
	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.
1. Европ. Россия . . .	326	422	136	225	229	330
2. Сев. Кавказ . . .	241	357	56	215	150	281
3. Сибирь (Запад.) . .	170	307	46	134	108	218
Всего . . .	318	409	131	244	233	319

В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо. Оказалось, что как и следовало ожидать, от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно, и даже прогресс наш по сравнению с царскими временами (97-м годом) оказался слишком медленным. Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях „пролетарской культуры". Это показывает, сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы. Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько нибудь культурного уровня.

Надо, чтобы мы не ограничивались этим бесспорным, но слишком теоретическим положением. Надо, чтобы при ближайшем пересмотре нашего квартального бюджета мы взялись за дело и практически. Конечно, в первую голову должны быть сокращены расходы не Наркомпроса, а расходы других ведомств, с тем, чтобы освобожденные суммы были обращены на нужды Наркомпроса. Не надо скаредничать с увеличением выдачи хлеба учителям в такой год, как нынешний, когда мы сравнительно сносно им обеспечены.

Работа, которая ведется теперь в области народного образования, вообще говоря, не может быть названа слишком узкой. Делается очень не мало для того, чтобы сдвинуть с места старое учительство, чтобы привлечь его к новым задачам, заинтересовать его новой постановкой вопросов педагогики, заинтересовать в таких вопросах, как вопрос религиозный.

Но мы не делаем главного. Мы не заботимся или далеко недостаточно заботимся о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре: ни о пролетарской, ни о буржуазной. Речь должна итти о той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор и не можем выбраться без серьезных усилий, хотя имеем возможность выбраться, потому что нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас, нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса, который в массе своей прекрасно понимает недостатки своей, не скажу культурности, а скажу грамотности; нигде он не готов приносить и не приносит таких жертв для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас.

У нас делается еще слишком мало, безмерно мало, для того, чтобы передвинуть весь наш государственный бюджет в сторону удовлетворения в первую голову потребностей первоначального народного образования. Даже в Наркомпросе у нас сплошь и рядом можно найти черезчур раздутые штаты какого нибудь Госиздата вне всяких забот о том, что на первом месте должно стоять попечение государства не об издательстве, а о том, чтобы

было кому читать, чтобы было большее число способных читать, чтобы был больше политический размах издательства в будущем России. На технические вопросы, вроде вопроса об издательстве, мы все еще по старой (скверной) привычке уделяем много больше времени и сил, чем на обще-политический вопрос о народной грамотности.

Если взять Главпрофобр, то и тут, мы уверены, можно найти много и много лишнего, вздутого ведомственным интересом, не приноровленного к потребностям широкого народного образования. Далеко не все в Главпрофобре оправдывается законным желанием поднять сначала и придать практическое направление образованию нашей фабрично-заводской молодежи. Если просмотреть внимательно штаты Главпрофобра, в них многое и многое окажется вздутым и фиктивным с этой точки зрения, подлежащим закрытию. В пролетарско-крестьянском государстве много и много еще можно с'экономить и должно с'экономить для развития народной грамотности ценою закрытия всяких—либо игрушек наполовину барского типа, либо учреждений, без которых нам еще можно и долго будет можно и должно обойтись при том состоянии народной грамотности, о которой говорит статистика.

Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит, и не может стоять в буржуазном обществе. Это—истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны итти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным под'емом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию и, главное, главное и главное над поднятием его материального положения.

Надо систематически усилить работу по организации народных учителей, чтобы сделать их из опоры буржуазного строя, которой они являются до сих пор во всех без исключения капиталистических странах, опорой советского строя, чтобы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией и привлечь их к союзу с пролетариатом.

Кратко отмечаю, что особую роль для этого должны сыграть систематические поездки в деревню, которые, впрочем, у нас уже проводятся, и которые должны быть развиты планомерно. На такие меры, как эти поездки, не жалко давать деньги, которые сплошь и рядом мы бросаем зря на относящийся почти целиком к старой исторической эпохе государственный аппарат.

Я собирал материал к моей несостоявшейся речи на С'езде Советов в декабре 1922 г. о шефстве рабочих городских поселений над жителями деревень. Некоторые материалы об этом доставил мне тов. Ходоровский и я ставлю эту тему на разработку перед товарищами теперь, раз сам я не успел разработать ее и передать через С'езд Советов гласности.

Тут основной политический вопрос—в отношении города к деревне, который имеет решающее значение для всей нашей революции.

В то время, как буржуазное государство систематически направляет все усилия на то, чтобы отуплять рабочих города, подгоняя для этой цели всю издаваемую на счет государства, на счет царских и на счет буржуазных партий литературу, мы можем и должны употребить нашу власть на то, чтобы действительно сделать из городского рабочего проводника коммунистических идей в среду сельского пролетариата.

Я сказал «коммунистических» и спешу оговориться, боясь вызвать недоразумение или быть слишком прямолинейно понятым. Никоим образом нельзя понимать это так, будто мы должны вести сразу чисто и узко коммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма.

Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременна. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы.

Но установить общение между рабочими города и работниками деревни, установить между ними ту форму товарищества, которая между ними может быть легко создана,—это наша обя-

занность, это одна из основных задач рабочего класса, стоящего у власти. Для этого необходимо основать ряд об'единений (партийных, профессиональных, частных) из фабрично-заводских рабочих, которые ставили бы систематической целью помогать деревне в ее культурном развитии. Удастся ли «расписать» все городские ячейки по всем деревенским для того, чтобы каждая рабочая ячейка, «приписанная» к соответствующей деревенской, систематически заботилась о всякой оказии, о всяком случае, чтобы удовлетворить ту или иную культурную потребность своей соячейки. Или удастся изыскать другие формы связи. Я здесь ограничиваюсь только постановкой вопроса, чтобы обратить на него внимание товарищей, чтобы указать на имеющийся опыт Западной Сибири (на этот опыт мне указал тов. Ходоровский) и чтобы выставить во всем об'еме эту гигантскую всемирно-историческую культурную задачу.

Мы не делаем почти ничего для деревни, помимо нашего официального бюджета, или помимо наших официальных сношений. Правда, культурные сношения города с деревней принимают у нас само-собой и принимают неизбежно иной характер. Город давал деревне при капитализме то, что ее развращало политически, экономически, нравственно, физически и т. д. Город у нас само собой начинает давать деревне прямо обратное. Но все это делается именно само-собой, стихийно, и все это может быть усилено (а затем и увеличено во сто крат) внесением сознания, планомерности и систематичности в этой работе.

Мы только тогда начнем двигаться вперед (а тогда мы начнем наверняка двигаться во сто крат быстрее), когда подвергнем изучению этот вопрос, будем основывать всевозможные об'единения рабочих—избегая всемерно их бюрократизации—для того, чтобы поставить этот вопрос, обсудить его и претворить его в дело.

6/

2-го января 1923 года.

Декларация Первого Всесоюзного Учительского С'езда.

Первый Всесоюзный Учительский С'езд, подводя окончательный итог всему пережитому учительством за годы революции, считает своим общественным долгом перед пославшими его учительскими массами и перед лицом всех трудящихся сказать ясно, без колебаний и недомолвок о тех выводах, к которым пришло учительство в результате своего тяжелого и трагического опыта; открыто признать те ошибки, которые отделили его в первые годы революции от героической борьбы рабочего класса и крестьянства на фронтах гражданской войны, в последний раз сказать о них, чтобы к ним уже никогда не возвращаться; так как они изжиты полностью и без остатка.

Оглядываясь на пройденный путь, мы ясно видим теперь, в чем была та основная ошибка, из которой вытекали все остальные. Эта ошибка заключалась в той иллюзии, которую Ленин в одной из своих незабываемых для нас, просвещенцев, речей определил как обман народа лозунгами демократии и свободы. Русскому народному учителю всегда был свойственен идеалистический романтизм во взглядах на общественные отношения. Далекий от несокрушимой логики научного анализа последних, мало развитой в общественно-политическом отношении, он легко поддавался яду этих демократических иллюзий. Социально не заинтересованный в сохранении и поддержке капиталистического строя, учитель фактически, однако, являлся бессознательным орудием классовых интересов буржуазии. Ему казалось, что все социальное зло исчерпывается рамками царского самодержавия, и республиканские государства европейской и американской буржуазии казались ему идеалом. Он верил, что в классовом обществе может быть классовая демократическая гармония. Вот в этом непонимании классовой природы современного общества, в этом отсутствии классового подхода к общественным явлениям

и крылся основной источник того, что учительство, в лучшей своей части, всегда мечтавшее о подлинной власти трудящихся, не узнало этой власти, когда она пришла в грохоте мировой войны и революции, пришла в грозе и буре Октябрьских дней. Не то теперь: гигантский, всемирно исторический опыт истекших лет революции открыл нам глаза. Мы поняли: не может быть и не будет мира и справедливости на земле, пока существует разделенное на классы общество; больше того: мы поняли, что нет иного пути из мира нищеты и страданий, как путь его революционного разрушения. Таков непреложный закон истории. Мы поняли, что весь тяжкий путь гражданской войны, голода и разрухи, через который прошла наша страна, был неизбежным этапом, что путь беспощадной и классовой борьбы и диктатуры пролетариата есть единственный путь к коммунизму. Мы поняли, наконец, также и то, что единственным, идущим до конца в этой борьбе; классом может быть только рабочий класс и его коллективный, классовый разум—коммунистическая партия.

Мы верим теперь без колебаний и сомнений этой партии, которая подняла и высоко держит знамя восстания трудящихся и угнетенных против строя эксплоатации, нищеты и насилия. Мы верим этой партии, сумевшей среди величайших, беспримерных в истории трудностей, в окружении смертельной ненависти всего капиталистического мира, победить на всех и всевозможных фронтах, которые окружали ее со всех сторон и подстерегали ее на каждом шагу. Едва ли история может указать еще пример такого испытания сил и мощи восходящего к жизни социального класса. И мы говорим: дело революции, дело борьбы за окончательную победу трудящихся, за создание нового общества на земле—в крепких, надежных руках.

От имени сотен тысяч беспартийного народного учительства нашей советской страны, от имени тех тысяч волостных собраний и уездных конференций, которые послали нас на Всесоюзный с'езд, перед лицом трудящихся всего мира, мы заявляем, что полностью и безоговорочно принимаем над собой руководство со стороны партии. Мы знаем, что руководимая коммунистической партией Советская власть есть подлинная власть трудящихся, власть широчайших народных масс. Мы видим ту беспримерную

работу, которую в труднейших условиях ведет она для хозяйственного и культурного развития нашей страны. Мы видим, как по мере заживания ран, нанесенных стране империалистической и гражданской войнами, по мере улучшения хозяйственного положения, Советская власть все больше и больше внимания уделяет задачам просвещения и культурного строительства и, мы не сомневаемся, что не так далеко то время, когда наша страна станет самой культурной страной в мире.

Величайшим оплотом Советской власти является союз рабочих и крестьян. Всеми своими силами, всей своей работой и всем своим разумением мы будем крепить его дальше. Всюду и везде мы будем верными помощниками Советской власти и коммунистической партии в их всемирно-исторической работе, ибо мы знаем теперь, что дело, которое делает партия, есть дело всего трудящегося человечества.

Отныне в этом деле почетное и ответственное место должно и будет принадлежать народному учителю. И партия может быть уверена, что в своей работе он будет достоин тех огромных задач, которые стоят перед партией в нашу величайшую революционную эпоху. Тем более уверенно говорим мы об этом потому, что в лице нашей родной союзной организации, этой подлинной для нас школе коммунизма—нам обеспечена систематическая товарищеская помощь и поддержка в нашей работе. Через нее мы сумеем увязать все те повседневные практические задачи, которые стоят перед нами, с общим ходом государственного и культурного строительства Советской власти.

Товарищи коммунисты! Беспартийное народное учительство Союза Советских Республик шлет вам свой горячий братский привет. На своем Всесоюзном с'езде оно заявляет перед лицом всех трудящихся, что отныне не отделяет своих задач от задач коммунистической партии, от ее великой борьбы за новый мир.

Товарищи учителя! Заявляя это, мы выполнили вашу волю, волю пославших нас. С прошлым кончено. Беспредельные перспективы впереди, трудная и ответственная работа также. Но отныне мы не одни. Мы вместе со всеми трудящимися мира. Мы вместе с их испытанным героическим вождем. Мы вместе с коммунистической партией.

Учительство и пролетарская революция.

Доклад тов. Г. Е. Зиновьева на заседании Всесоюзного учительского с'езда 13 января.

Необходимо об'ясниться с полной откровенностью.

Товарищи, в своем приветствии Всесоюзному учительскому с'езду Н. К. Крупская написала, что она с большим нетерпением ждет этого с'езда. Я должен признаться, что тоже принадлежу к числу тех, кто ждал этого с'езда с известным нетерпением (аплодисменты). И, разумеется, товарищи, я ждал его не для того, чтобы иметь здесь оказию обменяться с вами простыми любезностями, но для того, чтобы получить возможность об'ясниться с полной откровенностью с таким важным отрядом трудящихся, который представляете вы, и для того, чтобы поставить со всей необходимой ясностью ряд вопросов, интересующих нашу страну.

Мне рассказывал делегат вашего с'езда, что на одной уездной учительской конференции, предшествовавшей с'езду, секретарь комитета партии обратился к учителям, примерно, с такой речью: Товарищи, мы, партийная организация, находимся как бы в роли жениха, а вы, учительство, как бы в роли невесты, к которой мы приходим с предложением руки и сердца (смех). И он предлагал «невесте» не конфузиться, как это принято иногда при таких об'ясненнях. Я не считаю удачным такое сравнение. Товарищ, передававший мне об этом, заметил,—и вполне справедливо,—что это было слишком сладко. Я думаю, товарищи, что и наше с вами об'яснение должно быть прежде всего свободно от какой бы то ни было дипломатии и от каких бы то ни было следов слащавости. Нам нужно говорить о тех больных вопросах, которые стоят перед нами, с полной откровенностью.

Нам нужно понять самим, а затем посильно об'яснить и другим: как это случилось, что данный с'езд происходит только

в 1925 году. Как это произошло, что долгое, сравнительно долгое время мы не могли найти общего языка?

Мы приходим к вам сейчас, как представители всего рабочего класса к одному из отрядов трудящихся, который в силу целого ряда обстоятельств, в значительной степени от него не зависящихся, в силу об'ективного положения вещей, только теперь окончательно соединяется с основной массой пролетарской пехоты, с основной массой рабочего класса. Только такая постановка вопроса будет достойной настоящего собрания.

На уроках нашей революции учатся трудящиеся всех стран.

Я думаю, товарищи, что наш долг остановиться откровенно на вопросах прошлого. Этот долг вытекает, между прочим, из того, что мы имеем определенные международные обязанности. Наша страна, по многим причинам, первая проделала пролетарскую революцию и, благодаря этому, дает ряд уроков рабочему классу всех стран. Те из вас, которые знакомы с произведениями Маркса, знают прекрасно, что на исторических эпизодах, заполнивших революции 1848-49 гг., а впоследствии события 1870-71 годов, на этих исторических эпизодах Маркс, как основоположник научного социализма, учил все человечество. Вы знаете его замечательную книгу о классовой борьбе во Франции и другие подобные его сочинения. Тем более обязаны мы учиться на ходе классовой борьбы в нашей стране,—ибо наша революция по своему размаху несравненно больше всех тех революций, какие пришлось пережить Марксу. Мы обязаны понять уроки классовой борьбы нашей революции, мы обязаны понять их сами и в известной мере отчитаться перед современниками, перед трудящимися других стран.

Нет никакого сомнения, что и в предстоящих пролетарских революциях будет ряд моментов, в значительной степени напоминающих наши. Конечно, было бы нелепо представлять себе все будущие революции по шаблону совершенно такими же, как наша. Социальный переплет в ряде стран другой, международное положение их иное. Но много будет и сходного. И, пожалуй, наверняка можно предсказать, что сходство будет заключаться также и в том, что целые слои интеллигентного пролетариата,

вероятнее всего, в ряде стран переживут с известной модификацией примерно то же, что пережил этот слой в нашей первой пролетарской революции.

В острый революционный период не все слои трудящихся поспевают за ходом событий.

Мы с вами, товарищи, живем в полосу, которую в самой общей форме можно характеризовать, как переходную от диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата. При чем диктатура пролетариата, в свою очередь, является переходом,— будем надеяться,—сравнительно кратковременным, к полной победе социализма. Другими словами, наше поколение живет в такой момент, когда старые устои, державшиеся десятилетиями, полустолетиями и столетиями, приходят в зыбкое, неуравновешанное состояние. Наше поколение является современником эпохи пролетарских революций. То, что, казалось, устоялось веками, меняется на наших глазах. И отсюда то, что далеко не все слои даже трудящихся поспевают за ходом развития быстро назревающих событий. Я видел за границей в больших многоэтажных зданиях движущиеся лестницы. Если вы не успели попасть на ступеньку в тот момент, как она передвигается, если пропустили хоть полсекунды,—вы почти наверняка летите кувырком вниз. Нечто подобное происходит со многими слоями трудящихся в нашу переходную эпоху. Когда старое, устоявшееся буржуазное общество приходит в движение, когда растет новое общество, тогда тот слой трудящихся, который не поспел во время вместе со движущейся ступенькой, который иногда задерживается только на минуту, летит кувырком вниз и должен потом начать взбираться на лестницу сызнова.

Школа—орудие буржуазного господства.

Товарищи, буржуазия правит не только голым насилием. Она имеет целую систему рычагов для управления государством в своих классовых интересах. Она правит не только при помощи штыка, но и при помощи школы, парламента, печати, театра и проч., и проч. Школа играет в этой системе одну из важнейших ролей. Ни одно буржуазное правительство не может управлять страной, не владея школой. А для того, чтобы владеть школой, ей, разумеется, прежде всего приходится владеть работниками школы, учитель-

ством. Если буржуазия смотрит на рабочих, как на машины или как на известные бездушные придатки к машине, то она на учителя смотрит так же, с той только прибавкой, что учитель в ее представлении должен быть все же более одушевленной машиной. Учитель не исполнит той роли, какую возлагает на него буржуазное общество, если он не будет достаточно одушевленной, в буржуазном смысле слова, машиной. Буржуазия непременно должна дожить до того момента, когда происходит известный «бунт машин». Но, несомненно, что у нее есть такие частицы механизма, к которым она относится с особой бережностью, ибо знает, что от них многое зависит больше, чем от других частей. И в результате, складывается такая обстановка, что тот или иной слой трудящихся последним восстает против буржуазии.

В таком положении находится учительство почти во всем мире. Буржуазия придает громадное значение овладению школой, а, стало быть, и учительством. Буржуазия старается овладеть сердцами, душами населения, и в том числе молодым поколением, начиная со школьной скамьи. И, естественно, что она особенно тщательно обдумывает план овладения одушевленной машиной — учительством, без которого она не может овладеть и школой.

В нашей революции был стремительный переход от буржуазной власти к пролетарской.

Товарищи, я уверен, что многие из находящихся в этом зале будут свидетелями не одной, а целого ряда пролетарских революций. Тогда мы и будем наблюдать историческую иллюстрацию того, о чем я сегодня говорил: в момент пролетарской революции определенный слой трудящихся — учительство, благодаря тому, что буржуазия особенно печется об овладении им, будет на первых порах отставать от основной массы пролетариата.

У нас дело было еще сложней. Если на Западе вопрос стоит о том, чтобы от буржуазной власти перейти к социалистической революции почти без всяких переходных ступеней, то у нас дело было трудней. У нас несколько лет тому назад вопрос стоял так, чтобы от самодержавной царской помещичьей власти перейти к буржуазной власти, к буржуазной революции,

которая на наших глазах в кратчайший срок переросла в пролетарскую революцию. У нас переплет был гораздо сложней, и поэтому тот слой трудящихся, о котором мы говорим, скорей мог заблудиться, чем какой-либо отряд учительства в передовой буржуазной стране в момент революции там. Вот действительная причина того, почему тот слой трудящихся, который представлен вами, почему он раз навсегда и окончательно бесповоротно связывает свою судьбу с рабочим классом только, примерно, в последние годы, а частью даже в последние месяцы.

199483 46801 Институт В. И. Ленина

Учительство связывает теперь свою судьбу с пролетарской революцией.

Я знаю, товарищи, что дело тут весьма сложно. Речь идет о живых людях, с различными прослойками в этой людской массе. Одни пришли к нам через несколько месяцев после победы Октября, другие—через несколько лет, а некоторые колеблются еще и сейчас. Я беру основную массу, о ней можно сказать твердо, что она теперь окончательно и бесповоротно связывает свою судьбу с судьбой пролетарской революции и с основным классом этой революции—с рабочим классом (аплодисменты).

И в этом, товарищи, я думаю, основной смысл данного с'езда. Мы не столько будем заниматься вопросом о том, почему это происходит с известным опозданием, но будем, прежде всего, отмечать коренной, всемирно-исторической важности факт, что учительство—важный слой трудящихся, необходимый для социалистического строительства, бесповоротно связало теперь свою судьбу с классом—гегемоном революции, с рабочим классом. Я уже сказал, что наша обязанность и по отношению к международной революции и по отношению к самим себе—додумать до конца, обозреть ретроспективно пройденный путь, отдать себе отчет в пережитом, ибо только тогда мы сможем захлопнуть окончательно пройденную главу и с должной решимостью двинуться дальше.

Буржуазия отрицает наличие буржуазной диктатуры.

Вы знаете, товарищи, что у буржуазии главный конек в отношении школы составляет «нейтральность». Буржуазия никогда не скажет открыто, никогда она не будет иметь исторической смелости

признаться в том, что ее власть есть диктатура определенного класса и что она смело и определенно, во имя хороших целей, берет на буксир те или другие подсобные силы. У буржуазии не может быть такой исторической смелости потому, что она — класс отживающий. Только у рабочего класса,—восходящей силы человечества,—только у него может быть и только у него действительно есть историческая смелость сказать: да, то, что мы делаем есть диктатура нашего класса, диктатура во имя победы труда, во имя раскрепощения всего человечества. И только у этого класса может быть решимость сказать, что во имя своей диктатуры мы смело берем на буксир любую силу, которую только можем взять, дабы исполнить свою всемирно-историческую миссию.

Буржуазия, а в том числе и цвет буржуазной интеллигенции, решительно отрицают наличие буржуазной диктатуры, а в отношении школы решительно отрицают, что она у них является классовой. Напротив, они настаивают на том, что школа у них—внеклассовая, нейтральная.

Бернард Шоу не может об'яснить марксизма, но марксизм очень хорошо может об'яснить Бернарда Шоу.

Я бы хотел остановиться на одном примере, представляющем яркий образчик того непонимания всего происходящего на нашей грешной земле, который дает нам в руки один из виднейших представителей английской интеллигенции. Я имею в виду Бернарда Шоу. Бернард Шоу принадлежит к группе мелко-буржуазных, так называемых, социалистов, он принадлежит к фабианской группе английских социалистов. Мы сказали бы, что он—английский интеллигент меньшевиствующего типа. Шоу—блестящий представитель английского литературного мира, остроумный памфлетист, драматург и сторонник «прогресса». Ему кажется, что он искренний сторонник Советской власти. Конечно, он за Советскую власть в нашей стране, но ни в коем случае... не в той стране, где живет просвещенный Бернард Шоу. Недавно в праздничном номере «Известий» помещено его письмо в редакцию. Не знаю, довелось ли всем вам прочитать письмо. Я хочу о нем сказать несколько слов.

Письмо Бернарда Шоу характерно для известного слоя западной интеллигенции. В лице Шоу я беру самый лучший экземпляр мелко-буржуазной интеллигенции, ибо вряд ли вы найдете у нас другое имя, такое утонченное. Шоу присматривается к тому, что происходит у нас. И оказывается, что все происшедшее у нас осталось для него книгой за семью печатями. Он совершенно не понял смысла нашей революции и нашей борьбы, в частности, он совершенно не понял того, что такое марксизм. Он не понял того, какой могучей силой становится идея, когда она овладевает массами. Он не понял, почему такой могучей силой стал марксизм, когда он овладел многомиллионными массами в нашей стране. И поэтому к коренным вопросам революции и к вопросу о марксизме он подходит, как самый последний провинциальный обыватель. Я думаю, в любом из уездов, который вы представляете, трудно представить себе по нынешним временам интеллигентного человека, который подошел бы к данному вопросу с такой заскорузлостью, обывательщиной, с такими основательными шорами на глазах, как Бернард Шоу,—этот просвещеннейший представитель английской интеллигенции. Он пишет, например, следующее:

— «Пока Москва не научится смеяться над 3-м Интернационалом и не станет на ту точку зрения, что везде, где социализм является живой силой, а не мертвой теорией, он оставил Карла Маркса так-же далеко позади, как современная наука оставила Моисея, до тех пор не будет ничего другого, кроме недоразумений: дюжина самых ничтожных чудаков в России будет вести торжественную переписку с дюжиной самых ничтожных чудаков в Англии, и те и другие убеждены в том, что они — пролетариат, революция, будущее, Интернационал и бог весть что еще.

Я говорю на основании опыта. Ибо теперь не впервые возникают такие международные недоразумения. После смерти Маркса, Фридрих Энгельс годами держал германских социал-демократов вчуже от действительных реальных английских социалистов, потому что он не в состоянии был понять, что он и Маркс, два старых человека, живших в самой ревнивой изоля-

ции от всех независимых мыслителей, были оставлены за бортом и позади именно тем движением, которое они сами создали».

Затем он прохаживается по моему адресу,—это ни вам, ни мне не интересно (смех). А дальше так резонерствует:

—„Даже столь сильный ум и характер, как Ленин, был так парализован этим суеверием, что, когда м-р Уэлс высмеял марксистские идолы в Москве, то это показалось ему, Ленину, не использованием элементарного права критики свободомыслящим человеком, а просто кощунством против божественного авторитета, который он, Уэлс, в своей «мелко-буржуазности» не в состоянии был оценить».

Уэлс, когда он здесь был, видался с многими из нас. Мы смотрели на него, как на талантливого беллетриста, но заскорузлого мещанина в политике до мозга костей. Главное, что он заметил у нас, это множество портретов Маркса: куда ни посмотришь, всюду видишь эту неприятную «бороду» Карла Маркса. А Бернард Шоу говорит: вы должны понять, что Маркс и Энгельс—два старика, которые жили в эмиграции в отдаленном квартале Лондона, которые давным давно отжили, а вы еще молитесь на них, и даже такой сильный ум, как Ленин, принимает их за идолов. Что касается идолов, то этот комплимент мы по праву возвращаем Шоу. У нас, а тем паче у тов. Ленина, идолов не было и быть не могло. Но что учение Маркса есть непревзойденное по силе и гениальности открытие в области общественной борьбы, и что это учение помогло рабочему классу победить, что идеи Маркса, ставшие близкими десяткам миллионов, покорили шестую часть мира, а завтра, конечно, в историческом смысле «завтра», покорят и остальные пять шестых мира,—да, в это мы верим (аплодисменты).

Вы видите на примере рафинированнейшего представителя западно-европейской интеллигенции, что там, где начинаются вопросы социализма, вопросы действительного перехода к новому строю, эти представители совершенно недоступны ни для каких аргументов, кроме «увесистых» аргументов прямого восстания масс. Когда подымется многомиллионный рабочий класс, когда он «отвинтит» башку мировому капиталу—у них начнут проясняться мозги, тогда им станут доступны эти аргументы (аплодисменты).

—М р Зиновьев и его 3-й Интернационал («мой», видите ли, 3-й Интернационал; я и не знал, что являюсь богатым «владельцем» такой огромной организации) не намеревались сорвать английские выборы в интересах капиталистов и подарить Судан Британской империи и реку Нил суданскому хлопковому синдикату; однако, именно это они сделали своим неуместным литературным романтизмом, который нашим правящим классам весьма удобно брать будто бы всерьез.

В начале письма он упрекает нас в том, что мы чудаки, которые молятся на идолов—Маркса и Энгельса, стариков и тоже чудаков, пытаясь высмеять, как людей оторванных от жизни. И тут же рядом заявляет, что мы «подарили» Судан Британской империи, а реку Нил—хлопковому синдикату. Я и не знал, что мы можем распоряжаться рекой Нил. Приятно узнать (смех). Этим признанием он выдал себя. Он доказывает, что 3-й Интернационал, над которым в начале письма он рекомендует «смеяться», есть все же порядочная держава, есть сила, которая даже оказывает некоторое влияние на такие вопросы, как Судан, река Нил, хлопковые комитеты, консервативное и либеральное правительство и т. д.

От Керзона к Бернарду Шоу—все в чем единый фронт.

Бернард Шоу—заскорузлый шовинист, самовлюбленный англичанин до мозга костей. Ему кажется, что, сидя в Британской империи, он недосягаем для всех, и может свысока говорить обо всем остальном мире. История ему, очевидно, представляется в таких образах, как Керзону. От Керзона—к Макдональду, от Макдональда—к Бернарду Шоу вы имеете в некоторых вопросах один фронт. Все они говорят: там, в отсталой стране, может происходить что-то вроде классовой борьбы, а у нас бог миловал. Мы-то знаем, что Маркс всего лишь старик, устаревший писатель.

Я не знаю, сколько лет Бернарду Шоу, но, кажется, что он не такой уже глубокий старик, и я надеюсь, что он доживет до серьезных времен в Англии. А сейчас, если бы Бернард Шоу не был пленником собственной ограниченности, он понял бы, что означает приезд к нам делегации английских профсоюзов, что означает ее агитация. И что означает этот приезд не только

для нас, но и для них. И как это лучший, наиболее изощренный представитель английской интеллигенции не понимает, что это значит для английского профдвижения, когда уже сейчас его руководители вплотную подходят к российскому рабочему движению, когда, по всей видимости, рабочий класс Англии готовится держать экзамен на социалистическую зрелость.

Английская буржуазия „не отсидится"!

Во всяком случае, Бернарду Шоу надо было-бы понимать, что события в Индии, Ирландии, во всех колониях, для Англии что-нибудь да значат, этого еще мало, что в этих колониях с таким удобством уселась пока английская буржуазия. Несомненно, события в колониях за последний год говорят о том, что и Англия не «отсидится», не уйдет от исторических судеб, что и там грядет всемирная пролетарская революция.

Я вам привел пример Шоу, ибо он является образцом того, как даже на 8-м году существования пролетарской диктатуры, лучшая часть английской интеллигенции не понимает и не оценивает окружающего ее революционного настроения и дальнейших путей революционного развития. На приведенном примере вы ясно видите, сколько еще шор на глазах у всей буржуазии и у так называемой социалистической интеллигенции, в том числе и у среднего учительства, которое соприкасается с этой интеллигенцией, находится под ее несомненным влиянием.

Как Мильеран втирает очки.

То, что мы видим сейчас в ряде стран, есть определеннейшая диктатура класса: диктатура буржуазии. В этом, однако, буржуазия ни за что не хочет признаться. Вот передо мною интереснейшая речь Мильерана, крупнейшего представителя французской интеллигенции, выходца из той среды ее, которая также считает себя социалистической. Речь произнесенная 17-го декабря 1924 года, в так называемой национальной республиканской лиге. Организация полуфашистская, и речь типично фашистская.

Бывший социалист Мильеран запугивает свою аудиторию событиями в России. Вот, говорит, новое евангелие, общие принципы конституции в российской, социалистической, федеративной

республике, и Мильеран читает конституцию пункт за пунктом, а слушатели приходят в неописуемый ужас. На 8-м году существования Советской власти он пугает их страшной советской конституцией. Дальше он сообщает:

«В Африке и Азии свирепствует большевистская пропаганда, непрерывно направляемая против западной цивилизации, против той цивилизации, которую большевики решили уничтожить. Чтобы быть уверенным в успехе, они начинают с систематического погрома против интеллигенции».

Итак в цивилизованнейшей столице, Париже, цивилизованнейший представитель буржуазии, бывший социалист Мильеран, выступает с заявлением, что в Азии и в Африке кипит большевистская пропаганда, и что мы начинаем с систематического погрома против интеллигентов! Он переходит затем к вопросу о диктатуре и произносит следующие патетические слова:

«Да проснутся мертвые! (это—погибшие во время войны Г. З.). Да вложат они в уши тем, кто их оплакивает, да твердят они им, что они не за то умирали, чтобы потом их заветы были так скоро позабыты и отброшены.

Да встанут мертвые! Но раньше их и для того, чтобы услышать их, восстаньте, живущие! Восстаньте, французы! Недопустите, чтобы вчерашний враг сегодня разгромил вас. Восстаньте, республиканцы!

Наши отцы победили диктатуру сверху. Восстаньте, чтобы заградить путь диктатуре снизу!»

По моему, товарищи, стоит вдуматься в эту формулу почтенного Мильерана. Наши отцы,—говорит Мильеран,—победили диктатуру сверху,—он имеет ввиду, очевидно, империю Наполеона,—а сейчас надо победить диктатуру снизу, т. е. диктатуру трудящихся. Итак, две диктатуры: одна—диктатура императоров, другая—диктатура рабочего класса, диктатура низов. Одна диктатура была раньше и уже побеждена, другую диктатуру надо победить теперь.

Спрашивается, а что же сейчас во Франции, диктатура сверху?

— Нет,—говорят они. Диктатуры снизу тоже еще нет. Что же представляет собою нынешний французский режим? По

Мильерану означает, повидимому, господство «демократии», братство, равенство и так далее.

Весь смысл существования буржуазной интеллигенции, как общественной категории, в западно-европейских странах заключается в том, чтобы замаскировать действительный смысл всего происходящего теперь. Мы с вами отлично знаем, что представляет собой нынешний государственный строй Франции. Не все ли равно—диктатура одного Наполеона или целой клики крупнейших миллиардеров? Разве мы не знаем, что Франция — теперь классическая страна буржуазной диктатуры? Общественная функция буржуазной интеллигенции и значительной части учительства вместе с ней заключается в том, чтобы замаскировать этот факт, заслонить его в сознании масс, дать сладенькую, сусальную демократическую мишуру, изобразить дело так, что будто бы весь мир, весь космос болтается между двумя «крайностями»: диктатурой сверху и ужасной диктатурой снизу, а цивилизованное человечество должно-де занять золотую середину, олицетворяемую господином Пуанкаре. Вот оно—фальш и лицемерие, стремление замаскировать действительность и облечь туманом сознание окружающих. Мы слышим это из уст человека, который является авторитетным представителем буржуазной цивилизации.

„Нейтральная" школа на почве поклонения буржуазному отечеству.

В той же самой речи в почтенной лже Мильеран высказывается и по вопросу о школе. Раз'яснив, что такое диктатура пролетариата и что такое диктатура сверху, он переходит к школе. Он заявляет:

— «Мы, республиканцы, настаиваем на необходимости отделения светского строя от духовного, на отделении церкви от государства и на нейтральности школы, на настоящей честной нейтральности, как ее понимали ее основатели Жюль Ферри Гобле, на нейтральности школы, уважающей, признающей все веры и примиряющей всех на почве поклонения отечеству,—того поклонения, которое является необходимой основой республики».

Вот вам, т.т., как бы нарочно для иллюстрации подобранная речь Мильерана. За несколько дней до нашего с'езда авторитетнейший представитель буржуазной республики произносит речь: в ней он заявляет себя противником диктатуры императора

и диктатуры низов, забывая о «мелочи», что император—представитель горстки угнетателей, а диктатура низов—это по Марксу и Энгельсу—диктатура трудящихся, диктатура большинства и в интересах этого большинства и в интересах всего народа; и в той же речи тот же Мильеран поясняет, что он против диктатуры, и поэтому он-де за «нейтральную» школу. Он не за клерикальную школу, он за то, чтобы отделить школу от церкви, вместе с тем он за то, чтобы школа была нейтральной, чтобы она примиряла всех «на почве поклонения отечеству» и т. д. Перед нами не случайное заявление. То, о чем говорил Мильеран, представляет собой основу всех основ современной буржуазной демократии.

О «нейтральности» школы, товарищи, не мешало бы подробней расспросить почтенного Бернарда Шоу, который так хорошо умеет смеяться над Марксом и Энгельсом. Шоу кажется, что он на несколько голов выше Маркса, между тем, если поставить рядом эти две фигуры, то я думаю, что мы не заметим пигмея, былинки, называемой Бернардом Шоу. Бернард Шоу не понимает, что с точки зрения его учения, с позволения сказать, учения Бернард Шоу, марксизм об'яснить нельзя, а с точки зрения марксизма Бернард Шоу об'яснить можно очень хорошо, потому что марксизм прекрасно об'ясняет, что такое колебание мелкой буржуазии. Если этого почтенного великана—Бернарда Шоу, такая «большая фигура», что даже дух захватывает, когда взглянешь, если вы его спросите о школе, то я уверен, что он повторит слово в слово буржуазные пошлости почтенного Мильерана. Он скажет: школа должна быть нейтральной, школа — святая святых, в школе не должно быть борьбы классов, школа должна об'единять всех на почве любви к отечеству, к тому отечеству, которое возглавляется Мильераном, Керзоном и Чемберленом.

Какие требования буржуазия пред'являет учителю.

А вот у меня другой пример из английской жизни, тоже как будто нарочно подобранный (на ловца и зверь бежит). В газете «Дэйли Геральд», довольно умеренной газете, к которой имеет прикосновение и Бернард Шоу, являющейся органом партии Макдональда, в номере от 29 декабря 24 года была помещена статья под загла-

вием «Инквизиторские вопросы для учителей». В статье перечислены вопросы для учителей той страны, где никаким Марксом пока еще не пахнет, где не веруют в марксистских «идолов», а верят в идолов Чемберлена и Керзона. Я прочитаю вам эту статейку:

— „Учитель, которому удается достать службу, должен в некоторых местах Англии удовлетворять многим особенным условиям.

Мы уже не раз сообщали нашим читателям о ланкаширском учителе, который хотел получить место в одном из городов центрального района и которого приходский священник предупредил, что кроме обязанностей учителя, он должен будет бесплатно выполнять обязанности дьякона.

Эти сведения были даны нам журналом „Скумастер“ («Школьный учитель»). Недавно в том же журнале было напечатано письмо одного учителя, который записал вопросы, заданные ему при переговорах с заведующим школой, куда он хотел поступить:

1. Верите ли вы в божественность Иисуса Христа?

2. Признаете ли вы взгляды юнитариев? (Юнитарии — религиозная секта, не признающая святой троицы и верующая в единого бога, но признающая крещение в детском возрасте).

3. Принадлежите ли вы к методистам, баптистам или коммунистам? (если предлагается на выбор, принадлежите ли вы к баптистам, методистам, или коммунистам, то я думаю, что всякий из вас пойдет на последнее. Г. З.).

4. Большевик ли вы? (Это в Англии, где по уверениям Бернарда Шоу и не пахнет коммунизмом, ставится вопрос— „большевик ли вы?“ Г. З.).

5. Будете ли вы приветствовать Юнион Джек? (Национальный флаг Англии).

6. Будете ли вы петь национальный гимн и стоите ли вы без шапки во время пения?

7. Воздерживаетесь ли вы от спиртных напитков? (Учителям нейтральных школ надо быть нейтральными по части спиртных напитков; тут разделение труда: с этой задачей

«уничтожения» спиртных напитков отлично справится буржуазия". Г. З).

8. Курите ли вы?

9. Женаты ли вы и сколько у вас детей?

Корреспондент в своем письме добавляет, что на все вопросы, кроме вопроса о курении, он ответил вполне удовлетворительно, но, что еще прежде, чем инквизиционные вопросы были закончены, он решил скорее согласиться скушать свою собственную шляпу, чем остаться в школе с таким заведывающим.

Нейтральная школе – буржуазный обман.

Все это напечатано в лондонской газете «Дэйли Геральд» от 29-го декабря 24 года.

Итак, товарищи, да позволено будет нам в стране, которую Мильераны, и Керзоны, да отчасти и Бернарды Шоу считают полудикой, полуварварской, где будто-бы молятся на «идолов», да позволено нам будет им сказать, что насчет нейтральности школы, пусть они найдут других дураков, которые им поверят (апл.). А мы отлично знаем, что диктатура буржуазии требует, чтобы втирали очки народным массам о «нейтральной» школе. Вокруг буржуазной школы идет борьба: будет ли школа в руках свободомыслящих или в руках клерикалов. С нашей точки зрения здесь разница только между двумя фракциями буржуазии.

Можно привести еще множество примеров насчет «нейтральности» школы. Вы слышали, конечно, о Муссолини, тоже бывшем социалисте, тоже представителе интеллигенции, тоже махровом цветке буржуазной интеллигенции. Он попал, наконец, в некоронованные монархи. Муссолини тоже занялся школой. Он проповедует: основная задача реформы народного образования сводится к усилению религиозного одурманивания через школу. Закон божий отныне должен явиться основой и завершением народного образования. Религиозным духом должно быть проникнуто и преподавание других предметов. На уроках пения должны разучиваться религиозные гимны.

Так говорит Муссолини. Вот уж экземпляр, который не верит ни в бога, ни в чорта. Он «верит» только в свои фашистские банды, с которыми захватил власть. А ставши у вла-

сти, он распинается за короля и религиозные школы. Он говорит, что коммунисты хотят-де создать красную школу, а он хочет создать единую „нейтральную“ школу, которая только распинается за господа бога на небе.

Шовинизм в „нейтральной“ школе.

Можно привести десятки примеров шовинизма в буржуазной школе. Во французских учебниках повоенного времени попадается молитва девочки, которой немцы отрезали руку. Молитва учит „смирению“:

„Господи, отрежь руки немецкого кайзера. Не для того, чтобы дать их мне, а отошли их его дедушке“.

Или, например, хрестоматия для младшего возраста, которая разошлась в прошлом году во Франции в количестве 400 тысяч экземпляров, помещает рассказы и иллюстрации на тему „Замученные немцами дети“, а также грамматические упражнения такого рода: „Немцы убивали французских детей, они поджигали наши церкви, расстреливали пленных и раненых. Никогда не забывайте о зверствах немцев“.

А немцы на немецком языке в нейтральной немецкой школе учат немецких девочек: „Господи, отрежь руку дочери француза и пошли ее дедушке. не забывайте о французских зверствах“ и т. д.

Вот, что называется нейтральностью школы. Мы знаем о католических педагогах, которые додумались до того, что отпущение грехов будет каждый день, когда учитель прочтет „отче наш“ и „Аве Мария“.

Мы знаем всемирный унион в Сан-Франциско. Инициатива создания этого униона (союза) принадлежит „Национальной учительской ассоциации“ Соединенных Штатов. В него входят некоторые учительские союзы Америки, Китая, Японии и Англии. Ярко выраженная буржуазная организация! Характерно, что один неизвестный жертвователь преподнес этому союзу в подарок миллион долларов. Американские миллиардеры зря денег не дарят! Вы найдете в уставе этого союза такой пункт: „Мы должны привить новому поколению мысль, что мир идеален в своей сущности и нуждается в организованной работе всех жизней и т. д.“. Мир идеален в своей сущности! Это нынешний-то мир, с его

империалистическими войнами, с грабежом, с его нищетой для масс и роскошью для кучки, это нынешний-то мир идеален в своей сущности,—так внушает нейтральная школа в Америке!

Я думаю, что этих примеров за глаза довольно. Диктатура буржуазии преломляется в школьном вопросе, как в кривом зеркале, в теории нейтральности школы. И тот ничего не понимает из всей современной жизни, кто не понял этого. Нейтральная школа—есть фантом, выдумка. Нейтральности не существует в природе нашего общества. Нейтральность существует только, как лозунг в руках буржуазии для околпачивания тех слоев трудящихся, которые нуждаются в квалифицированном обмане.

Учительство и значительная часть интеллигенции нуждается не в грубом, а в квалифицированном обмане. Им нужно втирать очки в том смысле, что школа есть нечто святое, нечто нейтральное и что ты, учитель, работаешь вовсе не на буржуазию, вовсе не на диктатуру капиталистов, а на какую то теорию нейтральности, на какие то надзвездные идеалы.

Вот почему, т.т., нам надо помнить, что нечто подобное этому обману будет проделываться с учительством и в момент пролетарской революции в ряде стран.

Разумеется, нам с вами буржуазия усиленно теперь проповедует „нейтральность" школы и для СССР. Относительно того, что в России—о, ужас—не проводится нейтральная политика в школе, об этом прожужжали всем уши. Вот книжка шведского белого профессора Кольгрена, который посетил нашу страну. О Кольгрене за границей буржуазия говорит, что он „единственный иностранец, которого не удалось обморочить в советской стране". В своей книжке Кольгрен рассказывает:

— „Я видел в России одного профессора истории литературы, который сообщил, что только начав курс по истории английской литературы, он вынужден был прервать его, так как его коммунистические слушатели донесли, что в его трактовании Шекспира они не нашли ни малейшего следа марксистской идеологии".

Ну, разумеется, смеются все, смеется и почтенный Бернард Шоу, по поводу такой сногсшибательной вещи. Я думаю, что случай, о котором рассказывает Кольгрен, вымышленный. Мы

отлично знаем, что наши профессора по истории литературы, трактуя Шекспира, не дадут нам шедевров теории классовой борьбы. Самый лучший русский профессор не может дать более того, что он имеет. Но над чем смеются? Да, мы делаем попытку проводить в школе действительно классовую политику— политику большинства, в интересах большинства.

«Проницательный» Кольгрен кричит о том, что в России теперешняя наука—это служанка коммунизма! И вслед за ним во всех странах и на всех языках буржуазия повторяет этот «ужас», Все кумушки из буржуазно-интеллигентских слоев шепчут на ухо друг другу: а вы слыхали, какое святотатство: в России наука это «служанка» коммунизма! То ли дело быть подлинным слугой католической церкви, то ли дело быть слугой Муссолини, служить почтенному Керзону и Чемберлену, давать идеологическую защиту действительных ужасов капиталистического режима и уверять при этом, что наука «вне партий», что наука нейтральна, что она живет в надземных мирах! Но если наука приносит пользу делу коммунизма, делу освобождения трудящихся масс, тогда для нее находится презрительное словечко «служанка». Мы знаем, что даже на 8-м году существования Советской власти у нас насчет науки далеко еще не обстоит так блестяще, чтоб она целиком являлась «служанкой» коммунизма. Эти времена еще не наступили и напрасно они забегают вперед.

Но перед нами картина того, как буржуазная интеллигенция, крадучись, на цыпочках, подглядывает через каждую щелку, стремясь узнать, что делают в наших школах. В конечном счете они понимают, что наша школа имеет всемирное историческое значение. Вы не можете себе представить, сколько лжи, фальши распространяют они на весь мир (у меня относительно ленинградской школы имеется ряд подобных документов) о том, что делается у нас в школах. На весь мир стараются оклеветать наши школы, ибо отлично отдают себе отчет в том, что наши школы —живой нерв современной жизни, один из крупнейших моментов противопоставления и столкновения диктатуры пролетариата и диктатуры буржуазии.

Исторический путь нашего учительства.

Товарищи, мне кажется, это предисловие было необходимо для того, чтобы развернуть во всемирно-историческом масштабе вопрос, который мы должны разобрать: почему слияние вашего отряда трудящихся с основной массой трудящихся (с рабочим классом во главе) произошло с известным опозданием. Я думаю, не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что нечто подобное мы будем переживать во всех странах. В нашей пролетарской революции учитель заблудился, потому что в течение нескольких месяцев мы пережили две революции, потому что переход от самодержавия к буржуазной демократии и от буржуазной демократии к социалистической революции произошел в течение необычайно короткого времени. Произошло слишком большое нагромождение исторических эффектов, слишком быстрый, головокружительный переход. И на этом переходе иные слои трудящихся потеряли голову, к ним относится и русское учительство, которое тесно соприкасалось с буржуазной интеллигенцией, которое понимало, что оно должно итти против царя, но не осознало еще, что оно должно итти и против буржуазной демократии. Оно не поняло, что наступил момент, когда буржуазная демократия должна уступить место пролетариату. Учительство думало, что такой переход может совершиться в течение сотни лет, по крайней мере десятков лет, но совершенно не ожидало, не представляло себе наступления пролетарской диктатуры через несколько месяцев, даже дней.

С'езд... под председательством сенатора Мамонтова.

Чтобы освежить в нашей памяти пережитое прошлое, я хочу напомнить вам три небольших картинки из жизни нашего учительства. *Первая картинка* из жизни родного русского учительства в 13-14 гг. На зимних каникулах 13-14 г. произошел в Петрограде учительский с'езд по вопросам народного образования. Он был созван петроградским обществом грамотности, во главе которого стоял сенатор Мамонтов.

Сенатор Мамонтов и был избран председателем с'езда. С'езд начался молебствием в Казанском соборе и закончился пением «боже, царя храни» в народном доме. С'езд собрал около 7.000 участников. Итак, на зимних каникулах 13-14 года,—

с'езд в 7.000 человек, молебствие в Казанском соборе, «боже, царя храни»—в народном доме, председатель—сенатор Мамонтов!

17-й год. Забастовка. Удары против рабочей власти.

Вторая картинка: декабрь 17 года. Рабочий класс уже победил в главных пунктах. Буржуазия организует сопротивление против победившего рабочего класса. 13 декабря 17 г. происходит общее собрание петроградского совета учительских делегатов. Большинством голосов—800 против 66—оно постановляет: об'явить забастовку во имя следующих требований:

1) немедленное открытие Учредительного Собрания; 2) полная неприкосновенность всех его членов; 3) немедленное прекращение братоубийственной гражданской войны; 4) восстановление всех гражданских свобод; 5) восстановление законных прав всех городских и земских самоуправлений, избранных на основании всеобщего избирательного права.

Временный петроградский совет учительских делегатов в общем собрании 15-го декабря 1917 г., большинством 311 голосов против 10, при 25 воздержавшихся, постановил: об'явить с понедельника, 18 декабря, всеобщую забастовку учащих во всех школах Петрограда, впредь до созыва Учредительного Собрания, обратившись к населению Петрограда с воззванием, выясняющим мотивы забастовки.

«Мы громко заявляем, говорилось в воззвании, что мы не с теми насильниками народной воли, которые, накануне созыва Учредительного Собрания, силой штыков и пулеметов захватили правительственную власть и преступно не хотят передать эту власть в руки законного народного хозяина—Учредительного Собрания, которые, обманно обещая всем народам свободу и демократический мир, несут русскому народу невыносимый гнет, кровь и меч, разорение и гибель, которые, любовно приветствуя германских генералов и офицеров, клеветой и ложью разжигают вражду и ненависть к братьям русским, возбуждают гражданскую войну и братской кровью обагряют улицы наших городов и родные поля Украйны и Дона».

Стиль, которому позавидует любой черносотенец! «Большевики приветствуют германских генералов и офицеров!»

Спросите этих германских офицеров и генералов насчет приветствия со стороны большевиков—и вы услышите их мнение! (смех). Это заявление тогдашних учителей кончается следующими словами:

«Русское учительство не может молчать, не может спокойно делать свое учебное дело. Находясь в подчинении, в рабстве перед незаконной властью, мы можем воспитывать только рабов».

Эти-то получерносотенцы не хотят, видите-ли, воспитывать рабов! А что делали они с целыми поколениями до тех пор, пока рабочий класс в нашей стране не стряхнул самодержавного строя царской России, не перевернул все вверх ногами, не сверг правительства царя и помещиков, что он делал десятками лет, как не воспитывал зачастую подлинных рабов царского самодержавия?

Вот вам, товарищи, вторая картинка: декабрь 1917 года. Рабочий класс делает первые шаги в области социалистической революции. Верхи учительского союза становятся в позу, вооружаются небывалым пафосом. Они против царского самодержавия не находили таких слов, а в 1917 году эти подлинные рабы заявляют: «Мы не хотим и не можем воспитывать рабов».

В чехо-словацком карауле...

Третья картинка: 14-го августа 1918 года. Казань. Красная Казань взята белыми—чехо-словаками, руководимыми эс-эрами с Черновым во главе. Порезали должное количество рабочих, расстреляли коммунистов. Чехо-словаки, под руководством эс-эров, торжествуют краткую победу, но им кажется, что победа длительная. Происходит собрание учителей под председательством некоего Ивановского. Говорит речь Фармаковский (помнится, член ЦК кадетов). Особым пунктом порядка дня стоит вопрос об организации помощи народной (т.-е. белой) чехо-словацкой армии. Это они-то, которые упрекали большевиков в том, что большевики приветствовали германских генералов и офицеров, они в родной Казани приветствуют белогвардейцев чехо-словаков! Офицеры чехо-словаки жгли наши родные деревни, громили наши села, отнимали у нас нашу свободу, пытаясь наложить новые цепи на наши руки.

Учительство Казани организует отряд помощи так-называемой «народной армии». На собрании один из учителей, захлебываясь от восторга, сообщает, что нас, учителей, в количестве 40 человек, взяли в качестве караула, а обещают взять прямо на боевые функции против большевиков,—об этом он, захлебываясь от патриотического восторга, докладывает собранию.

Я думаю, что этих трех красноречивых картинок хватит.

14-й год. Казанский собор, „боже, царя храни". Декабрь 1917 года. «Мы не хотим воспитывать рабов». «Долой Советскую власть, мы организуем забастовку». 1918 год. Помощь белой чехо-словацкой армии со стороны части учительства. Эти три картинки нельзя забыть! И каждая из них—не забудьте—под флагом нейтральности! Учительство, видите-ли, «нейтрально» хочет только воспитывать детей. Оно организует забастовку, помогает чехо-словакам. И все это называется «нейтральностью». Эгакая «нейтральность» никуда не годится! Можно быть за Советскую власть или против нее, можно помогать чехо-словакам или Красной армии, но нейтральным быть нельзя. Нейтральность—сказка для детей, нейтральность—фантом, орудие для обмана народных масс.

Роль „верхушечных" организаций в буржуазном обществе.

С 1914 года по 1918 год прошло только 4 года, а до наших дней только одно десятилетие, но десятилетие, которое стоит иного столетия. На протяжении этого десятилетия в нашей стране нагромоздились и разыгрались чрезвычайные исторические события, и поэтому в течение короткого срока мы наблюдаем такую быструю смену: в 1914 году—«боже, царя храни», в 1917 году—забастовка, Казань, поддержка белых и, наконец, через трудный путь восприятия и осознания всего происшедшего на наш сегодняшний с'езд.

Организации, которые выступали от вашего имени в 1914—1917-1918 годах, были организации верхушечные. Мы в то время имели, скажем, Викжель, который от имени трудящихся железнодорожников провозглашал то же самое. Мы имели тогда же и фронтовые комитеты, пресловутые «румчероды», состояв-

шие из верхушек и от имени фронтов пытавшиеся провозгласить такую же забастовку.

Что означают собой эти «верхушечные организации»? Они не с неба свалились. Здесь не было случайности. Верхушечные организации, пытавшиеся говорить от имени учительства или железнодорожников, являлись той прослойкой, через которую буржуазия пытается захватить в свои руки те или другие слои народных масс. Буржуазии нужны были железнодорожники, и Викжель была организация, которая годами слагалась среди железнодорожников под флагом буржуазной демократии. Буржуазии нужно учительство. Она должна удержать за собой его тело и душу, и поэтому она годами, а на Западе десятилетиями создает верхушечную организацию в учительской среде—учительский союз—и через эту организацию получает приводной ремень к определенной массе учительства. То же самое было одно время с солдатами, от имени которых говорили «румчероды», то же было и с целым рядом категорий трудящихся. Учтите этот страшно быстрый, головокружительный бег времени в течение минувшего десятилетия, нагромождение великих событий в такой короткий срок, прибавьте сюда роль верхушечных организаций буржуазно-демократической интеллигенции, через которые буржуазия овладевала нужными ей слоями трудящихся,—только тогда станет понятен тот путь, по которому учительство, как определенный слой трудящихся, пришло к нам.

Прошлое рождает не гнев, а боль.

Было бы глубокой ошибкой со стороны сознательного представителя рабочих, если-б он стал в позу прокурора и спросил, почему эта историческая дорога была такая, а не иная. Смешно было бы из этого вить веревку для учителя или выносить ему обвинительный акт. Сознательный пролетарий, как руководитель страны, как представитель класса, ведущего за собой вперед, указывающего дорогу трудящимся всего мира, должен понять это. Нам надо понять те пути, по которым прошла революция, надо понять, что путы, создававшиеся буржуазией при помощи обмана и лжи в течение столетий вокруг учительства, не легко уничтожить в течение десятилетия. Надо понять, что освобождение народных

масс от буржуазной идеологии есть дело очень трудное. И только, поняв это, мы сможем отдать себе полный отчет в том, почему историческая дорога, пройденная учительством, была именно такая, а не иная.

В минуту горячей борьбы невольно сжимаешь кулаки. В момент острой схватки не до историко-философских об'яснений, хотя надо сказать, что наша партия была совершенно об'ективной даже в пору самых горячих схваток, но больно и особенно сейчас больно видеть, когда та или иная частица нашего собственного класса сбивается с истинной дороги. Против нас идут Мильераны, Чемберлены, Керзоны и проч.—это понятно, так и должно быть. Здесь нет места для гнева или осуждения. Здесь место для ненависти, для непреклонной решимости бороться до конца. Но когда видишь, как частица нашего же класса трудящихся не по своей вине, а по своей беде, в результате господства буржуазии и политического и идеологического, потому что эта часть трудящихся еще с молоком матери впитала в себя идеологию буржуазной диктатуры, ее предрассудки и проч., уходит от нас,—тогда бывает больно. Не гневно, а именно больно: ибо наш же класс! А когда пробил час, что он может выйти на всемирно-историческую дорогу, должен взять своих угнетателей за горло, положить их на обе лопатки и начать строить новую жизнь,—в этот решающий момент передовые слои страны, отряды нашего рабочего класса, стоят еще между двух баррикад, между двух огней. Мы такой момент в 1917—1922 годах пережили. Его так или иначе переживут рабочие и учителя других стран, а наш долг сейчас—не упрекать друг друга или делать провинциальные комплименты, вроде того, что мы жених и невеста, а серьезно посмотреть на пройденный путь и понять, почему он был именно таким, понять это для самих себя, переварить хорошенько и суметь передать нашим братьям, которые волей исторических судеб будут совершать свою революцию позже нас и пойдут по нашим путям.

Вы не обвините меня в том, что я затронул вопросы, которые звучат далеко не так празднично. Я осветил их не для того, чтобы бросить вам упрек, но для того, чтобы помочь вам понять пройденный путь, помочь вам от имени всего учительств

захлопнуть, наконец, раз навсегда эту книгу, решив, что это— пройденная глава (бурные и продолжительные аплодисменты).

Я думаю, т.т., что мы можем теперь сказать основному классу, основному строителю и борцу за социализм, рабочему классу нашей страны и другим отрядам рабочего класса, сливающимся с нами, что учитель и рабочий класс поняли друг друга окончательно, что учительство нашей страны и наша коммунистическая партия заключили отныне действительно нерушимый союз (аплодисменты).

Нерушимый не потому, что он эффектно провозглашен— мало ли что можно провозгласить, а потому, что он исторически действительно закреплен, он прошел через огонь испытаний, он выстрадан коллективным разумом, он выкован на наковальне всемирной истории, всемирной пролетарской революции.

Товарищи, вот то, что я хотел сказать вам о роли учительства в нашей стране и во всем мире в эпоху пролетарской революции. Позвольте мне теперь перейти к вопросу о положении и задачах учительства в нашем Союзе в условиях пролетарской диктатуры на 8-м году ее существования.

Характеристика учительства, данная Лениным в 1920 году.

Товарищи, еще в 20 году Владимир Ильич характеризовал наше сельское учительство в следующих словах: «Мы имеем в деревнях сотни тысяч учителей, которые забиты, запуганы кулаками, которые заколочены дополусмерти старыми царскими чиновниками, которые не могут, не в состоянии понять принципов Советской власти». В этих словах никто не почувствует какого-нибудь раздражения, не почувствует какой-нибудь злобы. Здесь об'ективная характеристика из уст человека, который взял на себя всю тяжесть руководства величайшей в мире революцией, направленной к освобождению всего угнетенного человечества. Он дал не без горечи эту характеристику, но дело рисовалось ему именно в таком свете. Учитель в городах, примерно, до 17 года был запуган и забит буржуазией, в том числе верхушками учительской массы, приблизительно, типа Викжеля; учительство же в деревнях запугано кулаками, забито, заколочено дополусмерти старым

20

царским чиновничеством. В 20 году эта характеристика была более или менее верной.

Деревня находилась тогда в брожении (и во время гражданской войны этот процесс брожения еще не закончился). Вспомните крестьянские выступления в отдельных местах против революции, вспомните Сибирь, Кронштадт и т. д. Учительство сельское находилось еще на перекрестке двух дорог, и характеристика, данная ему Лениным, тогда была более или менее правильной.

Учитель—теперь другой.

Прошло пять лет, не надо прикрас, не надо иллюзий, не надо перехваливать друг друга, нам надо взвешивать каждое слово на этом с'езде, нам не надо утверждать, что ныне уж совсем нет ничего похожего на то, о чем Ленин говорил в 20 году. Еще много темных сторон в нашей жизни сейчас, еще много отсталого, заскорузлого, много предрассудков, но, товарищи, само собой понятно, сейчас нельзя сказать, что наши сотни тысяч учителей забиты, запуганы кулаками, заколочены дополусмерти.

Учитель сейчас во многом другой, это учитель новый в обновленной стране. 25—30 проц. учителей у нас совсем новых, пришедших в школу только во время революции, — большей частью из рабочих, из молодых крестьян, а 50 процентов внутренне обновились, внутренне переродились, и обновились не только через книжки и плакаты, не через сладенькие речи и приветствия. Они переродились, пройдя через неслыханные страдания и испытания, через материальные бедствия, а также неслыханные громадные моральные муки,—а моральные мучения иногда стоят больше, чем материальные лишения. Это учительство прошло через такую эпоху, когда в долгую бессонную ночь, которых было не мало, каждый старался себя проверить, чтобы понять, что же происходит на свете, что же означает наша революция, что же теперь стучится в дверь. Наш учитель прошел через эти моральные и материальные испытания, он пережил за минувшие годы столько, сколько в иное время не переживешь в целую человеческую жизнь. А в это время дело росло, классовая борьба ширилась и развивалась, международная борьба ста-

новилась настолько яркой, что событий, разыгравшихся на громадной исторической арене, только слепой не видел и глухой не слышал. Только чеховский «человек в футляре» мог бы не понимать и не разбираться в событиях, которые разворачивались перед глазами каждого из нас.

Но я полагаю, что теперь «человеков в футляре» среди учителей осталось раз-два и обчелся, потому что сейчас у нас не чеховская, а ленинская эпоха (аплодисменты). Вот почему и учитель у нас теперь не тот. Все мы глаза проглядели,—о Владимире Ильиче нечего и говорить, он был один из первых, который указал на великую роль учительства,—ожидаючи того момента, когда можно будет сказать: старое прошло, безвозвратно ушло.

Я думаю, что теперь мы можем вспомнить, оставаясь спокойными и об'ективными, всю горечь характеристики, данной учительству в 20 году величайшим из всех вождей нашего народа—тов. Лениным, мы можем эту характеристику вспомнить для того, чтобы сказать: „Ныне отпущаеши“. Было такое времячко, о котором Ленин говорил, что „учитель был запуган, забит“, было и прошло, никогда не вернется! (аплодисменты).

Как Ленин учил нас строить школу.

Чему учил Ленин в области взаимоотношений с учителями? Прежде всего тому, чтобы мы заключили подлинный честный союз с учителем на платформе общих всемирно-исторических задач поднятия культуры в нашей стране, на основе связи школы с жизнью. Это все простые вещи, это просто, но это так же велико, как был велик и прост тов. Ленин.

Нам не надо выдумывать кривливых фраз о „пролетарской культуре“, а надо помнить, что для пролетарской культуры—как говорил тов. Ленин—сначала необходимо обучить грамоте всю нашу страну, необходимо взять все, что было сильного и хорошего в старой культуре, а затем уже строить пролетарскую культуру, которая вытекает целиком из всего всемирного исторического прошлого человечества. Тов. Ленин говорил, что старая школа была плоха, но это не значит, что можно выбросить ее всю целиком. Не надо хорохориться, фордыбачить: мол, нам это

не нужно совсем. Необходимо взять от старой школы то, что годится для новой, а именно: знание фактов, тщательный подход к делу; мы не можем заменить старую школу „легкими“ лозунгами, трескучими фразами. Проклятие старой школе в той части, где она одурачивала, одурманивала народ, поддерживала его предрассудки для его угнетения! Но это вовсе не значит, что мы можем сразу из рукава вытряхнуть готовые новые методы и весь необходимый материал для провозглашения сию же минуту пролетарской культуры. Взяв все лучшее от старой школы, мы должны на нем организованно надстраивать все новое. Если раньше школа лила воду на буржуазную мельницу, то новый учитель при поддержке коммунистической партии, примкнув к рабочему классу для строительства социализма, должен будет работать на мельницу пролетарской революции.

Ни в коем случае мы не можем просто выбросить все старое. Это значило бы оторвать школу от жизни, а нам необходимо помнить, что школа должна быть тесно связана с жизнью.

Тов. Ленин учил нас, что „одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде, и эти книги в большинстве случаев являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам капиталистическое общество. Поэтому простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным.

Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества“.

Вы знаете, что Владимир Ильич не мог быть врагом книг и брошюр. Ему принадлежат десятки самых талантливых книг, самых бессмертных книг по коммунизму, подлинных шедевров коммунистической массы.

Он не мог быть врагом книжек и коммунистических брошюр, но он говорил: школа, которая строится только на комму-

нистических книгах и брошюрах, такая школа ничего не стоит, а нам нужна школа, связанная тысячами нитей с жизнью. Нам нужна школа, которая внедряется в гущу масс, нам нужна школа, которая свяжется с жизнью рабочих и крестьян, школа, которая сумеет соединить коммунистические книги и брошюры с подлинной жизнью. „Пролетарская культура, говорил он, должна явиться закономерным развитием тех запасов знаний, которые человечество вырабатывало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества". Вот что такое пролетарская культура. Мы ни на одну секунду не отказываемся от пролетарской культуры, мы строим ее помаленьку и постепенно. Мы ее построим при том условии, если решительно отбросим какие бы то ни было надутые хлесткие фразы о пролетарской культуре. Мы будем учить новое поколение подлинной истории, обогащая его знанием предыдущей истории человечества. Мы не можем сказать: так как предыдущая история человечества была не коммунистической, то она нам не нравится,—тем хуже для нее. Это будет уже по Ницше, а не по ленински (аплодисменты). В предыдущей истории человечества было очень много плохого. Если бы вас спросили теперь как делать историю, мы бы выдвинули „умный" план. Но мы знаем: подлинный источник обогащения наших знаний, умение бороться за лучшее будущее,—это прежде всего знание своего прошлого, это прежде всего умение взять все то, что было сильным в старой школе, в старой культуре, это прежде всего умение добиться действительной смычки, действительной связи между школой и жизнью.

О национальной школе. Я, думаю товарищи, что в тесной связи с этим стоит и вопрос о национальной школе. Перед нами великий с'езд,—я думаю, что мы можем это теперь смело сказать. Раньше я колебался, употребить ли это слово. Слово довольно большое, а нас товарищ Ленин учил не бросать слишком больших слов. Но я думаю, что теперь мы смело можем сказать, что собрался великий с'езд, который положит рубеж, с'езд, который вольет в армию трудящихся свежую кровь, с'езд, который привел в нашу среду, в нашу братскую семью тот отряд, которого нам не хватало в деле строительства, в деле

221

поднятия культуры, в деле борьбы за новую школу. Но ваш с'езд, товарищи, велик между прочим и тем, что он многонационален. Не забывайте этого. Союз Советских Социалистических Республик населяют десятки народов, представители учительства многочисленных наций присутствуют здесь и решают вопрос о национальной школе, решают его в духе подлинного братства, в духе подлинного ленинизма.

Вспомним, как старый царский режим делал школу специальным орудием своего господства, орудием великорусского шовинизма. Товарищи, среди шедевров ленинской литературы прочитайте его замечательную статью «О национальной гордости великороссов». Она читается, как поэма, ни одного слова из нее нельзя вычеркнуть. В ней тов. Ленин развивает ту мысль, что величайшая гордость пролетарского революционера, родившегося среди великороссов, должна заключаться в том, чтобы помочь более отсталым народам, с которыми историческая судьба свела его вместе, помочь этим отсталым подняться, стать в уровень со всеми нами, чтобы бороться против твердынь буржуазного строя. Великий момент, призывающий нас к этому делу, наступает, если не наступил уже.

Школа повсюду, кроме СССР, есть орудие национальной грызни, школа повсюду есть основа угнетения отсталых наций, и только у нас, в нашей стране, еще очень бедной средствами, мы выделяем специальные фонды на помощь более отсталым народам, мы стремимся действительно оказать товарищескую поддержку более отсталым нациям. Идя по пути осуществления заветов Ленина, мы сознательно ставим вопрос о национальной школе, как часть интернационального вопроса. Вы знаете, что братство народов, населяющих наш Союз, мы закрепили на целом ряде фронтов, но этого, скажу я, еще недостаточно. Мы должны это братство закрепить и на фронте культуры, на фронте школьном. Через вас, через учителей, в чьих руках находится школа, кому вверено и строительство национальной школы, мы должны этого добиться; от вас мы получим здесь последнюю подкрепу. Последняя печатка будет тут приложена: быть по сему! И действительно, товарищи, быть по сему! Единая пролетарская школа, имеющая одну великую цель, но школа на том

языке, на котором хочет рабочий и крестьянин, а не на том языке, на котором хочет угнетающий помещик и капиталист (аплодисменты).

Возьмите такую часть нашего Союза, как Украйна. Было время, т.т., когда украинское учительство в своей массе шло за петлюровцами. Что привело его на эту, исторически неправильную для самого учительства дорогу? Все те причины, на которые я указывал выше: господство мелко-буржуазных влияний в среде учительства, стремительно быстрое перерастание демократической революции в пролетарскую. Но к указанной сумме причин на Украйне прибавилась еще и третья—национальный момент. Именно то, что Украйна хочет иметь свою национальную школу, хочет говорить на своем языке, чего ни царское самодержавие, ни Керенский с хваленой «демократией» не хотели ей дать. Вот что заставило украинское учительство отстать еще на лишний годок-другой и итти за Петлюрой.

Теперь, товарищи, путь значительно расчищен. Прочь с дороги все препятствия, все то, что мешало нам действительно создать подлинное единое учительство! Прочь все это! Мы, как мусор, убираем это, как старый проклятый дореформенный, помещичий мусор. Не может быть и речи о какой-нибудь тяжбе, о какой-нибудь драке из-за этого.

Когда правительство распределяет по стране свои небольшие средства, то, бывает иногда, что поспорят меж собой, в какую губернию, в какую республику больше дать (происходит это, конечно, от того, что средства уж очень невелики. Как ни дели, всем обидно). Но здесь не может быть и не должно быть никакого привкуса, какой бы то ни было распри. С'езд наш потому и великий с'езд, что он действительно, как нельзя лучше, отражает ту семью народов, которые населяют СССР. Здесь пример и прообраз рабочим и крестьянам всего мира (аплодисменты).

Учитель и общественная работа.

Я хочу, т.т., еще остановиться на вопросе об учителе-общественнике. Раньше ставился вопрос так: учитель или общественник? Я думаю, товарищи, что мы можем теперь очень легко и быстро сойтись на формуле: не—учитель «и л и» общественник, а—учитель-общественник.

23'

Минувшей весной, когда я выступал перед учительством Ленинграда, я доказывал необходимость широкого участия учительства в общественной работе. Моя речь встретила тогда довольно большой отклик в среде учителей— я сужу об этом хотя бы по тем письмам, которые я потом получал.

Т.т., сейчас мы стоим перед другой ситуацией. Теперь приходится говорить уже о том, как установить правильно взаимоотношения между общественной и чисто школьной работой учителя, чтобы получилось известное равновесие, известный баланс сил и времени. Я не хочу утверждать, что все учительство уже повернулось лицом к общественной работе, это было бы неверно. Я думаю, что процентов 30—35 учительства стоит и сейчас в стороне от этого дела. Товарищи делегаты вашего с'езда, с которыми я беседовал, держатся того же мнения. Есть, я думаю, около одной трети учительства, для которой еще стоит вопрос, принять ли участие в общественной работе.

Но большинство, несомненно, уже целиком, засучив рукава, занялось работой и сидит по горло в ней. Сейчас уже встает вопрос о том, как совместить, как соразмерить общественную работу учителя с работой школьной? Кое-где даже призадумываются над тем, не слишком ли перегружены учителя общественной работой. Маленькая анкета, проведенная союзом, показала, что в 30 губерниях 65 проц. учительства целиком с головой сидит в общественной работе. Из целого ряда местностей начинает доноситься стон: нас слишком перегружают обществ. работой. Воскресный день является самым горячим днем для учителя в деревне. Его заставляют делать все: он должен читать газеты, он должен давать юридические советы, он должен помогать ставить спектакли, он должен быть суфлером и т. д. и т. д., одним словом, наш учитель должен быть немного „Мюр и Мерилизом" (смех. Аплодисменты). И ставится вопрос, не слишком ли учителя нагружают.

Учительство— агитпроп Советской власти в деревне.

Нам пришлось как-то обмолвиться фразой, что нашему учительству придется стать агитпропом Советской власти в деревне. Часть товарищей считала преувеличенным такое заявление. Я думаю,

теперь они убедились, что тут преувеличения не было. Учительство—агитпроп,—это на первый взгляд звучит непонятно. Учитель,—и вдруг агитатор-пропагандист. Нет ли тут противоречия? Можно-ли совместить, нет ли здесь „преступной" связи, нет ли тут чего-нибудь фривольного, недостаточно продуманного в смысле постановки вопроса?

Я думаю, т.т., что в стране, где победил рабочий класс, где мы имеем советский режим, опирающийся на рабоче-крестьянские массы, в пролетарском государстве, грань между агитатором или пропагандистом и деятелем просвещения—весьма условная и подвижная и легко стирается.

Просвещение и агитацию мы не можем разделить.

Плеханов говорил: агитатор — это человек, который одну идею дает большому количеству людей; пропагандист — это человек, который многие идеи дает небольшому кругу людей. А деятель просвещения? Разумеется, деятель просвещения в буржуазной стране, это часто—орудие в руках буржуазии. Прикрываясь флагом нейтральности, он является куклой в руках буржуазии. При буржуазном строе просвещение и политическая агитация живут на разных половинах. Агитатор от буржуазии имеет специальную задачу, черное сделать белым, а белое сделать черным. А у нас с вами? После того, как мы скинули буржуазию, после того, как мы пирамиду поставили так, как ей надлежит стоять, когда мы создали диктатуру большинства, у нас агитация ставится совершенно по иному, чем у буржуазии. Среди кого нам теперь агитировать? Кого нам нужно теперь, главным образом, просвещать? Самих себя, громадную массу тружеников города и деревни, рабочих и крестьян. У нас просвещение сливается с агитацией. В других странах правительство заинтересовано в том, чтобы народ был темным, в нашей стране мы имеем первое и единственное пока в мире правительство, заинтересованное в обратном, заинтересованное в том, чтобы крестьянин и рабочий был, как можно больше, культурен. Вот почему у нас просвещение совпадает с политикой, с пропагандой, с агитацией.

У нас нельзя разрезать и положить на одно блюдо просвещение, а на другое—агитацию. С того момента, как мы уничтожили буржуазию, с этого момента мы заинтересованы в подлинном просвещении, и с этого момента теряет свою разницу просвещенец и агитатор-пропагандист. Это—одна работа, выполняемая лишь в разных формах.

Теперь на самой мелкой работе, даже на составлении букваря, это видно. Букварь можно составить, как угодно. Напр., на букву «ч» вы можете написать «чорт» и пояснять, что такое «чорт». А можете написать и «Чемберлен» и об'яснить, что такое «Чемберлен», а рядом с этим написать «Чичерин» и об'яснить, что такое «Чичерин» (смех. Аплодисменты).

То же относится к каждому маленькому рисунку на тетрадке. Вот почему теперь школьную и внешкольную работу можно еще, быть может, различать с точки зрения методологической, но с точки зрения основ нашей педагогической работы в социалистическом государстве, которое хочет строить социализм, разница здесь уже условная, совершенно маленькая, и грани тут весьма подвижные.

Я считаю, что тот из учителей, который имеет 40—80 учеников на своем попечении, такой же агитатор, как и мы, имеющие громадные аудитории и выступающие для всего Коминтерна. А мы в такой же мере «просвещенцы», как и вы: мы также хотим просветить ребенка рабочего и крестьянина, чтобы он не верил в чорта; чтобы он понял, что делается на свете, что такое союз рабочих и крестьян; чтобы он вырос настоящим человеком; чтобы он смотрел на мир открытыми глазами. Мы также хотим воспитать новое поколение в деревне.

Мы думаем, что ваша задача, как просвещенцев, которые не должны уже быть рабами в руках буржуазии, а которые сами сорвали повязку с своих глаз, которые сами знают, что путь к пролетарской революции не устлан розами, но что это все же самый правильный путь,—ваша задача в эту фазу революции быть такими же агитаторами, как и мы. А мы, повторяю, такие же просвещенцы, как и вы. Агитация и просвещение складываются воедино, и нужно это дело делать под углом зрения того, что завещано нам т. Лениным.

Вот почему и самый вопрос о школе и школьной работе уже не приходится ставить с точки зрения «принципа». Тем двум третям, которые уже вошли в общественную работу, нужно помочь. А сами то они должны понять, что разница между общественной и чисто школьной работой—весьма условная и нельзя противопоставлять одну работу другой.

Нужно смотреть только с точки зрения нагрузки, но не забывать, что все мы должны делать и делаем одно и то же дело по одной и той же единой, великой программе.

Вот мой ответ на вопрос о школьной и внешкольной работе, на вопрос: является ли учитель агитпропом или нет. Две трети учительства уже вошли по горло в работу, кое-где, быть-может, нужно их разгрузить, определить, возможно, какую-либо норму. Ибо нельзя требовать от учителя и учительницы, чтобы они были мастерами на все руки, чтобы они умели и великолепно любительский спектакль поставить, и на счет страхования посоветовать и т. п. У нас часто выходит, что учитель должен быть и «швец, и жнец, и на дуде игрец».

Учительство—частица орготдела Советской власти.

Известное разделение нужно.

У нас есть, конечно, и партийные, и советские органы. А когда мы берем революцию в целом, т.-е. то громадное знамя, под которым находят себе приют все трудящиеся, то тут мы говорим об орготделе, об агитпропе в широком смысле слова. И школа есть у нас частица того и другого. Тут у учительства есть основание смотреть на себя, как на частицу и орготдела Советской власти. Вопрос культработы тесно связан с политикой. Поэтому наша политика, принципы нашего строительства должны быть учительству близки.

Мелкие, как будто, вопросы целиком вырастают иногда в большие вопросы социалистического воспитания. Я слышал, что в некоторых школах учителя и учительницы еще бьют детей, дерут их за уши и т. д. С другой стороны, я знаю, что у нашей молодежи иногда дух чрезмерно строптивый. Иной непременно желает сидеть в школе в шапке, иначе его комсомольское достоинство будто бы теряется. Или—обсуждается серьезно вопрос, кто должен первый кланяться, когда встречается учитель

и школьник. Все эти мелкие вопросы надо поставить в перспективе социалистического воспитания. Надо сказать нашему комсомольцу, что ничего от него не убудет, если он будет сидеть без шапки, или будет вежлив с учителем. Если говорят о заветах ленинизма, то это тоже есть кусочек этих заветов. Нужно все остатки буржуазного строя выколотить Нужно понять, что нынешняя школа—это есть новая ткань. Вот, т.т., то, что я хотел сказать об учительстве, как орготделе Советской власти.

Учитель... лицом к деревне.

Вы знаете, что партия наша сейчас ведет свою работу под лозунгом: «Лицом к деревне!».

В статье, помещенной в сегодняшней газете («Правда» от 13 января с. г., статья «Пролетариат и крестьянство»), которую вы, вероятно, читали, я разъясняю подробно, что мы под этим понимаем. Сейчас я не буду на этом останавливаться.

Но я слышал, что в городском учительстве заметны следы огорчения по поводу неравенства, которое оно усматривает в том, что партия слишком-де много говорит о деревенском учителе. Я думаю, что такой подход совершенно неправилен. Товарищи должны понять, что самое слабое наше звено теперь — деревня, что главный фронт просвещения теперь — тоже деревня. Они должны понять, что в городе совершена главная часть революции, что здесь основные источники культуры, знания и т. д. Они должны также понять, что разрыв между городом и деревней был подходящим делом для старого строя, а для нас он — гибель.

Один из основных заветов Ленина заключается в том, что надо выравнивать фронт между городом и деревней, что нужно постепенно уничтожить разницу между городом и деревней. Все внимание партии должно быть на это направлено. И городской учитель должен изо всех сил помочь своему товарищу, сельскому учителю. А помочь кое-чем он может. В нашей городской школе и знаний, и пособий, и опыта, и связей больше, чем в деревенской.

Сейчас мы переживаем такой исторический «кусочек» времени, когда изо всех сил надо помогать родной школе в деревне, потому что она служит главной опорой в борьбе против пьянства,

самогонки—против всего темного и некультурного, что мы встречаем в деревне.

Передо мной небольшая табличка, характеризующая положение дела с самогоном в деревне. Вот цифры: в 22 году обнаружено 94.000 случаев самогонокурения, в 23 году—191.000, в 24 году—275.000. Отобранных аппаратов: в 22 году — 22.000, в 23 году—54.000, в 24 году—73.000. Разве это не бич? Разве для сельского учителя не возникает здесь специальная задача борьбы с этим злом? Разве мы все не должны помочь ему именно в этой области?

Связь рабочего класса с деревней обеспечивает нам все. Мы переживаем новую фазу в нашей революции, когда хозяйственная связь города с деревней решает абсолютно все. Мы держим экзамен на хозяйственном фронте. Мы должны показать крестьянину, что советский строй сумеет дать крестьянину такое правительство, которое явится нам более экономным и умеет организовывать хозяйство. Тут задача учителей колоссальная. Учитель должен и может помочь партии в этой работе больше, чем в какой либо другой.

Об интеллигентском непонимании взаимоотношений рабочего с крестьянином.

Вот письмо одного из учителей к нам, который никак не хочет понять, как мы ставим вопрос о взаимоотношении рабочего с крестьянином. Определяя взаимоотношения рабочего и крестьянина, он дает этому „поэтическое" определение. Он пишет:

— Рабочий—это камень, свалившийся со скалы в реку, которая его успела обтесать, округлить друг о дружку. На нем, что называется, нет ни сучка, ни задоринки, такой он чистенький, гладенький: приятно в руки взять.

А крестьянин в деревне—камень, который покоится еще в скале. Он грубый, неотесанный, частью выщелоченный.

Последний камень лежит, лежит, да и упадет к гладеньким товарищам. Как они его, тов. Зиновьев, встретят? Я думаю, что—„уйди ты, политически и социально неумытая рожа".

Вот как некоторые учителя представляют себе дело. Боюсь, что этот учитель имеет вымученную полуинтеллигентскую психо-

логию. Он, вероятно, не рабочий и не крестьянин. На самом деле, рабочий такого чванства не имеет. Если коммунист страдает комчванством, то его партия стегает хворостинкой—этого требовал тов. Ленин, и это делает вся партия. С «коммунистическим», «комсомольским» и всяким другим чванством мы бэремся. Письмо говорит нам о неправильном представлении, которое существует у автора о взаимоотношении рабочего с крестьянином. Рабочий не скажет крестьянину: «Уйди ты, неумытая рожа». Передовой рабочий в городе знает, что наша деревня решает судьбы революции, что у нас пролетарская диктатура в крестьянской стране и что в последнем счете победа революции решается тем, сумеем ли мы восстановить наш хозяйственный фронт и сумеем ли на хозяйственном фронте закрепить союз между рабочими и крестьянами. Этот вопрос стоит перед нами, от него никуда не уйти!

На помощь учителю села.

Городской учитель должен оказать помощь сельскому учителю, который работает на самом трудном, на самом важном фронте.

Мы помним, как слащаво старая народническая литература изображала народного учителя: заброшенный в деревню, он часто изображался полусвятым, вроде того рождественского мальчика, который обязательно должен замерзнуть перед елкой. Этот сладенький тон мы отбрасываем. Мы не говорим, что учитель святой, да он в этом и не нуждается. Мы ставим вопрос реалистически, по-пролетарски. Мы знаем, что народный учитель работает действительно на том тяжелом участке фронта, где остатки старой России особенно сильны, где старую помещичью, барскую психологию вбивали палками, где долгие века нарочно держали народ в темноте, где в народе нарочно воспитывали предрассудки. Вот на этом самом тяжелом участке фронта работает определенный отряд нашей армии, и он нуждается в лучшей связи, в большей материальной и моральной поддержке, и, главным образом, моральной. «Довлеет дневи злоба его»—сейчас само учительство села должно уделить больше внимания жизни деревни, а городская школа должна ему в этом помочь.

Наше учительство становится сейчас и будет дальше становиться все большим и большим средоточием деревни. Одним из ее полюсов: один полюс—поп, другой полюс—учитель. Поп—с кулаками, а учитель—вместе с лучшими слоями населения в деревне.

Учитель имеет на селе еще целый ряд дополнительных задач. Я не буду на них подробно останавливаться, достаточно их перечислить. Возьмите сельскую школу, кооперацию, вопросы землепользования, землеустройства, деревенскую газету, антирелигиозную пропаганду,—все эти вопросы во весь рост встают перед сельским учителем. Поэтому городскому учителю здесь нельзя ревновать или порицать. Надо видеть и понимать ход революции. Надо бросить цеховую точку зрения и на прежних уроках понять, что такая точка зрения уведет нас в сторону от столбовой дороги революции. Надо понять, что деревня есть сейчас главнейший фронт, и туда ведут нас сейчас судьбы революции.

Сельский учитель должен „выиграть" нашу смычку.

Вы помните изречение, что «битву при Садовой выиграл сельский учитель; франко прусскую войну 70 - 71 г. выиграл сельский учитель». Да, этот учитель был грамотен и образован, это сказалось на прусской армии,—и она победила. Сейчас говорят, что земледелие в Дании поставлено образцово, благодаря сельскому учителю, благодаря тому, что он грамотен и образован. У нас пришло время, когда степень грамотности, самопожертвования, организованности учителей вообще и в частности сельских учителей определяет судьбы смычки по политической линии, определяет степень поднятия сельского хозяйства и частью решает наши судьбы в области организации Красной армии и в области новых войн, которые нам, наверняка, раньше или позже, но навяжут разбойники западно-европейского империализма. Если битву при Садовой выиграл сельский учитель, если датское земледелие поставил образцово сельский учитель, то и нашу смычку сейчас в значительной мере выиграет тоже сельский учитель. Это надо ясно понять и притти на помощь нашему сельскому учителю.

«Лицом к деревне»—это основной лозунг нашей партии и Советской власти на данный период. Учительский с'езд должен его усвоить, а городской учитель вместе с сельским должен осуществить его на деле. Сельский учитель должен быть подготовлен к стоящей перед ним работе, чтобы деревня поняла это, чтобы она видела, как он справляется с поставленными перед ним задачами.

Является ли учитель пролетарием.

Я хочу еще в нескольких словах остановиться на вопросе о том, является ли учитель пролетарием. Этот вопрос как будто бы ясен, но не совсем. Часто говорят огульно, что учительство—мелко-буржуазная масса. Сейчас некоторые делегаты говорят: «надо выбросить лозунг: пролетаризировать учителя»,—чтобы учитель совсем отказался от своего кусочка сельского хозяйства, от всех подсобных работ и вел бы исключительно школьное дело,—тогда он будет настоящим пролетарием.

Чтобы выяснить себе вопрос, придется взять три критерия: с точки зрения своего имущественного положения наше учительство теперь все пролетарские рекорды побило (смех. Аплодисменты) и можно даже сказать, что оно «пролетариат из пролетариата». Если мы возьмем роль его в производстве—один из важнейших признаков пролетария с точки зрения марксистского определения, то здесь дело довольно своеобразно. Учитель близко стоит к своему «производству», он сидит в нем, днюет и ночует. Но он имеет только косвенное отношение к производству материальных благ, к увеличению массы товаров и т. д. Третий признак—живет ли учительство разбросанно или концентрированной массой. Это тоже один из важнейших признаков. Капитализм концентрирует промышленный пролетариат, собирает его под одной крышей и связывает его исторический размах. В этом отношении учительство тоже «хромает», в смысле своей пролетарской сущности, ибо живет оно разбросанно.

Мы здесь не профессора, мы не ищем академических формул и научных обоснований, а подходим к событиям, как живые люди, как революционеры. Есть учитель и учитель. У нас есть уже учитель и из рабочей среды. Сейчас в стране, по-

бедившей буржуазию, надо сказать смело, не рискуя погрешить против теории марксизма,—мы должны признать, что учительство в своем большинстве есть часть трудящейся массы, возглавляемой пролетариатом, и как равноправная часть трудящихся, оно должно быть принято в нашу среду (аплодисменты).

Может ли учитель иметь свое хозяйство в селе.

Мы обозрели тот путь, по которому учительство пришло к нам,—это основное, а все остальное—лишь вопросы большей или меньшей целесообразности. Учитель, который завел себе маленький клочек земли, чтобы как-нибудь прожить в эти тяжелые годы, поступил правильно. И сказать, что он отъявленный мелкий буржуа,—для этого надо быть не марксистом, а книжником и фарисеем (аплодисменты). Сказать ему: «брось этот клочек, мы тебя обеспечим, а ты займись только школьным делом»—рано еще. Обеспечение еще слишком слабо, во-первых. А во-вторых, и крестьянин часто гораздо больше уважает того, кто сам ведет хоть маленькое сельское хозяйство. «Если ты сам не хозяин, то у тебя может быть язык и хорошо привешен, а ты походи за сохой». Вот что крестьянин скажет учителю. Учитель, который косит и пашет сам, имеет совершенно другой авторитет в деревне. Мы всецело за поднятие сельского хозяйства, почему же мы будем считать намеренно «кулаком» того, кто ведет свое хозяйство!

Вопрос становится теперь только с точки зрения целесообразности: кто может вместить—пусть вместит. Кто может совместить свою работу учителя с обработкой кусочка земли—пусть совместит, в этом нет ничего худого и от этого он вовсе не перестанет быть членом семьи трудящихся. Так мы ставим вопрос. И все остальное надо обсудить с точки зрения практической, деловой, в конкретном применении к данной волости, к данному человеку, к данной школе.

О материальном обеспечении учителя.

Я делал попытки собрать сведения о том, какие вопросы в данный момент являются наболевшими для всего почти полумиллиона работников просвещения, и в частности для 200.000 деревенских учителей. У меня

создалось такое впечатление, что вопросов здесь много, но следующие пять вопросов являются самыми существенными.

Первый вопрос—об улучшении материального положения учителя.

Было бы смешно, если бы мы отрицали остроту этого вопроса. Правда, он стоит сейчас менее остро, чем год тому назад, но он все еще далек от своего полного разрешения.

Наша программа в этом вопросе изложена у т. Ленина: выше и выше поднимать народного учителя. Поставить его на такую высоту, на какой он не стоит ни в одной буржуазной стране. Больше всего и больше всего думать о материальном положении учителя.

Заработок рабочего сейчас приближается к довоенному уровню. И заработок учителя начинает подходить близко к довоенному. Конечно, довоенная норма не является идеалом и еще в меньшей мере для учителя. Я думаю, что слова т. Ленина ни в коем случае нельзя понимать так, что надо довести материальное положение учителя до довоенного материального уровня, т.-е. до 30 рублей и остановиться. Слова тов. Ленина необходимо понимать так, что надо довести материальный уровень учителя до довоенного уровня лучшего рабочего нашей страны. Конечно, мы не можем этого сделать в короткий срок, и было бы смешно, если бы мы раздавали пустые обещания, никому ненужные. Здесь собрались товарищи с товарищами, а не начальство и его подчиненные, которые ждут от него красных слов и обещаний. Вы знаете хозяйственное положение республики—о нем вам рассказал тов. Рыков—вы знаете отлично, что у нас здесь пока ограниченные возможности, но есть все шансы на улучшение в будущем,—и это бесспорно.

Сроки теперь отмериваются не десятилетиями, а гораздо короче. Программа наша будет заключаться в том, чтобы поднять материальное положение учителя до уровня лучшего рабочего в стране, ибо учитель имеет на это все права: он нам нужен для нашего пролетарского „концерта", он нам нужен во всем нашем процессе разделения труда не меньше, чем квалифицированный рабочий.

О приеме учителя в партию.

Второй вопрос, который, мне кажется, больше всего интересует вас, это вопрос о приеме учителя в партию.

Вопрос очень серьезный, который нельзя разрешить так легко. Сегодня он предварительно обсуждался в заседании ЦК партии. Было решено, что мы должны принять ряд мер для облегчения доступа в партию тем лучшим учителям-революционерам, которые этого заслуживают (аплодисменты).

Мне кажется, вообще, здесь не время и не место останавливаться на деталях, общее принципиальное решение ЦК в этом смысле обеспечено. Вы знаете нашу партию, вы знаете, что она централизована, что для нее слово ЦК есть закон, вы знаете, таким образом, что решение ЦК, безусловно, войдет в жизнь. Само собой понятно, этот вопрос решают обе стороны. С одной стороны—партия, а с другой—учителя. Но для принадлежности к партии мало только доброй воли, надо подкрепить свое стремление в партию на коммунистическом деле. Тогда и партия еще шире и смелей станет открывать свои двери для учителя.

О взаимоотношении парткомов и учительства.

Третий вопрос, мне кажется, о том, как сблизить местные партийные комитеты с учительством, как усилить руководство парткомов учителями в общей работе. Я имею ряд писем и сводок уездных конференций, где говорится, что там раздавались голоса: «Партия давно говорит о внимании к учительству со стороны местной политической власти, но, вероятно, и сейчас сойдутся, поговорят, а потом все останется попрежнему».

Такие нотки скептицизма есть. Я смею сказать от имени ЦК нашей партии—а вы знаете авторитет ЦК в стране—что, безусловно, поскольку дело зависит от нас, ни в коем случае не останется попрежнему. И вы должны сделать—и, надеюсь, сделаете—все возможное для того, чтобы не осталось попрежнему.

О перебросках.

Четвертый вопрос, который, повидимому, волнует учительство, это вопрос о перебросках. Бывают случаи, что учителя перебрасывают в другое место, когда, может быть, это и не вызывается необходимостью. Можно

себе представить, сколько справедливых огорчений, сколько тяжелых моментов пережило учительство по этому поводу еще недавно.

Мне приходилось читать множество писем к ряду товарищей, писем, повествующих о тяжелом быте учительниц и учителей. Для того, чтоб свезти заболевшую бесприютную учительницу в больницу, складывались 20 учителей и не могли набрать пять рублей. Мы знаем, что в прошлые годы нашим учителям не во что было одеться; на 10 человек, бывало, лишь две пары сапог. Над этим способны были смеяться меньшевики и эс-эры. А разве в это время у нас в Красной армии не бывало, что на 10 бойцов имеются лишь две пары сапог. Меньшевики и эс-эры, видя, как босые, разутые, раздетые команды красноармейцев шли против вооруженного до зубов врага, и над этим посмеивались. Конечно, только белогвардейцы и нищие духом могли над этим смеяться: наша армия боролась против всего капиталистического мира, против всей капиталистической обстановки!

Если мы сейчас говорим, что учитель нужный нам работник, который на ряду с рабочим классом должен поднимать культуру страны, то здесь опять-таки могут смеяться белогвардейцы, но нам об этом забыть было-бы преступно и теперь допускать непродуманную, легкомысленную переброску наших учителей и учительниц, это было бы, конечно, настоящим преступлением против Советской власти, против партии. Само-собою понятно, все, что мы сможем сделать против этого, будет сделано.

Учительство и комсомол.

Наконец 5-й, серьезный и большой вопрос —о взаимоотношении учителя с комсомолом. Об этом будет специальный доклад Бухарина, мне незачем его предупреждать. Но так как по этому поводу ко мне уже обращались и на меня неудачно ссылались в прессе, я позволю себе на этом вопросе несколько остановиться. Несомненно, товарищи-комсомольцы должны понять, что они обязаны заключить настоящий, не мишурный, а настоящий братский союз с учительством. Они должны понять, что они не могут и не должны править и командовать учителем, а вместе с ним учиться, вместе с ним работать. Вы знаете, как мы любим и ценим наш РЛКСМ.

Мы смотрим на него, как на наше будущее. И на пионерское движение мы смотрим, как на зачаток великого будущего. Когда видишь иногда, особенно в солнечный день, массу движущихся красных знамен, думаешь радостно: идет смена! Сначала видишь, идут только знамена, а уж потом оказываются под знаменами малыши,—дух радуется. Безусловно, это великий зачаток будущего. Недавно шел я в Ленинграде по улице с одним рабочим. Была мятель. Вдруг видим—небольшая кучка пионеров—было уже под вечер—идут и поют. Ленинградский рабочий говорит: «Они сами похожи на революционную мятель». Да, это верно, похожи. Это—свежий ветер, мятель революции, это зачаток новой красивой жизни, не в смысле вычурности, а в смысле настоящей подлинной красоты. РЛКСМ—это великая завязь будущего, это свежий ветер, который может приблизить уже сейчас своей работой город к деревне.

Но это не значит: всему можно потакать. В деревне жалуются, что комсомол иногда представляет там всю власть. Мы не раз слышали подобные рассказы. Так не годится. Несомненно, взрослое население и учительство должно поддерживать комсомол и не создавать к нему отношения добродушных папаш. Но потакать ему во всем нельзя.

Комсомолец должен понять, что учитель ему не конкурент, а друг и товарищ, с которым он должен работать вместе.

Сейчас уж не верно будет такое сравнение: ведь союз металлистов образовал секцию инженеров, чтоб поближе привлечь их к себе, комсомолец должен привлечь на свою сторону учителя. Теперь это сравнение не годится. Мы прекрасно знаем разницу между рабочим и инженером. У нас были инженеры, которые по 500 руб. получали, когда рабочий имел лишь 40. А учителя получают 30 рублей, когда рабочие имеют 50. Вот почему это сравнение хромает.

Надо понять, что учитель в 25 году, это не учитель 18-го года. Надо понять, что он переварился в кипятке пролетарской революции, выстрадал себе право стать равноправным работником пролетарской революции. Надо, чтобы комсомол не командовал, а соединился с учительством. Комсомол должен понять, что

учительство—дружеская держава, с которой вместе рука об руку надо пойти в великой работе строительства социализма.

Учитель должен помнить о трудностях революции.

Я осветил перед вами пять наиболее важных вопросов. Разумеется, найдется еще 25 также чрезвычайно важных вопросов. Решить их ва „ура“ нельзя. Вы должны помнить о всех наших трудностях, о том, что мы окружены врагами со всех сторон, вы должны помнить, что нам могут навязать новую войну и наверняка навяжут, если связь рабочих и крестьян будет слаба. Если же она будет сильна, то это будет прочной и лучшей гарантией, что не посмеют нас пробовать на зубок. Вы должны понять трудности нашего пролетарского государства, которое только теперь начинает добиваться первых серьезных успехов на хозяйственном фронте. Они особенно дороги, потому что они первенькие. Они первые, но не последние. Мы видим, что дело на мази, на правильных рельсах. Сельское хозяйство, городская промышленность подымаются, несмотря ни на что. Мы входим в период строительства, в период культурного строительства, по преимуществу, в период реализации программы социализма.

Ленин учил нас, что надо цивилизовать нашу страну.

Тов. Ленин учил нас, что нужно прежде всего цивилизовать нашу полудикую страну. Но надо понять, что это значит в устах тов. Ленина— „полудикая страна“, это не бранливое слово, конечно, у нас есть пояса в нашей великой громадной стране, которые находятся почти на ступени полуварварства и в смысле хозяйства, и в смысле культуры. Когда Ленин говорит: полудикая страна, мы понимаем, что это значит. Но когда Бернард Шоу или Мисс-Сноуден (приезжала такая дама из Англии и затем написала статью о том, что клопы у нас очень кусаются) говорят о полудикой стране, тогда мы с полным правом, оборачиваясь к ним, говорим: а вы, которые считаете себя цветком, «парфюмерией» буржуазной интеллигенции, кто вы? Эго вы—дикари, это вы на самом деле полуварвары, если еще терпите английского короля. Посмотрите церемонию, когда английский король отправляется в парламент, ведь, это средневековье. Заседание английского пар-

ламента—сплошь средневековье! Их рабочие министры в ливреях стояли за плечами короля Георга. Это вы, Бернард Шоу, Чемберлены и Макдональды „полудикие“, а мы культурнейший народ! (аплодисменты).

Ибо мы двигаем прогресс человечества, а вы его задерживаете.

Но тов. Ленин имел полное основание напомнить, что хотя великую революцию мы сделали, а во многом мы еще не цивилизованы, грамоты еще нет у нас. Только после ликвидации неграмотности начнется настоящая культурная работа. Цивилизоваться надо, говорил тов. Ленин. Из его уст это раздается на всю страну, из его уст это подхватывается, как из уст лучшего выразителя великих чаяний трудящихся всего мира.

Призыв тов. Ленина должен быть услышан нами. Никакой гордыни, не зазнаваться! Цену нашей революции мы знаем. И все-таки мы еще „полудикие“, и все-таки мы еще неграмотные.

Сейчас мы вступаем в новую полосу работы, когда надо цивилизовать нашу родину, цивилизовать Союз Сов. Соц. Республик, тот Союз, которому выпала честь, благодаря стечению обстоятельств, победить буржуазию.

Но мы еще отсталый народ, которому надо подумать над тем, чтобы не было ни одного неграмотного, чтобы перестали верить в чорта, а также и в попа. Конечно, более осторожно, но добиться этого надо. Надо еще спихнуть попа и не дать подняться новому попу, более «цивилизованному», подходящему более по иезуитски, чем наш деревенский батюшка, который читает проповеди о боге, а на завтра, налакомившись самогонкой, лежит пьяный и дает таким образом лучшие аргументы против себя в руки учителя.

Растет новая буржуазия, значит будет расти и новый поп, более ловкий, более подсахаренный, более интеллигентный, который по примеру ксендза, по примеру иезуита будет седлать деревню. С ним нужно будет бороться.

Мы целиком вступаем в период, когда работник просвещения становится работником революции, когда агитация и про-

паганда внедряются в просвещение. Ликвидация неграмотности такой же важный фронт, как фронт международной борьбы. Все эти задачи слились, грани тут только условные.

„Издержки производства" Октябрьской революции мы покрыли.

Близится время, когда можно будет сказать —кончается пред'история, мы приступаем к строительству социализма.

Издержки производства были очень большие: разорение страны, долгий период обнищания—все это издержки производства. Учитель без средств, учительница без приюта, это тоже «издержки производства» великой Октябрьской революции. Нельзя говорить, что революция делается легко, это не то, что прогуляться по Невскому проспекту. Да, революция наша пролетарская, глубинная, народная и стоит она дорого не только побежденному, но и победителю, стоит дорого рабочему классу, который главным образом пострадал, и стоила дорого вам, как части рабочего класса.

Издержки производства были большие, но теперь близится время, когда мы сможем сказать, что мы истории заплатили по счету. Мы издержки производства сполна заплатили. Мы чашу до дна выпили. Мы испытали блокаду, и голод, и лишение, и зрелище учительницы бесприютной, которой не могли помочь грошем, и зрелище голодного рабочего, все это мы видели, все это мы оплатили. А теперь бьет другой час, более счастливый, когда материальные лишения начинают отступать в область прошлого, когда мы сможем свою учительницу считать героиней, не сусальной героиней, а нашей подлинной героиней революции, которая будет по мере сил работать, чтобы помочь нашему народу подняться. Наступает то время, когда мы сможем учителя и учительницу поставить в сносные материальные условия.

Если у нас сейчас полмиллиона работников просвещения, то несомненно, через пять лет их будет полтора миллиона. Как только разрешится вопрос о ликвидации неграмотности, как только мы перейдем к более высокому под'ему культуры,—несомненно, положение работников просвещения значительно улучшится. Мы теперь радуемся по поводу того, что первые газетки проникают в деревню, что мужик может получать нашу газету. Но близится время, когда у нас не будет ни одного неграмотного в городе, а

в деревне будет время, когда учительница и учитель будут самыми «подкованными» в культурном отношении людьми.

Тогда это будет образ самых любимых людей среди своего народа, тех людей, которых будут знать: они двинут народ дальше, они его поднимут на небывалую ступень культуры, они дадут свет, знания Вот к этому будущему мы идем.

Учитель верен заветам Ильича.

Мы уже год живем без тов. Ленина.

Я думаю, что потеря Ленина ощущалась вами глубоко. Вы знали, что это руководитель не только русского народа, но и всех народов. Я думаю, что этот год, как он ни был тяжел, все же позволяет нам к годовщине смерти Владимира Ильича с гордостью сказать, что мы твердо шли по дороге, которую он нам указал. Ваш с'езд—одно из доказательств этого, потому что здесь в деле сближения партии и учительства—осуществление одного из заветов Ильича.

По мере сил мы работали и подготовили с'езд более или менее серьезно. Но, т.т., одни с'езды еще не делают истории. С'езд может нам дать спевку, первоначальную организацию, сплочение, но самая настоящая работа начнется после с'езда, когда вы вернетесь на места и приступите к реализации намеченного.

Работы—непочатый край. Главная работа началась теперь, когда мы отбились от врагов иностранных. Основной лозунг: поднять нашу страну из бедности на высокую ступень морального и материального благосостояния, поднять и сделать ее самой культурной из всех стран, добиться того, чтобы социальная революция пожала плоды всех предыдущих революций. В прошлых революциях плоды доставались господствующему классу. Наша страна—первая, где пролетариат после долгих мучений пользуется результатами своей победы. В чем должны заключаться эти результаты? Прежде всего, во всеобщей культуре, в том, чтобы поднять страну на недосягаемую культурную высоту

Эта работа стоит перед вами и мы твердо верим, что в каждом учителе и учительнице и, прежде всего, в вас самих мы встретим настоящих сотрудников, настоящих товарищей. Каждый из вас покажет, что он понял размах пролетарской революции,

что он понял, за что лилась кровь, что он понял, что не было более правильного учения, чем учение марксизма и ленинизма. Понял и сумеет сделать из этого нужные выводы.

Я думаю, что теперь близко время — оно уже не за горами — когда рабочий, передовой крестьянин будет встречать учителя и учительницу, как своих братьев и сестер. Близко время, когда образ учителя и учительницы будет сиять недосягаемо в том смысле, что всякий поймет: вот настоящий работник народного дела, вот человек, который самоотверженно и до конца, по призванию, не только по профессии, отдал себя работе, достойной передового революционного борца, работе учителя. Тогда будут говорить — вот ученики Ленина, вот люди, которые умеют, хотя и в маленьком масштабе делать то, что им завещал самый великий из людей, каким был тов. Ленин (аплодисменты. С'езд поет »Интернационал»).

Новый период культурной советской работы.

Из доклада тов. Рыкова.

Три главных момента.

Впервые, после Октябрьской революции, в Советской России, Советская власть и партия на 1-м Всесоюзном с'езде разговаривают с массой учительства, того учительства, которое всеми нитями своей работы и, в значительной части, своим бытом связано с классом крестьянства, со стомиллионной крестьянской массой. Это имеет, на мой взгляд, особое значение. Было бы гораздо лучше, если бы эта наша беседа произошла не теперь, а 7 лет тому назад, тогда бы и Октябрьский переворот и строительство советской республики и текущие задачи Советской власти выглядели бы несколько иначе.

Во всяком случае при поддержке той громадной массы культурных сил, которая представлена вами на настоящем собрании, Октябрьский переворот произошел бы более безболезненно и наши достижения, наши успехи и в области хозяйственной, и в области положительной культурной работы были бы гораздо значительнее.

Вы знаете, что Октябрьский переворот произошел не безболезненно и не бескровно. Если взять всю эпоху от Октябрьского переворота до настоящего с'езда, то в ней можно,совершенно отчетливо, выделить три главнейших момента. Первый—момент непосредственной борьбы восставшего народа за власть, момент баррикад, когда для захвата власти вокруг восстания была произведена массовая мобилизация всех народных сил и угнетенных классов. Второй момент—когда восставший народ победил, когда восставший народ организовал Советскую власть и уже, как организованное советское государство, вступил в длинную, продолжительную, тяжелую для широчайших на-

родных масс гражданскую войну. И, наконец, третий момент—окончание гражданской войны и начало нашего положительного строительства. Вот об этих задачах положительного строительства текущего момента мне и предстоит сделать вам сообщение.

Наша задача: организовать социалистическое общество.

Для того, чтобы понять очередные задачи Советской власти, задачи настоящего момента, необходимо исходить из тех конечных целей и длительных задач, которые ставил народ во время Октябрьского переворота и которые советское правительство и советское государство должны осуществить. Ни одна текущая задача не может быть поставлена в программу рабочей Советской власти, если она не соответствует той конечной цели, которая была поставлена Октябрьской революцией.

В чем заключается отличие конечных целей нашего государства от того, что ставило коалиционное демократическое правительство до Октябрьской революции и от тех, которые ставятся правительствами во всем мире, на всем земном шаре? Это отличие заключается в том, что Советская власть должна построить совершенно новое, невиданное в истории человечества общество, социалистическое общество. И отличие советского правительства от всякого другого, которое есть в настоящее время или когда-либо было в истории человечества, заключается в том, что советское правительство должно организовать это социалистическое общество.

Из этого вытекает вся разница взаимоотношений правительства советов с народом от тех отношений, которые наблюдаем мы в любой стране, где господствует капиталистическое правительство. Октябрьская революция поставила в порядок дня организацию такого общества, которое исключало бы самую возможность эксплоатации человека человеком, поставила в порядок дня организацию общества, в котором не должно быть классового деления, в котором не может быть темноты и невежества, в котором народ, опираясь на все величайшие достижения техники, обеспечил бы полностью все материальные и духовные потребности человека. Только на такой основе мы достигнем невиданного

расцвета культуры. Эта задача невиданная в мире. После Октябрьского переворота, когда передовой рабочий класс провозгласил эту величайшую в истории человечества задачу, конечно в среде народной массы находились слои, которые либо считали это неосуществимым, либо, благодаря своекорыстным интересам, относились враждебно к самой революции.

Учительство не всегда было с нами.

Учительство в этот первый период не всегда было с нами. То, что оно не всегда было с нами, конечно, не его вина, а его беда. Здесь в значительной степени сказалась отсталость того слоя населения, с которым более всего и сильнее всего было связано учительство. Крестьянство, особенно в армии, заключило теснейший союз с рабочими, поддержало нас во время Октября на основе прекращения войны, уничтожения помещичьего землевладения и поддерживает нас до сих пор. Но если бы вы меня спросили о том, готово ли крестьянство теперь для осуществления коммунистического строя, я бы сказал вам: «Нет, оно к этому еще не готово». На протяжении большого количества лет крестьянство будет подходить к организации коммунистического общества.

Интеллигенция, которая была связана с крестьянством и отражала именно эту неготовность крестьян для органического строительства социализма, упускало из виду, что между самым переворотом и достижением конечной цели лежит длинный и трудный путь продолжительной работы культурных и хозяйственных достижений. После Октябрьского переворота народ прошел, как я вам говорил, через величайшие испытания гражданской войны.

34'

Историческое значение с'езда.

Теперь мы насчитываем всего три года нашей положительной и органической работы. В этом периоде органического строительства мы в дальнейшем будем также отличать целый ряд периодов и этапов и, если нужно было бы в исторической перспективе охарактеризовать возможное значение этого с'езда, то мне хотелось бы, чтобы настоящий с'езд явился исторической вехой на пути положительного,

органического, культурного строительства. Этот с'езд может явиться этой исторической вехой.

Это с полной очевидностью предвидел и Владимир Ильич, и мне кажется, если был бы теперь жив Владимир Ильич Ленин, то он больше, чем кто либо из нас, был бы рад настоящему с'езду. Тов Ленин больше, чем кто-либо из нас, предвидел все историческое значение работы учительства в строительстве нового коммунистического общества. Здесь уже приводился в журналах целый ряд цитат из работы Владимира Ильича. Я прочту еще раз одну из них: «Народный учитель,—по словам Владимира Ильича,—должен у нас быть поставлен на такую высоту, на какой он никогда не стоял, не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это—истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны итти систематической, неуклонной, настойчивой работой». Одной из целей, одним из желаний В. И. было то, чтобы учитель пришел на помощь народу в организации нового социалистического общества. В настоящий момент это достигнуто и в этом выражается историческое значение настоящего с'езда (аплодисменты).

Значение учителя в деле смычки города с деревней.

Мы вынуждены осуществлять свою задачу строительства нового социалистического общества в стране, которая является одной из наиболее отсталых стран во всей Европе. Мы вынуждены историей строить новое общество в стране, в которой рабочий класс, главный носитель политической власти и диктатуры, является меньшинством населения. Осуществление самого Октябрьского переворота и победа наша в гражданской войне и успех нашей положительной органической работы зависели и зависят целиком от того, насколько рабочий класс удержит и укрепит свою связь с крестьянством. На пути к социализму рабочий класс не может итти вперед один. Он должен это делать в подлинном и цельном союзе с большинством населения—с крестьянской массой. Поэтому вопрос о союзе рабочих и крестьян является главнейшим вопросом всей нашей не только общей политики, но и всего нашего хозяйственного и экономического строительства.

Значение учительства в укреплении и в развитии этой связи рабочих и крестьян, конечно, не подлается никакому учету, потому что в лице учителя мы имеем слой населения, который может лучше, чем кто-либо другой, связать общие цели строения нового общества, наши общие социалистические задачи с конкретными интересами крестьянства; потому что к социализму и к социалистической программе крестьянство нужно и можно привести только на основе подлинной конкретной работы по улучшению их жизни, примером социалистического строительства, уничтожая неграмотность и отсталость; потому что крестьянство принадлежит к такого рода классам, которые меньше других понимают и склонны понимать отвлеченные рассуждения, ибо оно, по всему своему образу жизни, легче воспринимает конкретные факты. И вот, при передаче крестьянству идеологии нового социалистического общества, применительно к его интересам, к мелочам крестьянской жизни, к строительству сельского хозяйства,—в этом деле роль учительства совершенно исключительна.

Я уверен, что настоящий с'езд учителей послужит новой вехой и повлечет за собой новый период культурной советской работы.

Сегодня главный фронт—культурный.

Осветив перед учительством основные задачи, стоящие перед Советской властью в области международной и внутренней политики, тов. Рыков переходит к вопросу культурного строительства страны.

— Всего на нужды народного просвещения,—говорит он,—в прошлом году по государственному и местному бюджетам было отпущено 215—220 мил. руб. В этом году мы отпускаем по государственному и местному бюджетам на нужды просвещения 265 мил. Несколько дней тому назад, к этой сумме мы сделали дополнительное ассигнование. По номинальному выражению мы уже даем больше, чем давалось при царе, но на самом деле, так как стоимость теперешнего рубля и стоимость довоенного рубля различна, мы даем еще несколько меньше, чем давалось раньше.

Но, несомненно, что из всех задач, которые стоят перед Советской властью в настоящий момент, так наз. «третий фронт», культурный фронт, долгое время отставал и стоял позади всех

остальных, хотя за последние 2 или 3 года работники просвещения стремились его всячески выдвинуть. Начиная с настоящего года, этот третий фронт, фронт просвещения и культуры будет являться главнейшим фронтом. Дальнейшее продвижение наше в сторону социалистического общества затормозится, если мы не произведем коренного перелома и не достигнем максимальных успехов в деле народного просвещения, в напряженнейшей борьбе с отсталостью, главным образом, в деревне.

Через культуру—к восстановлению крестьянского хозяйства.

Большую ошибку делают те товарищи, которые разделяют расходы на культуру, расходы на просвещение от расходов на хозяйство. Нельзя, конечно, и думать о том, чтобы достижение нашей конечной цели создания социалистического общества мы могли бы осуществить в стране, в которой значительная часть населения является безграмотной. Но и грамотности для этого мало. Социалистическое общество должно представлять собой не только осуществление всех величайших вершин человеческого знания в области промышленности, в области хозяйства, но социалистическое общество означает, что невежество, безграмотность, суеверие остались уже позади. Между тем, как в настоящий момент, при наличии большого количества безграмотного взрослого населения нельзя говорить не только об организации социалистического общества в деревне, нельзя говорить ни о политической пропаганде, ни о политической агитации, ни о политической работе, потому что, если население не может читать, то оно находится всецело во власти легенд, суеверия, слухов, которые без печати, если и не невозможно, то, во всяком случае, чрезвычайно трудно преодолеть. Благодаря этому, вопросы об активности крестьянства, об участии его в советах, в первых же шагах по улучшению сельского хозяйства—тесно связаны с просвещением и культурой.

По отношению к крестьянству культура, народное просвещение, уничтожение невежества являются предпосылками восстановления крестьянского хозяйства, являются предпосылками при движении его вперед. Этим вновь подчеркивается все историческое значение съезда, на котором мы сейчас присутствуем.

Неустанно работать над собой!

Мне кажется, было бы некоторым преувеличением надежд думать, что все учителя теперь уже вполне подготовлены для того, чтобы стать организаторами социалистического общества. По моему, это еще не так. Самому учителю нужно много и упорно работать над тем, чтобы стать в уровень с теми историческими задачами, которые стоят перед учительством. Основная задача состоит в том, чтобы из варварской, невежественной, суеверной и неграмотной крестьянской России сделать Россию грамотную, идущую к организации социалистического общества. Необходимо, чтобы у учительства было желание осуществить эту задачу и самому учиться для ее осуществления.

Из того, что происходило в настоящий момент в Советском Союзе, из того, что происходило на волостных, уездных и губ-с'ездах учителей, из того, что 2000 учителей с'ехались сюда, обуреваемые одним желанием организоваться для работы на культурном фронте по программе Советского Союза и коммунистической партии,—из этого необходимо сделать вывод, что самое главное—внутренний перелом, стремление учительства вплотную заняться этой работой,—что это у нас достигнуто. Советская власть, все наше государство позаботится о том, чтобы всячески помочь учителю самому стать достаточно сознательным и грамотным для осуществления такого рода задач, которые ни перед каким учительством никогда в мире, ни в какой стране не вставали. Этого мы добьемся путем предоставления учителю возможности иметь ту литературу и те книги, которые необходимы для его работы. Этого мы добьемся общими усилиями всего рабочего класса, советов и всего учительства (аплодисменты).

Учителю-строителю социалистического общества—добро пожаловать!

Самое важное, чего не было, не хватало во время Октябрьского переворота—это массы учительства, которая бы не за страх, а за совесть взялась за организацию нового советского строя, за организацию коммунистического общества,—этот пробел в настоящее время заполнен. На протяжении последних 2-3 лет наметился перелом в широчайших массах интеллигенции в сторону Советской власти и к настоящему с'езду его следует считать законченным.

Учительство пришло с предложением своих услуг в организации нового общества, учительство пришло после продолжительной внутренней борьбы, после громадного умственного переворота, который произошел среди интеллигенции. Учительство на настоящем с'езде участвует после большой и трудной работы среди крестьянства, в советах, кооперации. Мы учительство звали на с'езд не как пасынка Советской власти, Советского Союза. Учительство пришло сюда как равноправный участник в организации социалистического общества (аплодисменты). И мы говорим всем учителям, которые работали, работают и будут работать на платформе советской России и коммунистической партии: добро пожаловать! (аплодисменты).

Задачи просвещения в системе советского строительства.

(Доклад тов. А. В. Луначарского).

Три фронта. — Наша страна находится в своеобразных условиях: с одной стороны, в политическом отношении она опередила все страны, зато с другой,—с хозяйственно-культурной стороны,—она самая отсталая и находится во враждебном окружении всего буржуазного мира. Вот почему нам приходится организовывать крепкую оборону страны, т.-е. так называемый первый фронт. Задачи этого фронта долго заслоняли другие. Необходимость же приведения в порядок хозяйства страны создала второй фронт, который дает нам силы сопротивляться врагу. Наконец, теперь выдвигается на первую очередь третий, просвещенский фронт. Такая последовательность фронтов вызвана самой жизнью. Все они обусловливают один другого.

Во взаимоотношениях фронтов мы только теперь ясно разбираемся. Третий фронт тесно переплетен с двумя другими, ибо ни обороны страны, ни развитие хозяйства немыслимо развернуть без развития просвещения.

— На чем держится оборона страны?—задает вопрос тов. Луначарский и отвечает, что она держится на воодушевлении и спайке рабоче-крестьянских масс.

— Буржуазия, развивая в населении дух патриотизма, придает в этом смысле большое значение школе. Сама же идея патриотизма насквозь лжива, потому что — какой может быть патриотизм у сенегальского негра к Парижу и Франции? Затем нация включает в себя различные классы и задача патриотизма —доказать крестьянскому парню и молодому рабочему, что они должны проливать кровь за господствующие классы и чувствовать любовь к угнетающей кровавой пирамиде над ними.

Буржуазный патриотизм призывал к себе на помощь помимо учителя и религию. Однако, в виду того, что религия находится в большом противоречии с наукой, буржуазия пытается делать теперь выжимки из различных религий, более или менее не противоречащие данным науки. У буржуазии патриотизм сводится к подготовке рабочих и крестьян умирать за интересы угнетающих их богачей. Однако, этот патриотизм разлагается на наших глазах, и едва ли удалось бы буржуазному миру произвести сейчас массовую мобилизацию рабочих и крестьян.

Просвещение — основа обороны.

Что же мы противопоставляем буржуазному патриотизму? Прежде всего, растущую силу классового сознания. Мы призываем рабочих и крестьян защищать не старую родину, а их собственную власть. Ибо наше отечество— аппарат для освобождения трудящихся, в то время как за границей отечество—аппарат эксплоатации. То, что Красная армия с каждым годом становилась героичнее, это было потому, что на почве естественного классового чувства коммунистическая партия учила, что всякая война презренна, кроме одной войны — угнетенных против угнетателей.

Эту сторону обороны надо и сейчас развертывать. Политическое просвещение народных масс поэтому является основным условием обороны. Вот почему грамотность и является основной предпосылкой.

Однако, надо иметь в виду, что чудеса буржуазной техники дают возможность буржуазным правительствам обойтись без мобилизации народных масс. Перед вооружением мертвой, но производящей страшные разрушения машиной может не устоять наш высокий дух. Тут опасность велика, и отсюда наши призывы— участвовать в Доброфлоте и Доброхиме. Но они ничего не сделают без высокой техники. Ее же можно достигнуть лишь путем профессионального образования, которое немыслимо без первоначального. Без поднятия уровня народного образования и профессионального умения мы военного вопроса не разрешим. И дух и вооружение армии зависят от образования, и, таким образом, третий фронт является важнейшей частью первого.

Переходя к хозяйственному фронту, тов. Луначарский говорит:—Нельзя ни на минуту забывать связи хозяйства с просвещением. Руки и головы, потребные для хозяйства, надо так обучить, чтобы они находили свое место. Особенное значение имеет для нас поднятие сельского хозяйства, и поднимать его надо через школы. Таким образом, второй фронт целиком опирается на третий. Наше хозяйство сядет на мель, если мы не поднимем воспитания подрастающих поколений и не перевоспитаем взрослых.

Зиновьев уже упоминал вам одно построение Тимирязева, которое я еще раз повторю:

«Я не раз спрашиваю себя, что это значит? У датского крестьянина такая же земля, как наша, столько же приблизительно солнца и дождя, он нисколько не умнее, нисколько не трудолюбивее нашего крестьянина, а между тем на его поле растет в 7 раз больше пшеницы, чем у нашего крестьянина ржи. Чем это об'яснить?».

И Тимирязев на это отвечает:

«Это об'ясняется тем только, что у датчанина хорошая школа, а у нас ее нет», и продолжает:

«Всякий русский государственный человек должен помнить, что прогресс хозяйства его страны зависит от сельского хозяйства и именно от крестьянского хозяйства, а серьезно начать улучшение крестьянского хозяйства можно только с одного края—со школы».

Вот вам завет человека, который, будучи великим ученым, вместе с тем был великим коммунистом, и которому наша власть поставила памятник рядом с памятником Пушкина. Ясно, что мы от этого отступить не можем.

Вопрос о поднятии сельского хозяйства—вопрос насущный, и самый подходящий край, с которого можно начать его разрешение—поднятие школы.

Тут оба хозяйственные фронта и по линии промышленности, и по линии земледелия целиком упираются в наш третий фронт. Нельзя их разделить и сказать, что там или здесь можно подождать. Мы и так уже ждали 8 лет. И от этого много беды

произошло. Ждали, конечно, потому, что были слишком бедны, а теперь должны наверстывать. Хозяйство станет втупик, хозяйство застрянет, сядет на мель, если сейчас же мы не употребим величайших усилий, чтобы поднять соответственным образом воспитание подрастающих поколений, и в значительной мере подготовить и переподготовить взрослых, потому что завтра, после завтра будет работать этот взрослый, а он в огромной мере невежествен.

Надо подготовить смену.

Есть еще большая задача—это оздоровление нашего правящего аппарата. Мы до сих пор имеем в нем много чуждых элементов Поэтому надо создать в замену старой интеллигенции новую. А этого можно было добиться только через завоевание ВУЗ-ов путем притока в них рабоче-крестьянской молодежи. Эту молодежь мы призвали, и она дает прекрасные результаты. Кроме того, необходима реорганизация школ II ступени и укрепление фабзавучей и школ крестьянской молодежи, которые должны стать нормальным коридором в ВУЗ-ы. Рабфаки—это военная мера, и они отпадут. Вместе с тем среднюю школу нужно сделать школой, дающей интеллигенцию для выполнения роли низшего командного состава. Все это вместе органически связано с работой ученых. Их деятельность в области прикладной науки имеет огромное значение. Раньше ученые были в оппозиции к Советской власти, но теперь они вошли в наш Союз. Мы заботимся о развитии науки и проводим по всем лестницам просветительной пирамиды все выдающееся из среды рабочих и крестьян.

Нам нужно еще и воспитывать,—продолжает тов. Луначарский.—Только коммунистическое воспитание оправдывает все затраты на обучение. Понятно, сама жизнь играет колоссальную роль в воспитании масс. Но просто ей доверяться нельзя. Весь смысл существования партии заключается в том, чтобы узнать, куда ведет жизнь, и активно воспитывать массы в этом направлении. Но воспитывать не проповедью морали, а приближением всех этажей просвещенской постройки к жизни. Сделать это может только общественность в школе, связь школы с детдвижением. Правильная постановка комсомола и пионерского движения долж-

ны сыграть значительную роль. Школа должна внутренне-сочетаться с детским движением.

Наша задача, таким образом,—поднятие культуры, начиная с грамотности и кончая наукой, а в области мысли и чувства—развитие искусства.

Если культура служит коммунизму,—говорит тов. Луначарский, то и коммунизм бессмыслен, если он не служит культуре. Коммунизм не только организация политической победы и захвата власти трудящимися, он—путь и к высокой культурной жизни. Последняя наша цель—создать братское единение людей, которое развернуло бы все богатство заложенных в нас способностей. Коммунизм и есть культура. Он и средство, и цель.

Я верю,—заявляет тов. Луначарский,—что придет то время, когда не будет ни первого, ни второго фронтов, и оба они вольются в третий фонд культуры, осуществление которого заставляет человечество жить, бороться и умирать.

„Лицом к деревне."

В заключительной части своего доклада тов. Луначарский коснулся того, что делается для достижения поставленных целей. Он отмечает, что материальная база народного просвещения значительно окрепла: в то время, как в прошлом году центральный бюджет народного просвещения по Союзу равнялся 85 мил. руб., в этом году он достигает уже 140 мил. руб. Еще лучше обстоит дело с местными средствами: в прошлом году было ассигновано 62 мил. руб., а теперь обещано 240 мил. руб. В прошлом году мы прожили в общем на 147 мил. рублей, а теперь будем жить на 320 мил. рублей.

Мы теперь повернулись лицом к деревне,—продолжает тов. Луначарский.—Здесь нам необходимо произвести ремонт школ, увеличить сеть их и кадры учительства. На ремонт школ потребуется 25 мил. рублей и для этой цели при Наркомпросе и ГУБОНО организуются строительные фонды. Мы принимаем также меры к продвижению в деревню новых учебников, которых издано Госиздатом 23 млн. экземпляров.

В этом отношении, я считаю, в особенности, ЦЕКПРОС должен развернуть свое книгоиздательство, которое хорошо развертывает и сейчас, и свою книготорговлю. Может быть придется

втянуть в это дело губернские и уездные ОНО, а также наших волостных просвещенцев, потому что учебник есть, учебник чрезмерно дорогой и, тем не менее, он не продвигается, а он должен продвигаться. Там, где он дорог, его цену нужно всячески понижать, потому что нельзя же не давать учебной книги в руки ребенку, об образовании которого мы говорим, как о насущной нужде. Дело не в том, чтобы выдумать, напечатать, написать учебник. Он выдуман, написан, напечатан, он лежит на складе, но его нет в школе. Это—ненормальность и ее нужно устранить.

Новый учебник ведет за собой новые методы. Об этом будет говорить специально тов. Крупская, поэтому я останавливаться не буду. Ясно, что это одна из центральных задач. Необходимо, чтобы умный крестьянин понял и увидел, что школа готовит хорошего хозяина, что она дает хорошую грамоту и знания, прямо применяемые к сельскому хозяйству.

Коснувшись далее материального и правового положения учительства, которые подробно были освещены в речах тов. Рыкова и Зиновьева, тов. Луначарский говорит: —«наш просвещенский аппарат должен стать фильтром, через который проходила бы новая жизнь, обогащая всеми ценностями прошлого и новыми достижениями современности. Педагог должен проделать эту работу, —таково его призвание».

Мероприятия Наркомпроса.

Касаясь вопроса о материальных условиях учительства, тов. Луначарский говорит, что мы довели среднее обязательное жалованье до 28 рублей. Надо сделать так, чтобы и места проводили это. Недавно особым законом учреждены контрольные комиссии с участием ГУБОНО, РКИ и т. д., на которые возложена обязанность следить за правильной выплатой зарплаты учителям. Точно также должен быть проведен, который облегчит положение учительства, закон о пенсии.

Отметив необходимость самой решительной борьбы со всеми посягательствами на личность учительства, тов. Луначарский сообщает о решении Наркомпроса развить подсобную сеть однолетних школ для переростков, для детей, не попадающих в нормальные школы. На это дело пока получено 1/2 миллиона рублей,

но это, конечно, не все, и мы в значительной степени должны изыскать средства с мест.

В области внешкольной работы, по мнению докладчика, необходим переход к групповому методу ликвидации неграмотности, который должен быть связан с работой избы-читальни—центральным узлом всей деревенской культурной работы.

В настоящее время Наркомпрос проводит экстренную реформу, которая превращает два последних класса в школу профессионального типа с различными профессиональными уклонами. Этим самым будет ликвидировано то безделье, на которое обрекаются кончающие нашу 9-летку или школы 2-й ступени.

Говоря о школьном воспитании, тов. Луначарский предлагает организовать в деревнях элементарные детские площадки, которые помогут облегчить положение крестьянки, и создать благоприятные условия для культурной работы в деревне.

Призвание педагога в наше время.

В заключительной части своего доклада тов. Луначарский останавливается на вопросе о зависимости человека от социальной среды и на борьбе пролетариата за изменение этой социальной среды.

— Толстой и толстовцы,—говорит оратор,—утверждали, что пока мы не переделаем человека, все останется таким же скверным. Мы отвечали: хоть все тысячелетия переделывайте человека, вы не сможете его переделать до тех пор, пока человек живет в таких социальных условиях, когда он заражается всеми пакостями вашей жизни. Его природу в таких условиях, конечно, улучшить нельзя. Но когда мы, когда пролетарское большинство населения, полное веры в себя, понимания настоящих путей истории, вырвет власть из рук врагов народа, и когда оно употребит эту власть на то, чтобы сейчас же, как можно скорее, поднять уровень знания всего населения, а новое поколение воспитывать в истинно человеческом духе, давать ему полную истину, и только истину,—вот тогда, тогда мы родим на свет нового человека, который будет гораздо лучше нас: мы еще кривые и горбатые, и грязные, и порочные, и невежественные. Такими нас сделал старый строй. Но мы произвели колоссальные усилия, чтобы

в сознании всей этой искалеченности нашей за дальнейшим человечеством обеспечить здоровую жизнь.

Кто главным образом должен проделать эту работу? Педагог. Тут, конечно, можно спросить себя: готов ли педагог к этой великой миссии? А как можно учить другого, когда сам не обучен. А педагог-то приближается сам хоть сколько нибудь к этому совершенству и может ли делать такое святое дело? Конечно, товарищи, педагог должен учиться, но учиться, уча. Поскольку он всем делом и всем помышлением отдастся этому колоссальному делу перевоспитания той части человечества, которое живет сейчас под сенью нашего красного знамени, постольку он в этой самой работе будет с каждым днем становиться светлее, чище, коммунистически моральнее и будет подходить к тому типу, который он, может быть, в себе так и не осуществит, но который он осуществит в своих воспитанниках.

Таково призвание педагога в наше время, товарищи, и вот почему многие и многие работники могут с завистью смотреть на то богатейшее и увлекательнейшее дело, которое вам предстоит.

Мы все знаем, что вам трудно, но кому теперь не трудно. Но вместе с тем нам и легко, ибо человек жив не только тем, что он физически утомляется и страдает. Мы знаем, как превращает всю жизнь сознание исполненного долга и сознание долга огромного, долга всемирно-исторического. В этом смысле, товарищи, вы можете поздравить себя с тем, что вы являетесь именно педагогами и педагогами именно этих годов, годов горьких, но славных годов переворота.

Вы являетесь тем передовым отрядом нового мира, который непосредственно ведет борьбу за нового человека, беря его в нежном возрасте и его улучшая. Конечно, это работа долгая. Те, кто сейчас здесь молоды, вероятно, поседеют раньше, чем она будет выполнена. Не сразу, не мгновением волшебного жезла, не новой методикой мы выполним эту роль, но эту роль мы выполнить должны.

Итак, учитель,—как сказали наши вожди,—является надежной связью с крестьянством и тем обеспечивает наше настоящее; учитель является надежной связью с будущими поколениями и тем самым гарантирует за нами наше завтра.

Товарищи, помимо тех 2.000 учителей, которые сидят здесь, по всему нашему Союзу прислушиваются сейчас к тому, что здесь делается. Во всей учительской массе не мало, конечно, людей, согнутых еще, людей обиженных, нерешительных, испуганных.

Пускай не только голос партии, голос правительства, но и голос вашего с'езда прогремит по всей стране: «Учитель, выпрямься, выпрямься учитель, и с сознанием собственного достоинства з йми это необычайно трудне е, но необычайно славное место, которое отведено тебе в строительстве новой культуры!»

Советская школа.

Доклад Н. К. Крупской.

Октябрь смел старую школу.

Товарищи, Октябрьская революция смела старую школу. Старая школа—школа буржуазная, служившая помещикам и капиталистам, была ненавистна народу.

Мне вспоминается один эпизод. В конце 17 г., вскоре после того, как большевики овладели властью, пришел с фронта товарищ и рассказывал, как солдаты, которых поместили в школу на ночлег, изорвали в мелкие клочки все книги, разбили все физические аппараты и произвели полное разрушение. Это было сделано солдатами потому, что они чувствовали, что та школа, в которой находились все эти книги и инструменты,—школа враждебная, барская школа, школа господская, враждебная народным массам. Они чувствовали, что знания, даваемые в этой школе, служили не для того, чтобы наладить общую жизнь, а для того, чтобы вырастить слуг капитала, которые бы порабощали народ. Надо было строить новую школу.

В своей первой речи на с'езде по народному образованию в 1918 году В. И. говорил, что «отныне русская школа освобождается от опеки буржуазии. Она вместе с своим освобожденным от цепей рабства народом вступает в новую жизнь на началах социализма, братства, равенства». И дальше, в конце этой речи, В. И. говорил о том значении, которое имеет школа. Он говорил: «Необходимо приложить все силы, энергию, знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы, которая лишь одна сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобно той, что продолжается уже пятый год». Эти слова В. И., в которых он так высоко ставил школу, прошли как-то незамеченными, потому что тогда быстро стала развертываться и развивалась все шире и шире гражданская война.

Гражданская война мешала строительству новой школы.

Гражданская война отодвинула на время эту оценку. Такая высокая оценка школы была непривычна даже нам, коммунистам, но если расшифровать слова В. И., то мы увидим, что они означают, что школа должна перевоспитать молодое поколение в духе коммунизма, что она должна помочь молодому поколению совершенно по новому перестроить свою жизнь на основах социализма. В этом отношении В. И. говорил, что нам предстоят еще годы тяжелых испытаний, «еще нами не пройдены все этапы испытаний». И, действительно, школа пережила целый ряд крайне тяжелых лет. Учитель, действительно, пережил годы тяжелых испытаний. Но сейчас, в данный момент, мы имеем уже известные предпосылки для построения той школы будущего, о которой говорил на этом с'езде, в августе 18 года, В. И.

Действительно, почему не могла построиться трудовая школа за минувшие годы? Во-первых, потому, что разруха и тяжелые экономические условия не давали возможности материально обеспечить школу. Гражданская война, которая происходила на всей территории России, особенно разрушительно действовала на школу. Теперь дело улучшилось, мы слышали в докладе Рыкова, что страна вступила в полосу экономического под'ема, и хотя, конечно, нельзя строить тут особенных иллюзий, но, несомненно, что это самое главное, основное препятствие, которое все время лежало на пути строительства школы, будет понемногу устраняться. И другое—крестьянство с большим недоверием относилось к новой школе. Крестьянину эта школа была непонятна, ему казалось, что в этой школе много черт старого барства.

Надо сказать, что первое время учитель на местах не знал, как строить эту новую трудовую школу, и часто труд в школе сводился к самообслуживанию.

Вначале крестьяне не доверяли учителю советской школы.

Крестьянин говорил: что же, в школе работают, а не учат. Мы весь век свой работали, и нам надо не работать, а учиться чему то другому. С другой стороны, когда дети ходили на экскурсии, когда крестьянин видел, что дети поют, лепят, вырезывают, то ему казалось, что это барские затеи, и что самого нужного,

что необходимо крестьянину для того, чтобы построить по новому свою жизнь, настоящих знаний эта трудовая школа не дает. Старое недоверие, воспитанное долгими годами, перенеслось и на новую школу, и на нового учителя. В прежнее время учителю полагалось иметь знакомство только с попами и с богатыми слоями, а тот учитель, который вел знакомство с беднейшим крестьянством, считался неблагонадежным. И вот эту старую привычку смотреть на учителя, как на ставленника господской власти, крестьянство перенесло и на учителя новой школы.

В этом году крестьянские дети наполнили школы до отказа.

В этом году мы видим, как школы переполнились ребятами. Все товарищи с мест, все делегаты отмечают, что в настоящем году масса ребят нахлынула в школы, что те дети, которые не имели, по тем или другим причинам, возможности учиться в предшествующие годы, которых крестьяне не посылали в школы в силу недоверия к этой школе, в этом году наполнили школы до отказа.

Товарищи-учителя рассказывают, что комплекты так велики, что иногда приходится работать со 150—180 ребятами. Этот наплыв детей в школы, имеющий в своей основе улучшение материального положения, показывает все же, что лед недоверия со стороны крестьянства к школе начинает таять. Мы видим другое. Я уже упоминала о том, что к учителю крестьянство относилось с недоверием, и в первое время учитель не находил еще своего пути, он не видел так отчетливо и так ясно, как он видит это теперь, что он должен связаться с делом рабочего класса, с делом трудящихся.

В первые годы, конечно, это не вина учителя, а беда его, — учитель растерялся, не знал, что такое Советская власть, надо ли ему итти с нею, или надо ему с нею бороться, и только постепенно, путем тяжелых размышлений, путем долгих страданий, пришел он к заключению, что он должен связать свое дело с делом рабочего класса.

Мы видим, как за последние два года учитель начинает принимать участие в общественной работе. Эта общественная работа учителя имеет громадное значение в том отношении, что

она сближает учителя с населением, и вот поэтому необходимо, чтобы не только часть учительства прошла через общественную работу, а необходимо, чтобы все учительство прошло через общественную работу, так как это единственный путь для теснейшего сближения его с трудящимися.

Общественная работа укрепила связь учителя с населением.

Мы видим результаты этой общественной работы учителя. Население стало с доверием относиться к учителю, в особенности бедняцкие слои. Комиссариат внутренних дел дал материал о том, что в целом ряде мест во время последних выборов в советы учитель выступал как общественник, облеченный доверием, а в Вологодской губ., в Кадниковском уезде, волостные конференции крестьян давали учителю даже право решающего голоса в тех случаях, когда он этого права не имел. Это показывает, что выросло доверие населения к учителю, и теперь влияние учителя может быть в сто раз больше того, чем оно было, когда он стоял в стороне, когда он был чуждым трудящимся массам.

В процессе этой общественной работы учитель сам очень многому научился, горизонт его расширился и ему стало ясно, что Советская власть—это власть трудящихся, это его власть. Учителю стало ясно, что коммунистическая партия, авангард рабочего класса, ведет рабочий класс и все слои трудящихся, всю страну по правильному пути. Это убеждение учитель принес с собою на этот с'езд, именно поэтому этот с'езд имеет такое громадное значение, потому что он является показателем смычки между учительством и Советской властью. Этот с'езд показывает готовность учителя работать под руководством коммунистической партии.

Вчера мне рассказывали маленький эпизод: несколько учительниц-башкирок обратились к прохожему с вопросом: «товарищ, как проехать на учительский с'езд, на какой трамвай надо сесть?» Прохожий посмотрел на них и сказал: какой я вам товарищ, я буржуй, вот ваши товарищи, сказал он, указывая на группу проходящих рабочих. Этот эпизод крайне характерен,—сторонние люди, буржуи, и те видят, что учитель и рабочий—товарищи (аплодисменты).

Наша школа—трудовая.

Было одно, что мешало делу строительства нашей школы—это неясное представление, какова должна быть эта новая школа.

Коммунисты говорили: эта школа должна быть трудовой школой. Это было несомненно потому, что если обеспеченные слои общества могли не придавать труду большого значения, не понимать его роли, то массы рабочих и крестьян, вся жизнь которых проходит в труде, не могут проходить мимо этой стороны дела, хотят всестороннего освещения этого вопроса. Советская школа стала трудовой.

О необходимости сделать школу трудовой школой,—писал Владимир Ильич еще в 1897 г., когда еще вообще русские марксисты очень мало задумывались над этим вопросом.

Еще в 1897 г. В. И. указывал на точку зрения Маркса, который говорил, что только соединение производительного труда с обучением сделает возможным всестороннее развитие человека и создаст такого человека, который положит конец капиталистическому обществу.

Когда власть перешла в руки рабоче-крестьянского правительства, поставлена была цель—создать школу трудовую. Но когда подошли конкретно к строительству этой трудовой школы, то оказалось, что тут не хватает опыта, не хватает умения, что вопрос еще во многом неясен. Многие поняли трудшколу в том смысле, что школа должна приучить к трудолюбию, что в ней должно царить самообслуживание, что дети должны заниматься в ней тяжелым физическим трудом. Но опыт показал, что такая школа дает детям чрезвычайно мало, что не в том дело, чтобы учить ребят трудолюбию, и что раз школа для детей рабочих и крестьян, для детей трудящихся, то она меньше всего в этом нуждается, что надо как-то иначе ставить этот вопрос, и только постепенно, изучая практический опыт, пришли к тому заключению, что чрезвычайно важно на первый план выдвинуть теоретическое изучение вопроса, осветить, осмыслить труд и организацию труда, осветить вопрос о труде в его развитии. Тогда ясно будет, как увязать этот вопрос и с практической трудовой деятельностью. Тут важно показать, найти те формы труда, которые имеют будущее; что важно учить не старым ремесленным

отсталым формам труда, а необходимо показать новые формы труда, показать как труд, освещенный знанием, может помочь поднять хозяйство, как он может помочь овладеть силами природы.

Программы обнимают все стороны жизни. Это новое представление о трудовой школе отразилось на тех программах, которые изданы ГУС-ом, о которых так много идет разговоров. Средняя колонка этих програм и посвящена вопросу об осмысливании труда, освещению труда в его развитии. Эта колонка показывает связь, которую имеет труд с обществом, показывает, как труд становится базой этого общества, с одной стороны, и, с другой, показывает, как, каким путем он овладевал силами и богатствами природы. Поэтому, если эта колонка программы ГУС-а выпадает, как это часто бывает на местах, при прохождении программы, то выпадает самое основное, самое существенное.

Владимир Ильич придавал очень большое значение программам. Он много раз говорил о том, что необходимо составить новые программы, которые бы определяли, чему должна учить школа. В своей речи на 3-м Всероссийском с'езде молодежи В. И. говорил, что надо критически подходить к накопленным знаниям, надо выбрать то, что является самым ценным, самым нужным для того, чтобы вооружить молодежь знанием, нужным для преобразования жизни. Нельзя всех знаний сообщить, какие только есть, потому, что знаний этих необ'ятное количество. Но из всей суммы имеющихся знаний, надо отобрать самые нужные, самые существенные. Программы ГУС-а и представляют собой попытку отобрать то, что является ценным с точки зрения трудящихся слоев населения, то, что является ценным с точки зрения современности, то, что нужно подрастающему поколению для того, чтобы реорганизовать всю жизнь на новых началах. Конечно, эти программы не являются чем-то совершенным. Они являются только попыткой отобрать необходимый материал и дать детям этот материал в организованном виде.

Не делать фетиша из программы ГУС-а. Те знания, которые даются детям, не должны представлять собой чего то бессвязного, такого, чтобы общая сумма даваемых им знаний походила на

одеяло, сшитое из кусочков. Даваемые знания должны быть между собой связаны, должны быть уложены в какую-то перспективу. Иначе они не будут иметь и половины своей ценности.

Увязать знания нужно не произвольно, а в той связи, в какой они существуют в жизни. Вот отсюда и взялись те комплексы, о которых так много говорилось и писалось последнее время. Некоторые делали из этих комплексов, из расположения материалов, какой-то педагогический фетиш, что-то весьма хитроумное, когда у нас все дело шло только о том, чтобы каждое даваемое знание было бы не оторванным, а давалось в определенной существующей в жизни связи. Только данные в определенной связи знания дают возможность сознательно отнестись к окружающему, дают возможность оценить критически это окружающее, понять его.

Мы берем в программах еще каждое явление в его развитии. Мы не берем явление, как нечто законченное, раз навсегда данное. Мы смотрим на общественное явление, на явление природы, как оно изменяется, видоизменяется на протяжении времени, и берем эти явления в их развитии. Мы научаем ребят глубже понимать их, глубже подходить к ним. Конечно, только опыт учительства, только проверка этих программ школою покажет, какие детали в этих программах нужно изменить, но суть этих программ верна с марксистской точки зрения.

Программы ГУС-а и навыки вполне совместимы.

Товарищи, приехавшие с мест, товарищи делегаты указывают на то, что новые программы дают ребятам развитие, дают умение сознательно относиться к окружающему. Это очень много значит. Но указывают они и на то, что эти программы очень трудно увязать с навыками. Если расшифровать, что такое навык в школе 1-й ступени, то это оказывается—умение бегло, сознательно читать, толково, грамотно записывать свои мысли и уметь считать.

Конечно, крестьяне, которые требуют приобретения таких навыков, совершенно правы: школа должна давать эти знания. Но являются ли навыки чем-то несовместимым с программами ГУС-а? Это вопрос, который волнует т.т. на местах, и прихо-

дится сказать, что тут трудность не в самих программах ГУС-а. Беда в том, что часто нет учебника, нет книги, которая давала бы подходящий материал для чтения. Если будет дана в школу книга, которая будет связана с программами ГУС-а и даст для ребят интересный, захватывающий материал, то этим и будет разрешен вопрос о навыке чтения. На интересующем ребят материале научиться читать, конечно, гораздо легче, чем на скучном, неинтересном материале.

Точно также и навык письма. Сейчас эти навыки значительно упрощены, и те т.т., которые до революции занимались в школе, и знают, какая возня была со старой орфографией, скажут, что теперь эта задача значительно облегчена. Раньше нужно было долгое время посвящать на изучение буквы „ѣ" и на другие орфографические трудности. Овладеть письмом теперь гораздо легче, и только нужно в помощь учителю дать какой-нибудь небольшой учебник элементарных грамматических упражнений, связанный с программами ГУС-а, чтобы овладеть грамотным письмом, которое так необходимо, так нужно ребятам.

Наконец, что касается математики, то тут меньше слышится жалоб. Тут уже ясно наметились пути, как связывать материал, даваемый программами, с математикой, с арифметикой. Дальнейшее обслуживание школ учебниками может быть поможет учителю разрешить этот вопрос. Но, конечно, повторяю, со стороны крестьянства это требование научить читать, писать, считать, вполне законно, и если бы программы были бы несовместимы с сообщением этих навыков, они были бы никуда негодными.

Но они совместимы. И вопрос сейчас не столько в реорганизации программ, не столько в их сокращении, сколько в снабжении школ соответствующими учебными пособиями, соответствующими учебниками. Материальное улучшение школ, может быть, поможет разобраться на пути проведения этих программ, которые не мешали бы приобретению навыков. Увязка между тем и другим необходима.

Вопрос о труде еще недостаточно проработан. В первой ступени эти вопросы гораздо более легко разрешимы. Во второй ступени вопрос этот более сложен, и как раз над этим вопросом работает сейчас научно-педагогическая секция ГУС-а.

Тут нужно только отметить то, на что указывал Владимир Ильич, на необходимость привлекать к работе школ всех сведующих в области техники, в области профессионального труда людей. Мы часто видим, например, уже теперь, как группы крестьян, знающих различные ремесла, организуются для того, чтобы помогать школе, помогать ребятам приобрести умение в области слесарного, столярного и проч. ремесл и т. д.

Лучшее материальное обеспечение школ, улучшение отношения крестьян к школе, изменение позиции учительства, уточнение облика трудовой школы, все это служит предпосылкой к тому, чтобы можно было начать строить школу на новых началах.

Пионерское движение надо увязать со школой.

За последнее время мы наблюдаем еще один факт, вносящий новое в нашу школу. Мы наблюдаем прямо стихийный рост комсомола и пионердвижения. Как раз наблюдается рост этого движения в деревне. Мы думали сначала, что это пионерское движение встретит со стороны населения суровый отпор, но наше предположение оказалось неверным. Население, если не считать отдельных местностей, вроде мест, населенных казаками, Донской области, в общем и целом доброжелательно относится к этому движению юных пионеров.

Крестьяне говорят: „Новое время пришло, тут ничего не поделаешь“. И вот сейчас стоит чрезвычайно важная задача— увязки пионерского движения со школой. Некоторые из учителей недовольны тем, что это движение выросло вне стен школы и существует самостоятельно. Многие учителя говорят, что самым естественным вожатым был-бы учитель.

Это неправильно. Именно то и хорошо, что это движение зародилось на фабрике и заводе и идет независимо от школы, потому что необходимо, чтобы в школах все ребята жили своим умом, ставили себе те или другие вопросы и задачи, чтобы они своими силами их разрешали, на своих ошибках учились.

Наша задача—наладить школьное самоуправление.

В старой школе, в школе учебы, был противопоставлен учитель и ученик. Даже хороший учитель, уже в силу того, что он более знающ, лучше разбирается во всем, подавлял своим авторитетом

учеников. Детям надо в своей собственной организации учиться жить коллективно и учиться коллективно работать.

Надо сказать правду, что дело самоуправления в общем и целом плохо прививается. В отдельных местах дело самоуправления поставлено удачно, но если взять массовую школу в целом, то можно видеть, что в деле самоуправления часть школ не пошла по тому пути, по которому она должна была бы пойти. В части оно вылилось в детские суды над товарищами, а частью самоуправление является просто формой помощи учителю в деле наведения дисциплины. Оно не является тем, чем должно было быть, т.-е. воспитывающей нового человека организацией.

Мы говорим, что наша новая школа—это советская школа, школа трудящихся рабочих и крестьян. Но, ведь, у нас—Союз Советских Социалистических Республик, и потому наша школа должна быть не только школой трудящихся, но вместе с тем и школой социалистической. Что же это значит, если расшифровать это слово? Это значит, что наша школа должна давать ученикам не только знакомство с прошлым и настоящим, но должна давать знания, которые показывали бы куда идет общественное развитие, указывали бы на новые формы труда. Поэтому школа должна учить ребят об'единяться, ставить общие цели и общие задачи, и общими усилиями эти задачи разрешать. Без этого не будет школы социалистической. Детдвижение вносит новый дух в школу, дух коллективизма; товарищеская спайка, привычка действовать коллективно создает новых людей, ребят с коллективистическими переживаниями, с коллективистической мыслью, которые привыкают больше говорить „не я, а мы". Эта сторона дела имеет огромное значение, и школе нужно пионерское движение.

Было бы неправильно, если бы школа и пионерское движение шли разными путями, потому что если пионерское движение не будет постоянно подкрепляться знаниями, если ребята не будут упорно и усиленно учиться, то они не смогут как следует работать, и не смогут правильно ставить себе задачи и правильно эти задачи разрешать. Для того, чтобы это уметь, нужно знание. Одними выступлениями, одними разговорами этого не сделать, надо уметь организованно жить и организованно работать,

но без знания, без школы этого сделать нельзя. Школа тоже, как и детдвижение, должна врезываться в окружающую жизнь, и детдвижение может и тут влить в школу новую струю.

Школа, как общественный фактор.

Уже наша теперешняя школа врезывается в окружающую жизнь. Например, школа ведет через учеников широко поставленное санитарное просвещение; ученики старших групп первой ступени прикрепляются к неграмотным семьям для чтения вслух газет и ликвидации безграмотности. Иногда через школу, через учеников удается широко ставить агрономическую пропаганду и т. д.

Эта общественная работа школы является чрезвычайно важной именно с точки зрения социалистического развития школы. Это одна из тех задач, которые стоят во весь рост перед школой. Эта задача тесно связана с изучением окружающей жизни. Конечно, программа из центра должна быть приспособлена к изучению местной конкретной действительности, которая очень многообразна. Тут встает задача перед учителями и перед школой—научить ребят смотреть и видеть жизнь, а также понимать, как надо эту жизнь реорганизовывать. Если это будет понято, школа сможет врезаться в жизнь и реорганизовать жизнь, а это задача чрезвычайно важная.

Со ступеньки на ступеньку.

Итак, в настоящее время имеются уже на лицо предпосылки для строительства новой школы. В начале, в 17-18 году, большевикам казалось, что сейчас можно сразу добиться громадных результатов, что сразу можно, например, провести всеобщее обучение, что сразу можно снабдить всех ребят пищей, одеждой и кровом. Но длительный опыт научил нас тому, что к поставленной цели надо итти путем преодоления целого ряда ступеней, завоевывая одну ступень за другой. Поэтому сейчас мы должны нашей школе поставить целый ряд практических задач, осуществление которых продвинут ее по пути к той школе, которую мы хотим иметь, к школе, которая охватывала бы всех ребят и всем ребятам давала бы то, что надо.

В настоящее время мы имеем сеть, которая обслуживает только половину ребят. И мы должны поставить сейчас своей ближайшей целью — никоим образом не допускать сокращения этой сети и приложить все усилия к тому, чтобы эта сеть неустанно расширялась. Расширение сети должно опираться на самодеятельность крестьянства.

Для переростков необходима подсобная школа.

Рядом с расширением нормальной сети встает вопрос о так называемых переростках, о тех ребятах, которые не попали в школу. Получается, что 14 - 15-ти летние дети часто сидят рядом с 8-ми летними. Развитие их совершенно разное. Это затрудняет занятия, в некоторых местах просто невозможно впитать в школу этих нахлынувших в школу переростков. Мы должны поэтому поставить своей задачей ту задачу, о которой говорил Ан. Вас.— создать подсобную школу для этих ребят, которая помогла бы им хотя бы ликвидировать неграмотность, научиться читать, писать и считать, т.-е научиться тому, без чего ребята не могут пользоваться ни книжкой, ни газетой.

Через школы 2-й ступени—ближе к жизни, в практическую работу.

Еще ряд других задач. Необходимо, чтобы продолжалось строительство школ крестьянской молодежи и школ фабзавуча, школ, тесно связанных с производством и дающих непосредственное знание, служащее для поднятия этого производства. Но на ряду с этим необходимо, чтобы не уничтожилась ни одна школа 2-й ступени, потому что сейчас для страны прежде всего нужны средние интеллигентные работники. Необходимо только реорганизовать второй концентр этих школ. До сих пор школы 2-й ступени были пропускным пунктом в ВУЗ-ы, и очень часто в ВУЗ-ы шли в силу старого предрассудка, что без высшего образования нет спасения, и если ученик не попадал в ВУЗ, это было для него настоящей трагедией. Необходимо так реорганизовать школы 2-ой ступени, чтобы они сразу же открывали выход в жизнь, помогали ученику сразу же взяться за ту или иную отрасль работы.

471

Комитеты взаимопомощи и советы должны усилить помощь школе.

Остановлюсь еще на одной задаче: на необходимости поддержать ребят неимущих слоев населения, дать им возможность учиться. В этом отношении следовало бы вовлечь в работу комитеты крестьянской взаимопомощи. Часто ребята не посещают школу только потому, что у них нет лаптишек, которые стоят какие-нибудь 15 коп. В этом отношении комитеты крестьянской взаимопомощи смогли бы серьезно притти на помощь. Точно также комитеты содействия—совсоды—в этом отношении могли бы сделать очень многое. У нас уже есть места, где совсоды довольно широко развернули в этом направлении свою работу. Например, врачи указывают, что в комнате, где спят дети, должна непременно быть фортка. И вот совсоды обходят квартиры, осматривают комнаты, где спят ребята, и если в помещении фортки нет, а родители ребят не имеют денег, чтобы самим сделать эту фортку, совсоды берут это на себя. Таким образом, они приходят на помощь малоимущим слоям населения. Это одна из форм деятельности, которые чрезвычайно многообразны.

Не всякая общественная работа обязательна для учителя: необходима разгрузка.

Остановимся в заключение на вопросе о том, что нужно еще для того, чтобы школа могла развиваться в желательном направлении. Я уже говорила о том, что необходимо прежде всего, чтобы все учительство прошло через общественную работу, но в этом направлении очень важно разгрузить учителя и отметить, какая именно деятельность является общественной деятельностью. Является ли, например, работа в драмкружке обязательной для учителя? Есть ли это общественная работа? Эта работа требует от него очень много времени, но не везде она может быть названа общественной. Конечно, эта работа имеет очень большое значение. Мне приходилось не раз слышать от учителей-татар, что среди мусульманского населения театр играет совершенно исключительную роль. Дело в том, что религия запрещает мусульманам ходить в театр. И если мусульманин пойдет в театр, да еще поведет с собой жену, он изгоняется из числа правоверных. В таких условиях, конечно, участие учителя в драмкружке является участием в своего рода антирелигиозной про-

паганде. При таких условиях, безусловно, работа в драмкружке является общественной работой. Однако, это исключительный случай. В большинстве же случаев это просто устройство развлечения, а между тем эта работа требует от учителя много времени, которого у него так мало. То же самое, и всякая большая техническая работа, которая очень часто возлагается на учителя и отрывает его от непосредственной работы, должна регулироваться. Затем необходимо обратить внимание на то, что в помощь учителю необходимо вовлекать в работу и врачей, и агрономов, и всю сельскую интеллигенцию, которая есть на местах.

Вооружить учителя знаниями—первоочередная задача.

Далее идет вопрос о вооружении учителя знаниями. В той анкете, которая была распространена среди делегатов, из 300 анкет, которые были в первый день заполнены учителями, в 282 выставляется просьба снабдить учителя политической и педагогической литературой, бесплатно или на льготных условиях. Учитель стоит на правильной точке зрения. Чтобы строить новую школу, чтобы строить такую школу, которая нужна сейчас населению, учителю самому надо упорно учиться, надо быть в курсе работ Советской власти, нужно сознательно относиться к тому, что эта Советская власть делает. По той же линии идет требование переподготовки и серьезной подготовки учительства. Требование это вполне обосновано и вполне ясно. Необходимо также обеспечить учителю возможность учиться в самом процессе работы.

Главсоцвос выдвинул план опорных районных школ, около которых могло бы группироваться учительство, совместно учиться и проверять свою работу, фиксировать свой педагогический опыт. Важно, чтобы районные школы были связаны с педагогическими техникумами, с педагогическими ВУЗ-ами, с которыми в свою очередь должны быть связаны методические бюро. Таким образом, инструктирование по этой линии может итти гораздо целесообразнее и рациональнее, чем оно идет в данную минуту. Очень многие делегаты указывают на потребность в этом постоянном инструктировании, и сделать это возможно, лишь организовав коллективную работу учительства.

Участие учителя в прессе — важнейшая его обязанность.

Параллельно с этим необходимо, чтобы все учителя ясно сознавали, что одной из важнейших и первейших обязанностей учителя является его участие в прессе, в «Учительской газете». Много говорилось какую громадную роль имеет эта газета. Она играет организующую роль, она дает возможность учительству через посредство газеты говорить с другими учителями, а учительство, как мы знаем, принадлежит к профессии наиболее распыленной, разбросанной по массе селений, по массе глухих уголков. Поэтому участие их в газете имеет особо важное значение.

Я не буду подробно останавливаться,—отчасти на этом вопросе останавливался Анатолий Васильевич,—на значении дошкольного воспитания в деревне, и на значении политпросветработы. Это значение всем вам ясно. И дошкольное воспитание, и политпросветработа поддерживают дело школы. Политпросветработа завершает начатое школой дело.

С'езд двинет вперед строительство новой школы.

Я позволю себе закончить свой доклад, выразив уверенность в том, что настоящий с'езд будет с'ездом, который положит начало дружному совместному строительству учительства, строительству той новой школы, о которой говорил Владимир Ильич. Примите, товарищи, мой горячий привет (аплодисменты).

Учительство и комсомол.

Доклад тов. Н. И. Бухарина.

— Товарищи, я не задаюсь здесь целью дать вам ряд конкретных, циркулярно-разработанных положений. Моя задача состоит в том, чтобы представить вам те основные взгляды нашей партии, которых она придерживается в одном из очень больных вопросов, касающихся непосредственно вашей работы—в вопросе о взаимоотношениях между учительством и нашей комсомольской организацией.

Социальная революция как процесс переделки самих людей.

Между учителем и политическим деятелем в широком смысле этого слова есть нечто, что их роднит по типу их работы. Мы говорим сейчас о строительстве социализма. Но строительство социализма состоит из двух половинок: с одной стороны, это есть построение некоторых материальных, хозяйственных и прочих элементов по новому типу, а с другой стороны, это есть переделка самих людей, переделка психологии целого ряда социальных слоев. Можно с известной точки зрения сказать, что исторический процесс представляет собой непрерывную переделку человеческой природы, которая не есть нечто неизменное, постоянное, а беспрестанно меняющееся.

Здесь много говорили относительно изменяющихся соотношений, о переломе, который уже наступил в вашей учительской среде. Что это значит? Это значит, что ваша природа теперь несколько изменилась; в этом и состоит перелом. И вот с этой точки зрения можно сказать, что люди переделывая хозяйственный строй, в то же самое время переделывают и свою собственную природу, учась, обогащая свой опыт, становясь руководителем общественной жизни. Социальная революция переделывает природу целых классов, когда она, например, привлекает крестьян-

ство на свою сторону, когда она создает и такое положение, что громадная общественная прослойка, я говорю здесь об учительстве, тоже переделывает в основе свою природу.

Педагогика школьная и педагогика социальная.

Задача политического руководства есть в широком смысле слова, под известным углом зрения, в то же время и задача социально-педагогическая. Можно сказать, что любой агитатор, пропагандист, партийный руководитель, государственный деятель, в известном смысле выполняют общественно-педагогическую функцию. Ведь не случайно мы в своей политической деятельности на каждом шагу говорим: «воспитать массы», «просвещать массы». Это вовсе не случайность, а есть выражение того факта, что исторический процесс, поскольку говорится о людях, состоит в переделке этих людей.

В любом общественном строе педагогика социальная, в широком смысле слова, т.-е. система воздействия на различные общественные классы, группы и слои и педагогика в узком смысле слова, т.-е. переработка человеческой массы путем специальных аппаратов—школ высшей, низшей, средней и проч.,—в любом устойчивом, общественном целом эти две педагогики всегда увязаны, всегда идут по одной и той же линии, всегда представляют собой согласованные части одного и того же целого, а именно, работы по переделке людей в совершенно определенном направлении.

Педагогические „ножницы" и их схождение.

Но могут быть случаи, когда происходит расхождение между общей политикой, между социальной педагогикой, в широком смысле слова, и между школьной политикой, т.-е. педагогикой в более узком смысле. Это бывает во время больших общественных сдвигов, и это произошло у нас во время революции, когда новые классы натолкнулись на старую государственную власть, но еще не втянули и не подчинили школы. Получились «ножницы» между общей социальной педагогикой, воплощенной в политике нашей партии, и находившейся еще на старых рельсах школьной педагогикой.

Было время максимального расхождения между нами и вами. А тот процесс, который сейчас особенно интенсивно начался, можно определить как приспособление школьной педагогики к уже установившемуся порядку вещей, а следовательно, и к социальной педагогике. Значение и глубокий смысл этого перелома и заключаются в том,—повторяю это еще раз и особенно подчеркиваю,—что часть педагогической работы, или педагогическая работа в собственном смысле слова, сейчас входит в общую упряжку, заряжается добавочным количеством сил и оплодотворяет таким образом наше общее дело, усиливает нашу общую педагогику.

Мы придем к социализму, или с нашей точки зрения, которую я здесь сейчас развиваю, мы будем в состоянии перестроить массовую психологию так, как это требуется интересами коммунизма, только в том случае, если у нас будет обеспечено правильное соотношение между партией, как самым рациональным, самым, так сказать, разумным воплощением коммунистической энергии, между рабочим классом, который эта партия ведет за собой, и между крестьянством, которое рабочий класс ведет за собой. Эта основная троица—партия рабочего класса, весь рабочий класс в целом и крестьянство—и есть предпосылка, необходимая для осуществления той цели, которую ставит социальная педагогика в самом широком смысле слова, о которой я здесь говорю.

Есть другая проблема, пересекающая эту триединую цепочку—это вопрос о возрастных поколениях, который непосредственно упирается и в проблему педагогики в узком смысле слова, т.-е. в проблему школы.

Разные возрастные группы требуют особого подхода.

Мы живем не только в пространстве, но и во времени. Мы имеем перед собой не только расположенные рядом друг с другом классы, но мы имеем и расположенные одну за другой различные возрастные группы. Для того, чтобы нам обеспечить правильную переделку человеческих масс, здесь точно так же должно быть определенное соотношение между формами нашей политики и ее методами по отношению к различным возрастным группам.

Основные соображения, мне кажется, должны быть формулированы следующим образом. Мы должны в теперешнее время обеспечить руководство за рабочим классом во что бы то ни стало. Но поэтому мы в нашей партийной организации и в наиболее старшем возрасте должны обеспечивать наиболее чистый классовый состав. За нами идет комсомол, люди, которые при капитализме не жили, которые впитали уже очень многое от нового быта и которые легче поэтому переделываются. Поэтому в комсомол мы можем раскрыть двери для непролетарских элементов гораздо шире, нежели в партию; а для детей, в пионерские отряды, мы можем раскрыть двери максимально широко. Мы в пионерские отряды должны и обязаны, поскольку только сил у нас хватает, принимать всех без различия детей.

Когда будут соответствующие материальные предпосылки, когда будут соответствующие предпосылки среди учительства, когда мы будем иметь соответственно переработанные кадры учительского состава и когда мы тем самым пропустим гигантское количество всего подрастающего поколения через школы, от чего мы далеки сейчас, тогда дело постановки школ будет непосредственно увязываться с общественной работой в самом широком смысле этого слова.

Тогда, само собой разумеется, школьная жизнь целиком, гораздо больше, гораздо теснее, гораздо интимнее будет притерта ко всем сторонам общественной жизни вообще.

Сейчас у нас движение пионеров—проблема огромнейшая. С точки зрения перспективы—это одна из крупнейших проблем, с точки зрения переработки массовой психологии широких масс—это одна из центральных проблем. Происходят столкновения между учительством и комсомолом на почве вопроса о руководстве этой организацией и то же самое по отношению к самим комсомольцам. Если бы партия сказала сейчас: пусть учительство руководит комсомолом, — то получилось бы что-нибудь хорошее? Нет. Почему не получилось бы? Учитель культурней—это верно, в общем и целом он культурней и больше знает — верно. Но этого нельзя сказать насчет его политической квалификации. Человек, в общем, может быть некультурный, а политически правильно вести дело.

Известный физиолог, — академик Павлов, который полемизировал против меня, ставил так вопрос: как вы можете управлять культурной жизнью, когда вы сами сознаете, что пролетариат есть класс необразованный. А мы отвечаем: совершенно верно, мы сознаем свое невежество, но мы будем учиться, тут ничего не поделаешь; мы кусок за куском научимся, а политическая линия, с точки зрения коммунизма, она у нас единственно возможная, потому, что не капиталистам же коммунизм осуществлять и самим против себя революцию организовывать.

Мы должны сказать и подчеркнуть, что мы будем иметь перед собой длительный процесс, который в то же самое время явится процессом переделки нашего учительства. В этом процессе руководящая сила, ведущая сила, принадлежит нашему государству, партии, Советской власти и рабочему классу в целом. Рабочий класс должен учитывать все конкретные условия, все конкретные обстоятельства для того, чтобы не сделать ни одного промаха и с максимальной быстротой итти к той цели, которую он себе поставил. Отсюда с неизбежностью вытекает проблема нашей собственной переделки, как основное условие для действительного, могущественного расцвета новой коммунистической школы. Можно это формулировать таким образом: мы должны иметь перед собой непрестанный процесс сближения всех общественных сил, всех общественных элементов в смысле направления и общего устремления их действий. И этот процесс сближения и является сейчас нашей основной задачей.

57

Мы стремимся преодолеть идиотизм деревенской жизни.

Мы не стремимся к тому, чтобы рабочий класс вечно пребывал в сознании своего рабочего достоинства и вечно диктатурил; нет, конечную цель его диктатуры составляет переделка человеческого общества и превращение этого общества в бесклассовое общество. Мы не хотим, чтобы город, как это было в буржуазном обществе, являлся не только ведущим, но и сосущим началом по отношению к деревне. Мы хотим уничтожения и преодоления этого, как говорил Маркс, идиотизма деревенской жизни, т.-е. ограниченности кругозора крестьянина его околицей. Это — задача неслыханно трудная, но и неслыханно благодарная. Она впервые

стоит в человеческой истории, впервые потому, что ни в одном периоде, ни в одном цикле человеческой истории, ни в эпоху восточных деспотий, ни в период так назыв. классического мира, ни в средние века, ни в капиталистическом режиме,—никогда не было такого примера, чтобы господствующий класс ставил своей основной задачей преодоление и уничтожение разницы между сосущим городом и деревней, из которой сосут—между городом, который поглощает все блага культуры, и деревней, которая обречена в жертву тупоумию. Только пролетарская диктатура впервые ставит эту задачу, и если сейчас очень часто над нами смеются, так как общий баланс наших сил сейчас еще мал, то, извините, смеяться будет тот, кто будет смеяться последним.

Мы начали это дело всерьез и кое в чем уже достигли известных результатов и кое-как уже переделали деревенскую психологию. И если мы будем сохранять правильное руководство этим процессом, если мы будем нашу социальную педагогику вести правильно, мы добьемся уничтожения этой проклятой психологии. Надо иметь в виду эту величайшую, всемирно-историческую задачу особенно вам, потому что, как я скажу дальше, вам будет принадлежать, если вы захотите понять до конца эту задачу, одна из наиболее почетных ролей, которые когда-либо были.

Когда мы говорим о социально-педагогической работе, т.-е. о политической работе в широком смысле слова и в первую очередь по отношению к деревне, то мы должны помнить, что ошибка здесь, на этом участке нашего социально-педагогического фронта, т.-е. там, где мы боремся с ограниченностью деревенской жизни, ошибка здесь в 10 тысяч раз весит больше, чем ошибка, которую можно сделать в городе. Это понятно почему. Если городская ошибка всегда не получает того дальнейшего размаха и не получает таких последствий, потому что ее быстро поправляет общий ход текущей жизни, общеклассовое устремление рабочего класса, то в деревне ничего подобного нет. В деревне каждая ошибка неизбежно помножается на частнособственнические устремления, идущие от самого крестьянства, которые помножаются во-вторую очередь на то, что здесь нет такой совокупности контролирующих органов, которые могут уловить эту ошибку.

Правильное функционирование комсомольских организаций в деревне есть величайшая политическая гарантия для того, чтобы мы обеспечили правильный ход всей переделки деревенской психологии, а следовательно, гарантией является и решение тех глубочайших задач всемирного значения, о которых я говорил.

То же самое нужно сказать относительно пионерского движения. Положительная оценка пионерского движения очень часто исходит из чисто школьных соображений. Но если мы, т.т., от точки зрения школьной педагогики поднимемся на более принципиальную высоту социальной педагогики в том широком смысле, о котором я все время говорю, то мы поймем, что организация юных пионеров—это одна из важнейших гарантий для той переделки всей человеческой массы, деревенской в первую очередь. Ведь самое консервативное начало, самая основная твердыня, из которой постоянно возрождается капиталистический дух, это есть та консервативная бытовая связь, которая непосредственно опирается на деревенскую экономику и которая чрезвычайно туго поддается воздействию. Тот инструмент, то орудие, которое подрывает устои старого быта, является одним из самых действительных орудий, хотя оно и действует незаметно, — это организация юных пионеров, где мы имеем молекулярный процесс разделения этого старого быта, подрыв его.

Организация, которая непосредственно притерта к партии, которая под партией стоит,—комсомол, она в первую очередь должна иметь перед собою водительство над движением юных пионеров.

52!

Революционная законность в деревне.

В каком соотношении организация комсомола должна быть к беспартийным, к власти, и какие она должна иметь права? Здесь я этот вопрос должен поставить совершенно просто, решительно и отчетливо. Прав, т.-е. законом закрепленных полномочий, комсомол в деревне не имеет никаких. Точно так же, как наша партия не имеет формально юридических прав, наша деревенская ячейка не имеет права издавать декреты, и она обязана осуществлять свои решения через соответствующие советские органы,—комсомол имеет право воздействовать на органы власти, если он имеет своих чле-

нов в составе местных советских учреждений и в органах Советской власти. Но он не имеет никаких прав, как государственная организация, как орган госвласти.

Мы теперь вступили в тот период, когда прежние методы должны быть совершенно изжиты. Мы не можем приучить крестьянство правильно вести его хозяйство, если каждая деревенская ячейка будет говорить, что сегодня я возьму налога столько то, а послезавтра — столько-то. Мы не можем говорить крестьянину: рационализуй свое хозяйство, учитывай любой хозяйственный фактор, вводи улучшение, рассчитывай,—мы не можем ему этого сказать, когда мы будем беспрестанно дергать его то за ногу, то за голову, то за какую-нибудь другую часть тела,—так дело не пойдет. Революционная законность, правильное соотношение между партийными организациями и организациями советскими, правильное понимание того, что только органы власти имеют право издавать законоположения, декреты, распоряжения, а не партийные организации—это должно войти в плоть и кровь. Это дело очень трудное и тем не менее совершенно обязательное.

И если это есть общая директива нашей партии по отношению ко всем парторганизациям, то она обязательна и по отношению к комсомолу.

Учительство—культурный канал между городом и деревней.

Если наша основная задача сейчас заключается в том, чтобы наладить правильное соотношение между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством, то из этого вытекает поистине громадная роль учительства, и сельского учительства в первую голову. Мы бы хотели, чтобы учительство как раз и стало тем культурным каналом, тем культурным мостом, который приводит к культурной общности между городом и деревней. Если учительство, в силу ряда причин, предполагая определенные возможности,—не малое значение здесь имеют и чисто материальные возможности,—совершенно твердо осознает эту роль, и если оно в широкой массе эту роль будет действительно проводить со всем энтузиазмом, который необходим для этого действительно величайшего дела, то совершенно естественно, что роль учительства под-

вится на небывалую высоту и можно определенно сказать, что его профсоюз будет далеко не последним в общем профессиональном движении и в деле советского строительства.

Вы может быть еще не осознали, или некоторые из вас еще не осознали всех перспектив, которые будут открываться, но безусловно, не подлежит никакому сомнению, что при восходящей кривой наших материальных возможностей, т.-е. по мере нашего хозяйственного роста, ваша роль будет прогрессивно возрастать, если произойдет тот процесс самоопределки учителей, о котором я уже говорил в предыдущем.

Не „служба", не „использование", не „команда", а сотрудничество.

Теперь позвольте мне перейти к постановке вопроса об основном соотношении между комсомолом и учительством. Эту проблему можно прежде всего разобрать, перечисляя целый ряд ходовых выражений, таких словечек и терминов, которыми пытаются определить и основное соотношение между учительством и комсомолом. Сейчас говорят об использовании учителей, говорят о службе, говорят о руководстве со стороны комсомола над учительством, говорят еще о сотрудничестве. Эти формулировки надо перебрать.

Говорят об использовании: очень часто комсомольцы со свойственной им тактичностью, поставленной в большие кавычки, говорят: мы вас используем, а потом бросим, как выжатый лимон; или: попользовались голубчиком, а теперь идите на покой, куда вам угодно. Разве так можно ставить вопрос? Если действительно поставить вопрос об использовании, то как его можно поставить?

В известном смысле слова, т.т., термин «использован» может быть оправдан. Но только в известном смысле слова. Можно говорить, что революция использует нашу партию. В известном смысле можно это говорить. Мы все, каждый отдельный из нас, не только учитель, а каждый отдельный из нас используется для дела рабочего класса. И с этой точки зрения, если мы говорим: учитель используется для дела продвижения вперед общественного целого—это верно, и тут абсолютно ничего обидного нет. Но абсолютно неверно, когда комсомолец приходит и говорит: я тебя

использую. Это совершенно неверно, потому что здесь комсомолец не более, не менее, как заменяет гораздо более почтенную вещь — весь всемирно-исторический ход и всю революцию. Это не одно и то же. И само собой разумеется, когда так говорят по отношению к учителю, учитель имеет все права морального свойства протестовать против такого отношения к делу.

Служба... В известном смысле слова можно сказать, что мы все служим делу революции. Но когда комсомолец говорит учителю: ты служишь у меня — это никуда не годится. Здесь категория службы есть выражение такого же соотношения, как между капиталистом и наемным рабочим. Учитель не есть наемный рабочий на службе у комсомольца, а комсомолец не есть капиталист. И само собой разумеется, если происходит целый ряд этаких вещей, мы должны нашим товарищам и более молодым друзьям всыпать пару горячих, как они этого заслужили.

Относительно команды. В этом есть некоторое зерно истины, если под командой подразумевать дачу директив, указаний и пр. и пр. Но когда мы говорим о слове „команда" на обычном политическом языке, и еще больше в быту, в бытовых отношениях, по этому поводу можно сказать, что никакой комсомолец не есть командир над учителем. И это слово нужно из обихода вычеркнуть. Степень политического такта комсомольца можно мерить по тому, сколько раз он употребил слово „команда". Единственно правильное обозначение основных соотношений заключается в сотрудничестве. Мы можем обозначить соотношение между комсомолом и учителем, которое необходимо с нашей точки зрения, как отношение сотрудничества. Но сотрудничество предполагает очень часто разделение труда. И тут есть разделение труда.

Трения между комсомольцем и учителем.

Позвольте мне перейти к более точному определению этого сложного сотрудничества, разделения труда между учителем и комсомольцем, характер которого вытекает из сложившихся отношений, несколько позже. А теперь разрешите затронуть еще один вопрос, а именно вопрос об основной форме трений.

Основная форма трений, стержень трений, вытекает из непонимания сотруднического характера отношений между комсомолом и учителем. Сотрудничество есть определенная форма товарищеского взаимодействия, и она требует не только тактики, но и такта. Это две вещи разные. Вы можете иметь превосходную тактику и быть форменным дураком на практике, потому что вы не будете иметь такта. Это нужно различать. Можно превосходно определять общую тактическую линию по отношению к учителю и, наоборот, можно быть прекрасным учителем, который превосходно понимает свою тактику, которая должна быть, с точки зрения коммунизма, по отношению к комсомолу, но можно и обнаруживать такую бестактность, которая сводит на-нет всю тактику. И если существуют глубокие исторические причины взаимного непонимания, то эти причины нужно преодолеть, потому что мы вовсе не стоим на той точке зрения, что все, что есть, все то, что существует как историческая причина, должно вечно существовать. Для нас глубина исторических причин не является решающим аргументом. Мы исторические причины понемногу, в некоторых случаях более резко, а в других случаях помаленечку, изменяем, заменяя их другими историческими причинами, и в этом мы видим свою историческую роль. С этой точки зрения, если мы посмотрим на вопрос, есть ли какая-нибудь большая подоснова этих конфликтов, этих непониманий в отношении между учительством и комсомолом, то мы придем к выводу, что это и есть остаток тех самых „ножниц", о которых я говорил вначале.

Это есть остаток той классовой борьбы, которую наша партия, рабочий класс и комсомольцы вели с интеллигентскими слоями. Как это ни странно, мы все знаем, что сельский учитель живет у нас полунищим, но мы знаем и другое, что среди учительства много поповских дочек и сыновей, которые в большинстве теперь переходят на нашу сторону, но борьба с попами у нас еще остается. И этот самый поп-интеллигент, помноженный на пару шевровых ботинок, он дает себя знать.

Мы говорим комсомольцам: товарищи, сейчас не 18-й год, протрите свои молодые глазки и посмотрите на то, что кое-что изменилось с тех пор. Но тот факт, что мы должны об этом напоминать, этот факт само собою понятен, это имеет под собою

основы прежних отношений. Здесь есть некоторый хвостик больших исторических причин. Значит ли это, что мы не должны этого хвостика отгрызать? Должны отгрызать изо всех сил, и молодыми зубами, почтенные комсомольцы, и более старыми зубами сами учителя.

Я сейчас позволю себе обрушиться в первую очередь на комсомол, но потом понемногу скажу и о товарищах-учителях.

Нам легче, конечно, ругать комсомольцев, которые непосредственно стоят к нам ближе, мы за них непосредственно отвечаем, и, как на составную часть нашего партийного организма, мы имеем право, это будет тактичнее, именно на них напирать.

Но это не послужит извинением для вас, чтобы вы в своей среде отводили глаза и не замечали сучков.

Комсомольскому чванству не должно быть места.

Необходимо изживать кичванство, которое в величайшей степени царствует среди наших комсомольцев, в особенности в деревне. Это коммунистическое чванство заключается в том, что товарищ считает, что он все науки преодолел, хотя сам он ни черта не знает. Товарищ думает, что если он состоит в комсомольской организации, то он все может, он все знает. А если спросить его: где находится Швейцария, он может вам сказать, что в Сев. Африке. Комсомольцы думают, что могут решить все вопросы, не имея для этого достаточных предпосылок. За это мы должны их по-товарищески ругать. Коммунистическое высокомерие теперь становится нестерпимым. Раньше, когда нужно было командовать, тогда трудно было различать: где высокомерие, где—нет его. Тогда все сходило, так как нужно было действительно командовать. А теперь нужны убеждения, нужно пропагандировать, нужно человеку доказать, нужно человека взять не нажимом, а законностью, о которой я говорил. Сам комсомол вместе с нами говорит, что это комсомольское чванство, которое политически необычайно вредно как раз в деревне, где оно стоит нам не только ссор с учительством, но и ссор с крестьянством, —мы должны искоренять.

Если комсомолец не в порядке добровольных отношений, не в порядке законности, не в порядке сотрудничества, не в по-

рядке товарищеской спайки, а в порядке своего комсомольского билета приходит ночью, будит учительницу и говорит ей: играй мне героиню 20 лет, хотя учительнице 60 лет, то этот номер, конечно, пройти не может. Если он заставляет старушонку говорить, что Христос не существовал (хотя он и сам не совсем убежден в этом), то из этого опять-таки ничего не выйдет.

И мы говорим нашим комсомольцам: администрировать, т.т., бросьте! Пусть администрируют органы Советской власти — они на то созданы „богом“ на территории Советского Союза, чтобы администрировать (смех на местах).

Было такое положение, когда силы учительства в подавляющей массе были против нас, а комсомольцы брали их за это за шиворот, и—простите меня—это даже было об'ективно полезно. Но сейчас, когда совершенно другая кон'юнктура, когда никакого белого контр - революционного учительства нет, когда есть прекраснейшим образом проведенные учительские конференции, когда все поняли, что мы идем по правильному пути,—сейчас, в случае, если обнаруживается такое держиморловское отношение, мы скажем: «Осади на плитуар, а то получишь плеть» (смех на местах).

Надо провести борьбу с дебоширством.

Нужно обратить внимание, т.т., и партия это говорит совершенно открыто, чтобы комсомольцы немножко подтянулись по всем правильно направлениям. Мы видим зачастую, что из среды нашей комсомольской организации идут очень плохие запахи, и это нужно соответствующим образом квалифицировать. Это идет часто под идеологической оболочкой какой-нибудь революционной борьбы. Например, нагадит комсомолец под окном у попа и думает, что он ведет антирелигиозную пропаганду. Это, т.т., просто хулиганство. Мы должны комсомолу раз'яснить, что есть разница между антирелигиозной пропагандой и хулиганством.

Я не говорю, конечно, о том, что нужно превратить комсомольскую организацию в великопостников и применять рецепт, рекомендуемый т. Лядовым в его книжке по поводу человеческой физиологии. Это величайшая ерунда, которая достойна юмористического журнала. Комсомол должен расти в духе нашей ком-

мунистической партии. Коммунистическая партия из человека будущего не может создавать секту скопцов или общество добродетельных монахов. Пусть этим занимаются другие. Мы, наоборот, боремся за то, чтобы осуществить максимальную полноту жизни. Но между полнотой жизни и дебоширством и хулиганством есть разница, и ее не нужно забывать.

Когда комсомол устраивает разные шествия, празднества, веселится и т. д., он на это имеет право, но он должен помнить, что нужно принять во внимание и тактику, и такт. Комсомол должен помнить, что в деревне он имеет перед собой крестьянство, которое не любит, чтобы восемнадцатилетний Петька над ним командовал. Оно еще не совсем отвыкло от того, что недавно этого Петьку пороло, и, как это ни прискорбно, но комсомольцу с этим фактом надо считаться. Нельзя тут брать лобовой атакой, ибо хорошего от этого ничего не получится.

Необходимо вести борьбу с дебоширством, и это—задача наших комсомольских организаций. Но это ни капли не умаляет той оценки, которую мы даем комсомольскому движению и которая вполне соответствует исторической правде и исторической роли этой громадной организации, которая имеет перед собой еще более славное будущее.

Учитель не должен проглядеть роли комсомола.

Перехожу к учительству. В общем и целом переворот в учительстве совершился резкий, определенный и пр. Но наша задача состоит не только в том, чтобы говорить, что в общем произошло. Мы знаем, что среди учительства есть различные категории. Одни—у которых перелом совершился с максимальной быстротой. Они совершенно окоммунистичились. Другие — это те, которые находятся на перепутье. Третьи —те, которые имеют еще остатки старых представлений.

Мне кажется, что основное, что мешает некоторым т.т. учителям решительнее встать на ту дорогу, на которую вступила передовая часть, — не забывайте, что вы представляете собою сливки учительства, а не среднее арифметическое,—это тот порок, который был у интеллигенции с начала революции. Люди могут проглядеть за конкретными жизненными мелочами извест-

ную столбовую дорогу, генеральную линию. Разговариваешь часто с каким-нибудь учителем, и он насаживает такие примеры: у вас такой то коммунист—мерзавец, такой-то комсомолец—охальник, такой-то там украл, такой-то с девицей не так поступил, вот там-то комсомольцы вечеринку с выпивкой устроили, а там—дебош в церкви и т. д.

Может быть, все это фактически правильно, но следует подняться выше, посмотреть и увидеть, что не только это существует, а есть кое-что другое. Динамика идет на то, что вся эта ерундистика будет отмирать, а большое и великое будет нарастать. Этого не нужно просматривать.

Теперешний переворот среди учительства об'ясняется не столько нашими проповедями, сколько усвоением величайшего исторического опыта, который во все колокола звонит, что большевистская партия и рабочий класс могут из хаоса вывести страну на новые пути. И совершенно естественно, чем скорее мы будем по этому пути итти, тем скорее консервативная часть учительства будет итти вместе с нами,—с передовой частью учительства. Для этого вы должны вести более усиленную пропаганду среди своих более отставших товарищей и не проглядеть за этими недостатками механизма и разными подлостями, которые вы отмечаете, не проглядеть основного—как рабочий класс идет шаг за шагом к своей цели.

Остатки культурного высокомерия нужно изжить.

Второе—это остаток известного культурного высокомерия, которое очень часто выражается в бестактности. Должен ли педагог тыкать в нос, что он культурнее комсомольца, какому-нибудь курносому деревенскому парню? Не должен. Если он это делает, он совершает ошибку, он совершает бестактность, он совершает такую же бестактность, как и комсомолец, который говорит: о, ты со мной боролся в прошлом году, а теперь я тебя могу ногтем задавить,—это то же самое. Но если мы говорим комсомольцу: ты делаешь глупость, политическую несообразность, ты обостряешь отношения, то мы должны посоветовать и учителю,—конечно, в других выражениях: последите, т.т., за собой, поступайте, как педагоги,

ибо это есть известная отрасль той же самой педагогики в широком смысле слова.

Педагог должен уметь обрабатывать материал, не так ли? Это основное свойство педагогики. Педагог, который равным образом обращается со студентом университета и с новым пионером,—это дурак и битый; если он желает комсомольцу помочь быть более культурным, он должен это сделать так, чтобы тот не заметил его культурного превосходства.

Есть учителя, которые дрожат всеми конечностями даже перед комсомольцем,—это очень большой недостаток, и во всяком случае это не достоинство. Но, с другой стороны, когда учитель желает к комсомольцу подойти, то не нужно ему тыкать в нос, что он культурнее комсомольца, а нужно это сделать так, чтобы комсомолец не заметил, как он к нему подойдет. Работа ведется успешно не тогда, когда два контрагента этой работы говорят, что я знаю то-то, а ты—это-то, я тебя буду учить этому, а ты меня—тому-то, но тогда, когда они подойдут к работе незаметно и без всяких разговоров обработают друг друга на общую пользу.

Есть чему и учителю поучиться у комсомольца—это надо прямо сказать. Чему? Чего не хватает учителю? Общественной подвижности, инициативности, стремления залезть в каждую общественную щелочку и функционировать в качестве общественного работника. Это не маленькая штучка. Надо сказать учителям, они должны сами себе сказать (в своей среде это легче бывает сказать), что-то-то и то-то у комсомольцев должно позаимствовать, кое-чему у них должно поучиться. Ничего стыдного здесь нет. Хотя комсомольцы и моложе их по возрасту и менее культурны, но с самого начала они взошли на новых дрожжах. Это надо осознать и соответствующим образом зафиксировать.

Распределение труда между учителем и комсомольцем.

Как же в общем и целом определить распределение труда между учителем и комсомольцем? Беру учителя. Где центр тяжести его работы? Центр тяжести работы учителя составляет школа. А комсомолец? Учитель есть хозяин в узком смысле слова, а комсомолец его сотрудник. Как устанавливается смычка между руко-

водящими органами в области всей политики страны и учительством? Она устанавливается таким образом: учитель руководствуется органами власти, идущими по линии Наркомпроса и по др. линиям. Пролетарская власть руководствуется в конечном счете нашей партией и ее учреждениями. Значит, учитель проводит работу под общим и главным единым руководством, которое определяет всю жизнь в нашей стране, но руководствуется своеобразно, т.-е. он руководствуется через соответствующие органы Советской власти. Комсомолец — сотрудник в школе. Он борется за свое влияние путем убеждений и руководится не через органы Советской власти, а непосредственно партией. Здесь соотношение таково: партия, органы государственной власти, органы Наркомпроса, учительство. Учительству дана главенствующая роль в школе. Как стоит в школе комсомолец? Он руководится непосредственно партией и по отношению к школе является сотрудником. Он идеологически просвещает, но не играет главенствующей административной роли. Но возьмем область, где наблюдаются наибольшие трения: комсомол и пионеры. Здесь комсомол, который непосредственно руководится партией, здесь он в полном смысле слова хозяин, педагог здесь является сотрудником. Цепочка здесь обратная, обратное соотношение. Здесь хозяин комсомолец, непосредственно стоящий под партией, с учителем сотрудничает. Он не руководит, не администрирует. Они поменялись местами по отношению к школе и пионерам. Вопрос о сотрудничестве с педагогами должен быть взвешен со всей полнотой и нужно определенно сказать, что привлечение к сотрудничеству, добровольное и максимальное, товарищеское здесь абсолютно необходимо, потому что речь идет не только о том, чтобы помогать вырабатывать программу сельскохозяйственного кружка, читать лекции, что всем известно, а здесь еще необходим совет знающего педагога, в особенности по отношению к пионерскому движению.

В целом ряде обследований, результаты которых недавно печатались в газете, мы имеем ужасающее положение в этой отрасли. Мы маленьких людей наталкиваем на общественность и здесь достигаем больших результатов, но ценой растраты нашего основного физиологического капитала. Это, т.т., вещь недопусти-

мая, и против этого нужно принять меры. Помощь опытного педагога необходима и обязательно здесь, ибо часто комсомольские организации в своем стремлении руководить пионерскими организациями не считаются с закономерностью, которую должен определить педагог, как знающее лицо. Вы смотрите на это с точки зрения социальной медицины, отрасль которой непосредственно связана с педагогией.

Если обследование юных пионеров показало, что 35 проц. из них страдают функциональным расстройством сердца, то это, товарищи, такая «большевизация» нашей страны, от которой не поздоровится. Нужно здесь дать правильные и точные директивы. Само собой разумеется, что здесь и учитель должен делать свою работу все время помня и имея в виду, что он не должен выпячивать своего превосходства, а, наоборот, с точки зрения тактики и такта таким образом, чтобы его совет признавался не как совет, идущий от людей, стоящих в стороне, а как совет, идущий от старшего товарища, специально квалифицированного, который входит, как составная часть в нашу общую работу, в наше общее строительное дело.

От хаотической работы к разумной постановке дела.

Наконец, товарищи, еще один вопрос. Мне кажется, пора нам и в области работы педагога и в области работы комсомола, и в области сочетания этой работы перейти к некоторому упорядочению. Хаоса здесь у нас много, чрезвычайно много новой работы в навычках, т.-е. пустякового времяпрепровождения, работы на холостом ходу. Это вовсе не одна только учительская, деревенская или комсомольская беда. Это повторяется с железной закономерностью во всех областях нашей работы на первых ступенях ее развития.

В прошлом году, когда специально рассматривали вопрос о наших студентах-коммунистах, вопрос о том, что они делают и пр., то выяснилась поистине чудовищная картина. Когда я спросил в высшем техническом училище, сколько у вас, товарищи, организаций, в которых студент-коммунист работает, вы не можете представить, какую цифру мне указали по этому вопросу. Выяснилось, что организаций существует в пределах одного учеб-

ного заведения—200. Тут уж хоть семь пядей имей во лбу и будь коммунистом не 96, а 196 пробы, никакого толка от твоей «работы» не получится.

Часто происходит, что люди только утешаются тем, что они работают, а в самом деле они бегают из учреждения в учреждение. И это происходит и с вами, и с комсомольцами, и с пионерами. Это беспощадное расточение сил связано с бесплановостью, с чудовищным количеством работы, и тут необходимо ввести коррективы. Среди комсомольцев есть хулиганы, которые ничего не делают, а есть кадровый состав, который пропадает от работы,—ценнейший человеческий материал, который вымотывает излишнее количество труда. По отношению к пионерам я говорил уже. Эта бестолковость еще больше осложняется бессмысленным дерганием. Если меня заставляют сегодня читать антирелигиозную лекцию, а после этого играть «Веселую вдову», то это редко кто может выдержать. И если это наслаивается в хаотическом беспорядке, в виде первозданного хаоса, над которым, как дух божий, витает комсомольский дух, то это, конечно, недопустимо. Тут надо перейти к более разумной, рациональной постановке дела.

Руля, который мы повернули в октябре, из рук не выпустим.

Вот в общем и целом те замечания и положения, которые я хотел вам сделать в настоящем докладе. Само собою разумеется, что на основе их придется разрабатывать и дальше двигать дело вашей совместной работы с комсомольскими организациями, разрабатывать ту величайшую проблему, которая сейчас стоит перед нами, проблему переделки массовой психологии нашего народа, ставшего на новые рельсы.

Очень часто люди, видя перед собою факт жалкого прозябания нашей школьной сети, тяжелого положения учителя и плохого оборудования наших школ, очень часто приходят к выводам пессимистического свойства: семь лет прошло, мало сделано и т. д. Правильна ли эта оценка? Нет, неправильна! Она правильна только постольку, поскольку констатируются известные факты—школы плохие, разоренные, учителя еще плохо живут, ученики еще хуже, книг нет и пр. Но нужно оценивать не только это, ибо это только одна сторона дела.

Есть другая, гораздо более всеобъемлющая сторона, которая в конечном счете исправит все недостатки, которые у нас имеются теперь.

Эта всеобъемлющая сторона есть необычайное расширение образовательного поля, необычайное расширение воспитательного поля. Люди, привыкшие думать по шаблону, учитывают количество учеников, прошедших через школу, но это неверная оценка нашего идейного баланса, потому что все события революции расширили кругозор. Ногами красноармейца, прошедшего с севера на юг и с запада на восток, побывавшего в разных городах, побывавшего на разных фронтах, пришедшего в деревню и внесшего в пределы деревенской околицы новые веяния, они обогатили психологию деревенских обитателей, не говоря уже о городских. Они переделали целый ряд обычаев, внедрившихся и укоренившихся в нашу деревню. Они внесли такое брожение в деревенскую среду, которого еще не знала человеческая история. Они поставили аппарат, находящийся в руках рабочего класса, на невиданную высоту. И, несмотря на то, что мы говорим, что сделано еще небольшое дело, несмотря на то, что мы делаем еще первые шаги, наша пропаганда, наша агитация, наша Красная армия, избы-читальни, наши клубы, где иногда говорят много вульгарных, кривоватых, однобоких фраз, не совсем ученых, но в общем и целом это есть колоссальная встряска народа, которая поднимает его на несколько ступеней, при чем очень солидных ступеней, над тем, чем он был.

Проследите язык современного мужика и довоенного мужика, и вы увидите по структуре языка, по количеству слов, которые он употребляет, новых слов, которые вошли в его привычный обиход, вы увидите, какой мощный рост, культурный сдвиг, какое расширение, какая интенсификация нашего образовательного дела, какая переделка массовой психологии у нас получилась в этом сдвиге. Наш народ под руководством пролетариата действительно создал себе некоторые предварительные элементарные условия для совершенно новой обстановки.

Наша задача заключается в том, чтобы тот руль, который мы повернули в Октябре, не только не упускать, а твердой рукой продолжать среди колоссального количества препятствий пра-

вить тем кораблем, которым мы начали править в Октябрьские дни 1917 года. Поскольку у нас диктатура упрочилась, стала на твердые ноги, мы выходим из первозданного хаоса, вносим планомерность, поскольку мы переходим к нормальному существованию, начинается подъем производительных сил страны, на основе повышения массовой энергии, поскольку наша ставка есть ставка на партию,—постольку разрешите, товарищи, от имени партии вам сказать: входите скорей в нашу семью, достаточно быстро, интенсивно, бесстрашно, потому что, чем сплоченнее мы будем, тем скорее мы выполним ту задачу, о которой не смели мечтать наши предки, к которой мы теперь подошли и которую под руководством нашей партии мы во что бы то ни стало осуществим.

Да здравствует наша партия!

Да здравствует рабочий класс и крестьянство, которое идет вместе с рабочими!

Да здравствует наше учительство, которое будет играть роль моста в той великой культурной смычке, которая навсегда уничтожит разобщенность между городом и деревней и которая продвинет нас еще больше к коммунизму, за дело которого мы готовы умереть! (Бурные аплодисменты).

59

Учитель и профдвижение.

Доклад тов. А. А. Коростелева.

В начале своего доклада тов. Коростелев кратко остановился на истории профессионального движения учительства до 1919 г., когда возник союз работников просвещения.

Еще в конце 60-х годов,—говорит т. Коростелев,—возникло об'единение учительства. Это об'единение имело форму о-ва взаимопомощи. Таких об'единений в 1905 году было 80, а в 1914 г.—102, с 45.000 членами, из которых одних учителей имелось в них 40 тысяч. Эти об'единения ставили своею задачей взаимную помощь, взаимную поддержку. Центр внимания этих обществ был направлен не на классовую борьбу, не на задачу свержения капиталистического строя, который является покупателем рабочей силы. Центр внимания их был направлен на то, чтобы собственными силами, собственными средствами помочь самому себе, учительству, в рамках буржуазного капиталистического общества.

До 1905 года рабочий класс не имел возможности организовываться в профессиональные союзы. Мы таких организаций не знали. Массовая открытая профессиональная боевая классовая организация немыслима без легального ее существования. Вот почему, товарищи, мы эти первые учительские об'единения ни в коей степени не можем рассматривать, как начало профессионального движения.

От обществ взаимопомощи к всеработпросу.

После февральской революции возник Всероссийский учительский союз, который по своим стремлениям опять-таки не стоял в рядах рабочего класса. Этот союз, товарищи, вам всем прекрасно известен, вы знаете печальную роль, которую он сыграл во время Октябрьской революции, заняв по отношению к ней враждебную позицию.

Профессиональное об'единение работников просвещения, в частности, учительства, начинается лишь с момента Октябрьской революции, когда все вопросы социально-экономические и политические обнажились во всей своей наготе, когда классовые противоречия были чрезвычайно обострены; учительство было поставлено перед необходимостью занять определенную классовую позицию. Передовое революционное учительство, которое понимало значение Октябрьской революции, которое стояло на точке зрения Октябрьского переворота, эта часть учительства организовала в противовес ВУС-у другой союз, построенный на принципах Октября. Прежде, чем создался Всеработпрос, в 18-м году возникает Всероссийский коммунистический союз учителей, открыто вставший против ВУС-а.

Но и всероссийский коммунистический союз учительства не мог об'единить вокруг себя широкие массы, поскольку он предъявлял политические требования ко всякому вступавшему члену.

За тем последовательно создавались союз учителей интернационалистов и союз работников просвещения и социалистической культуры. Обе эти организации занимали крайние фланги. На них стояла только часть учительства, а основная масса не была организована, ибо она не могла воспринять идеи коммунизма. Во всяком случае, эти союзы не могли сыграть роли единого центра всего учительства.

Задачи профессиональной организации.

Ленин о задачах профсоюзов писал: «Профсоюзы, систематически заботящиеся о всех сторонах быта рабочих, как на фабрике, так и вне ее, могут явиться первоначальной школой организационных производственных навыков политического воспитания для самых широких и даже отсталых масс трудящихся. Для успешности выполнения этих своих задач, профсоюзы прежде всего должны стать организациями, в которых каждый отдельный член является сознательным и активным участником общей жизни своего союза».

Так как этого сознания не было, так как каждый член учительской семьи по разному мыслил, то ясно, что в одну организацию об'единить учительство по политическому, партийному и другим признакам нельзя было. Но вместе с тем, Ленин го-

ворил, что «Профсоюзы, как школа коммунизма, должны обслуживать все стороны повседневной жизни трудящихся масс, постепенно вовлекая самые широкие слои трудящихся в дело государственного строительства, всегда освещая им путь идеями нашей программы, ведя их от частного к общему, постепенно поднимая их от беспартийности к коммунизму».

Задача профессиональной организации поднять рабочего, поднять учителя от беспартийности к коммунизму, и эта задача чрезвычайно огромного значения. Ленин говорит: «Союз, это—школа коммунизма». Но для того, чтобы превратить рабочего и учителя в коммуниста, для этого требуется время, для этого союзы должны перевоспитать на практике повседневной работы своих членов.

Товарищ Ленин говорил, что это воспитание в условиях пролетарской диктатуры заключается в том, чтобы каждый рабочий, каждый труженик привлекался к практической советской и хозяйственной работе, чтобы во всей общественной жизни, где СССР возглавляет рабочий класс, сами труженики принимали активное участие в его строительстве.

Какая же роль в этих условиях принадлежит союзу? Здесь союзу принадлежит одна из главнейших ролей. Он помогает каждому рабочему, без различия политических и религиозных убеждений, проходить практически эту школу коммунизма. Они находят в этом союзе защиту своих экономических интересов, ибо в союз рабочий и работник идет не для того, чтобы слушать проповеди, а для того, чтобы получить от этого союза известную поддержку. Только тогда, когда союз помогает, когда он облегчает материальное положение работника, когда он заботится об его жизни, защищает его от чрезмерной эксплоатации, когда он охраняет его труд,—тогда только союз становится действительным защитником, и только тогда он понятен массам. Вот задача союза—установление тесного взаимоотношения с массами, правильного подхода к повседневным их нуждам, внимание к мелочам их жизни, классовое воспитание работников, приучение их к организованным действиям в борьбе за свою жизнь. Это задача огромной, величайшей важности.

Наш союз—производственный.

Наш союз возник в 19 г. После того, как учитель пережил целые этапы переходных моментов, когда в учительскую массу вклинивались революционные и анти-революционные идеи, когда учительство в процессе революции раздиралось на части, когда часть шла с рабочим классом, часть плелась в хвосте за врагами рабочего класса, после всего этого, в конце-концов, сорганизовалась группа наиболее сплоченных товарищей, которые взяли в свои твердые руки руководство, и им удалось в 1919 г. создать Всероссийский союз работников просвещения, организованный по производственному принципу.

19 год является началом подлинной истории профдвижения работников просвещения, потому что лишь с этого момента работники просвещения стали целиком и полностью на путь признания классовой революционной борьбы. Это был чрезвычайно серьезный шаг. Признание классовой революционной борьбы обязывало союз к тому, что он, прежде всего, солидаризировался с борьбой рабочего класса и должен был, следовательно, и сам активно участвовать в ней.

Отметив наличие в союзе стремлений к цеховым организациям, тов. Коростелев говорит, что с подобными уклонами на первых порах приходилось бороться, и эта борьба отняла чрезвычайно много энергии. Если мы сейчас имеем еще недостаточно сплоченную и стройную организацию, то это потому, что мы очень много сил отдавали преодолению тех внутренних неувязок и трений, какие были в нашей среде.

Через союз мы смыкаемся с рабочим классом и партией.

Об'единившись, создав свой производственный союз, мы влились во Всероссийское об'единение профсоюзов. Этим самым мы признали над собой руководство Всероссийского Центрального Совета Профсоюзов, и мы являемся частью всего организованного профдвижения.

Через союз мы имеем непосредственную смычку с рабочим классом и непосредственную смычку с партией. Тов. Ленин учил, что союз является как бы звеном между партией и массами, что союз, об'единяя массы, подводит их к партии. Через союз начи-

нает рабочий и работник понимать свое классовое положение, начинает и задумываться над вопросами не только своего маленького узкого бытия, но и над вопросами своего класса в целом и над вопросами политическими.

Прежде чем политически перевоспитать рабочего, прежде чем поднять его на ту ступень, о которой говорил тов. Ленин, от беспартийности к коммунизму, нужно пройти ему очень большую и длительную школу.

Работник просвещения шел на жертвы. Вы знаете, товарищи, что страна после Октябрьской революции очутилась в чрезвычайно тяжелом положении. Все силы и средства государства были направлены на оборону страны. Затем они были направлены на восстановление промышленности и сельского хозяйства.

Третий фронт был фронтом последующим, потому что страна не могла иначе высвободиться из когтей нищеты и голода, не восстановивши своего хозяйства. И наш союз прекрасно понимал, что если сейчас он поставит своей основной задачей, во что бы то ни стало, не считаясь с интересами всего рабочего класса в целом, добиваться улучшения своего экономического положения и повышения заработка, это значит бороться против интересов своего класса.

Интересы рабочего класса в целом, интересы революции требовали от работников просвещения жертв. Чтобы поднять индустрию, поднять транспорт, надо было дать горняку, металлисту, железнодорожнику возможность немножко больше получать заработной платы, с тем, чтобы восстановивши это хозяйство, можно было поднимать вопрос об улучшении материального положения и работников просвещения.

Материальное положение просвещенцев. Переходя к этому вопросу, тов. Коростелев отметил, что ставка городского работника просвещения с 1922 по 1924 год увеличилась в два с лишним раза, а ставка сельского работника за это же время повысилась на 387%. Это значительный шаг вперед, но на этом успокаиваться союз не думает.

Задача союза—говорит тов. Коростелев—и далее будет заключаться в том, чтобы употреблять все усилия на поднятие зарплаты работников просвещения до такого уровня, который давал бы возможность нормально существовать. Эта задача, конечно, не одного дня. Она зависит не только от нашего желания, но и от того, насколько позволят государственные средства.

В защиту прав учителя.

Нам пришлось за это время столкнуться с правовыми вопросами. Работники на местах очень часто встречали чрезвычайно недружелюбное отношение со стороны местных властей: различные наряды, мобилизация и т. д. вошли в обычай и практиковались, как правило. Союзу пришлось взять на себя защиту правовых интересов наших работников. Целый ряд распоряжений нам удалось провести через Наркомпрос, чтобы устранить все имевшиеся у нас безобразия.

Например, у нас чрезвычайно остро стоял следующий вопрос: в 23-24 г. на местах наблюдались такие случаи, что как только начались летние каникулы, советские органы считали возможным, из-за недостатка средств, увольнять работников перед самыми каникулами с тем, чтобы не платить им за летний перерыв. Мы добились издания через Наркомпрос циркуляра о том, что увольняемым в подобных случаях должно оплачиваться полностью за все предстоящее каникулярное время. Тогда не будет выгоды увольнять работников, если им приходится платить за несколько месяцев вперед.

Мы имели также больное явление, когда наших работников без всякого основания перебрасывали с места на место, когда не считаясь ни с их материальным и семейным положением, в два-три дня буквально гнали в какой-нибудь глухой уезд и этим самым совершенно выбивали человека из колеи. Нам удалось добиться издания специального циркуляра НКП с тем, чтобы такого безобразия более не существовало.

Я не буду перечислять всех тех мер, которые нам удалось провести против такого административного творчества со стороны местных властей. Союзу необходимо было бороться не только на местах, но и путем известных распоряжений из центра. Эту меру мы проводили достаточно энергично и постепенно добились того,

что теперь мы наблюдаем лишь отдельные случаи правонарушений, но массового явления таких правонарушений нет.

Конечно, вероятно, в отдельных случаях это будет продолжаться и дальше. Борьба с этими отдельными правонарушениями может и должна проводиться союзными организациями. С этой целью союзные организации должны уделять достаточное внимание не только правонарушениям по отношению, скажем, к нашим коллективам, но даже и к отдельным членам.

Пассивность части учителей—причина перегрузки общественной работой.

Отметив, что слабым звеном в работе союза является его деревенские организации, тов. Коростелев говорит, что низовым ячейкам (месткомам) надо сейчас уделить самое серьезное внимание.

Затем тов. Коростелев переходит к общественной работе учителя.

Вы уже слышали здесь—говорит он,—что наш союз ведет большую общественную работу. У нас сейчас жалобы на то, что наши члены перегружены общественной работой. Я считаю, что дело о перегрузке не столько зависит от того, что у нас слишком много обязанностей, но и от того, что у нас нет достаточной организованности, эту общественную работу мы не научились умело регулировать. У нас есть сведения, что в 30-ти губотделах общественной работой занимаются, примерно, несколько больше половины членов.

Я лично думаю, что даже эти цифры немножко преувеличены. Предположим даже, что у нас половина членов занята общественной работой. А что же делает, спрашивается, остальная половина? Остальная половина ничего не делает, она перекладывает общественную работу на плечи своих товарищей и заставляет их сгибаться в три погибели. Какая отсюда вытекает задача? Необходимо, чтобы месткомы вовлекали в активную союзную практическую работу всех своих членов, чтобы они создавали учителя-общественника. У нас слишком много всяких внешкольных обязанностей, которые возлагаются на наших членов.

Мне дали список, в котором насчитывается 17 обязанностей в деревне. Я бегло прочитал его и думаю, что здесь помечена только часть этих обязанностей. Таких обязанностей можно насчитать десятки, но нужно здесь различать главное — какая общественная работа, безусловно, должна учителем выполняться и как ее нужно выполнять.

Нужна общественная работа, а не исполнение технических обязанностей.

У нас, например, формой общественной работы считается следующее: сидеть счетоводом в кооперативе, делопроизводителем или переписчиком в сельсовете. На одном крестьянском сходе крестьяне очень правильно отметили, что у них учитель засел в кооператив счетоводом, а между тем в правлении кооператива некому вести общественную работу. Сами крестьяне ставят вопрос, что учитель не должен использовываться для технической работы. что его дело быть организатором, культурным, общественным работником, а не сидеть техническим исполнителем.

Если бы мы вздумали на аэропланах сейчас перевозить песок, глину и кирпичи, то это была бы прямая расточительность. Учитель слишком дорогой инструмент, чтобы можно было бы его использовывать на такую техническую работу.

Не разбрасываться.

Учителей-общественников у нас мало, и вот почему задача месткома заключается в том, чтобы из десятка обязанностей выбрать наиболее главное: например, ликвидация неграмотности, работа в избе-читальне и т. д.

Нужно выделить не многое, но за то основное. Необходимо, чтобы местком эту работу распределял между всеми членами, сообразно их силам. 63'

Если тов. Зиновьев говорит, что учитель должен быть агитпропом и орготделом в деревне, то, конечно, эту работу должен вести местком, а не отдельный учитель. Местком должен всех членов взять на учет и, сообразно их способностям, равномерно распределить между ними общественную работу. Только при этом условии отпадет вопрос о перегрузке и невозможности при этой перегрузке вести учителю внешкольную работу.

Подготовить кадр низовых профработников.

Значение месткома здесь очень вырастает, и поэтому, товарищи, мы должны поставить себе ближайшей задачей подготовку кадра низовых профработников. Затем мы должны познакомить массу наших членов с содержанием профессиональной работы, и, в третьих, регулировать общественную работу через низовую союзную ячейку—местком. Эта задача выполнима.

Необходимо вовлечение женщин в союзную работу.

Затем еще один больной вопрос. В нашем союзе больше половины женщин, но в общественной и в союзной работе женщины принимают очень незначительное участие.

Возьмите участие женщин в месткомах. Вот состав волостных работников: мужчин—70 процентов, а женщин — только 30 процентов. Вы видите, что здесь мужское засилие налицо, хотя в нашем союзе большинство членов—женщины. Это значит, что значительное количество женщин не втянуто в союзную работу. Поэтому, товарищи, мы должны особенно усилить внимание работе среди женщин. Некоторые товарищи говорят, что в нашем союзе просвещенцев о работе среди женщин зазорно говорить. Что-де тут говорить, когда все учительницы грамотные, просвещенные, а потому и не нужно вести агитации среди женщин. Здесь эти товарищи ошибаются вот в чем. Они не учитывают, что женщина исторически занимает своеобразное место в обществе, что если нам приходится усиленно вести работу среди мужчин,—рабочих и учителей, то тем более—в отношении женщин, технических служащих, отсталых в политическом и профессиональном отношениях; по отношению к ним эти усилия должны быть удвоены.

Женщина, привязанная к семье, к кухне, воспитывалась в более неблагоприятных условиях, нежели мужчина; она менее занята общественной работой, и нужно поэтому постараться создать условия и помочь ей для того, чтобы женщина могла принять участие в этой общественной работе. Вот почему, товарищи, если мы на эту работу не обратим внимания, то, безусловно, половина нашего союза, или часть из этой половины, будет совершенно не использована.

„Девятый параграф". Теперь, товарищи, еще один больной вопрос—это вопрос об отношении к религиозному учителю. Религиозного учителя иногда исключают из союза за выполнение религиозных обрядов. ЦК приходится энергично бороться против этой «исключительной» политики, потому что, если бы мы действительно стали на точку зрения удаления верующих учителей из союза, то, ясно, что союз отказался бы от одной из основных своих задач перевоспитания,—быть школой коммунизма. Я не буду останавливаться на многих примерах, а укажу лишь на один.

Недавно в Ставрополе состоялся 1-й окружной учительский с'езд, который, по словам брянской газеты, постановил изменить устав союза, включив в него пункт о недопустимости приема в члены союза учителей, зараженных религиозными предрассудками. В некоторых организациях возбуждается вопрос о том, чтобы выбр сить п. 9-й нашего устава, который говорит, что членами союза могут быть работники просвещения без различия политических и религиозных убеждений. Следовательно, каждого вновь поступающего в союз пришлось бы спрашивать: во что он верует и верует ли вообще?

Такой подход с союзной точки зрения совершенно неправильный потому, что если бы мы пред'являли такое требование, то, конечно, мы не могли бы ставить задачей перевоспитать таких товарищей, которые верят в Христа, в Магомета, или в какого другого мифического пророка.

Не исключать религиозного учителя, а перевоспитать!

Административными мерами нажима, мерами исключения мы с этим фанатизмом, с этим религиозным дурманом не можем и не должны бороться. Это совершенно негодный метод.

«Учительская газета», орган нашего ЦК, недавно по этому вопросу провела широкую дисвуссию. Из этой дискуссии выяснилось, что на местах существует по этому вопросу полный разброд. Часть высказывается за исключение, часть—за оставление. Я думаю, что мы должны твердо сказать: союз об'единяет работников, отдающих в порядке найма свою рабочую силу, неэксплоатирующих чужого труда, союз об'единяет этих работников без разли-

чая политических и религиозных убеждений. Но союз должен перевоспитать товарищей, зараженных религиозными предрассудками, путем ознакомления с материалистическим мировоззрением, с естественными науками. Это самое лучшее средство для того, чтобы бороться с религиозными предрассудками. Эту пропаганду нужно широко поставить в наших кружках, на курсах и вести ее систематически.

Дома просвещения переходят на клубные рельсы.

У нас наша культурная работа ведется в домах работников просвещения. Рост домов работников просвещения за 1922—24 г. таков: в 22 г. мы имели в губернских и уездных городах 31 дом, а теперь имеем 241 дом. Дома работников просвещения являются и клубами.

Когда образовались дома работников просвещения, они ставили себе основной целью поднять педагогическую квалификацию учителя-просвещенца. В 24 году мы этот вопрос о характере и содержании работы домов просвещения подвергли пересмотру. Мы считаем, товарищи, что дома просвещения должны быть клубами, где бы работники просвещения могли найти, кроме учебы, разумный отдых, где бы работники могли отдохнуть и поделиться со своими товарищами дружеской беседой.

Нельзя же все время перевоспитывать и переподготовлять. Надо хоть немного предоставить каждому выбирать себе в клубе то, чем он более интересуется, дать возможность человеку провести несколько часов совершенно свободно.

Вот, товарищи, характер этой работы в домах просвещения. Он постепенно начинает сейчас прививаться. Мы имеем целый ряд таких домов, которые перешли на систему клубной работы. Я сейчас не буду на этом останавливаться, скажу только, что характер клубной работы является для профсоюза той формой культработы, которая применяется во всех рабочих организациях.

Больше внимания сельскому, а не городскому учителю — имеет свое оправдание.

Товарищи, когда мы поставили себе задачу — центр внимания уделить работникам села, мы вслед за этим стали замечать рост недовольства среди городских работников.

Городские работники ставили нам упрек, что Центральный Комитет уделяет больше внимания деревенским работникам и меньше уделяет внимания городским. Эта самая обида, эта самая „ревность", по выражению тов Зиновьева, она является результатом явного непонимания роли сельского работника.

Сельский работник сейчас находится на главнейшем фронте просвещения. Если бы мы поставили знак равенства между селом и городом, то это было бы несправедливо.

Я не буду доказывать, что городские работники находятся в более лучших условиях, что для них предоставлены и лучшие культурные удобства городской жизни. Когда мы таким товарищам, которые нас обвиняют в том, что мы больше уделяем внимания и якобы непропорционально повышаем зарплату в пользу деревенских работников, мы таким товарищам предлагаем: если вы, действительно, считаете, что городской работник обижен, что он хуже обеспечен, то вы можете поменяться местом с деревенским работником (аплодисм.) Однако, охотников поехать на работу в деревню мне не приходилось видеть. Когда ставишь этот вопрос на конкретную почву, сейчас же товарищ начинает отделываться общими вопросами и затем куда-то, как дым, улетучивается.

Для городского учителя —широкое поле работы в рабочих клубах, в Красной армии.

Конечно, мы должны уделять внимание и городским работникам, и уделяем им.

Роль городских работников также велика, но мы должны подчеркнуть, что городской работник в общественной жизни принимает относительно меньшее участие, нежели деревенский. Это, товарищи, упрямый факт. Но это не значит, что городской работник, принимая меньшее участие в общественной жизни, отпирается, что ему не предоставляется возможность работать.

В городах, например в Москве, имеются сотни клубов, в этих клубах имеется очень много рабочих. Вы видели, товарищи, они сегодня к нам приходили поприветствовать с'езд, вы видите, как рабочие чутко прислушиваются к нашему с'езду. Рабочий знает, что он должен доверить воспитание своего сына школе.

С утра и до вечера занятый на работе, он не может видеть, как воспитывается его сын в школе. Работник, переживший Октябрьскую революцию, хочет видеть своего сына продолжателем своего дела, за которое он пережил тяжелые годы гражданской войны, голода и блокады. Рабочий болеет душой за своего сына, если он не будет уверен, что учитель в школе не научит его сына тому, за что приходилось бороться ему, отцу.

Вот почему рабочий чутко прислушивается к тому, что происходит в школе. Рабочий отнесется с глубочайшей симпатией к учителю, который в школе научит его сына тому, чтобы отстаивать Советскую власть и Октябрьскую революцию. То же самое: если учитель поможет в клубе этому рабочему стать более культурным, рабочий в учителе увидит и своего товарища.

Учитель сталкивается с Красной армией, над которой мы шефствуем. Рабочие и красноармейцы в городе—это обширное поле для работы городского учителя.

Мы должны сказать и городскому учителю, что тяжесть, которая выпадает на долю сельского учителя — цивилизовать крестьянина, со своей стороны обязывает и его, городского учителя, поднимать культуру красноармейца и рабочего. В этом— историческая задача учителя. Мы говорим на этом с'езде не в упрек им, потому что дело здесь не в упреках, а в том, чтобы указать на те задачи, которые стоят перед городским учителем. Только поднимая культуру крестьянина, поднимая культуру рабочего, мы создадим предпосылку более мощного экономического расцвета страны. А это значит, что и экономическое положение учителя, как городского, так и сельского, скорее улучшится.

Только наш союз создаст свой Интернационал, стоящий на классовой платформе.

Прежде, чем закончить свой доклад, я, товарищи, остановлюсь еще на роли нашего союза в создании Интернационала работников просвещения.

Товарищи, роль, которую сыграл союз работников просвещения в международном об'единении велика. Вы уже теперь знаете, что наш Интернационал, который сейчас существует и представитель которого тов. Гейзенберг вас сегодня приветствовал, этот Интернационал стоит на точке зрения классовой борьбы.

Товарищи, среди всех производственных союзов, которые существуют в советской России, только нашему союзу удалось создать свой Интернационал, который бы стоял на революционной классовой точке зрения. Попытка об'единения, попытка создания Интернационалов другими профсоюзами еще не удалась, потому что социал-демократы пока владеют командными высотами в профсоюзах, имеют там свою испытанную бюрократию.

Помимо нашего революционного Интернационала, существует еще в стране Муссолини «Интернационал» «Международное учительское общество всех святых». Это реакционное общество ставит своей задачей слепое подчинение „святому" папе и приведение учителей через лоно католической церкви в тепленькое место в раю.

Вряд ли у нас найдутся товарищи, которые поверили бы тому, что с помощью такого „Общества всех святых" можно улучшить свое положение. В Америке прозябает „Всемирный союз учительства", организовавшийся в 23 г.

Характерно то, что когда собрался 1-й конгресс этого „всемирного" учительского союза, от неизвестного лица был прислан миллион долларов на его организацию. А когда в 24 г. собрался в Париже наш Интернационал, то не только 1 миллиона долларов, но даже ломаного гроша никто от имени „неизвестных" лиц не прислал ему. В наш Интернационал мы вносим свои деньги открыто и прямо: наши средства добываются честным путем. Только лакей из гомперсовских молодцов, вместе с капиталистическими мошенниками, могут создавать на средства финансовых тузов подобные учительские «интернационалы".

Входя в Интернационал работников просвещения, мы ставим своей задачей беспощадную борьбу с подобными „обществами всех святых", организующимися на средства капиталистов.

Наше об'единение насчитывает 600 тысяч с лишком членов. Наш Интернационал еще не охватывает всех стран, но мы уже являемся организацией международной, у нас есть известный опыт, под нашим знаменем уже сплотилась лучшая часть учительства, между тем как у амстердамцев, которые пытались, в противовес

парижскому Интернационалу, об'единиться и создать свой Интернационал, все попытки в течение 2-х лет кончались неудачами. Эти попытки не прекращаются и сейчас, и мы убеждены, что эти попытки, вероятно, не будут осуществлены. Если бы даже амстердамцам это и удалось, то они только еще раз обнаружили бы свою раскольническую политику.

Будущее—за Интернационалом работников просвещения.

Наша задача заключается в том, чтобы создать единый фронт со всеми работниками просвещения; мы отдаем этой задаче все свои силы, вносим свой опыт больше чем пятилетней борьбы и организации профсоюза; мы знакомим наших зарубежных товарищей со всеми нашими достижениями, и Интернационал работников просвещения имеет в нашем лице лучшую и сильнейшую фалангу, на опыте которой он сам воспитывается.

Я убежден, что при всех недостатках, которыми страдает наша международная организация, у нас есть некоторые расхождения по поводу принципов воспитания, но в конечном итоге мы по всем этим вопросам договоримся в процессе совместной работы. Факт тот, что этот Интернационал объединяет лучшую революционную часть западно-европейского учительства и доказывает, что мы стоим на правильном пути.

Нашему Интернационалу работников просвещения принадлежит великое будущее.

Союз отвечает всем запросам своих членов.

Наш союз является широкой организацией всех работников. Он предоставляет возможность в домах работников просвещения, в кружках, которых у нас насчитывается тысячами, знакомиться со всеми достижениями в области профдвижения, педагогики, знакомиться с марксизмом и ленинизмом, через нашу литературу знакомиться со всеми вопросами социально-экономической жизни.

Эту задачу широкого воспитания членов мы проводили в течение всего времени существования Всеработпроса, и думаем, что мы верно учли запросы наших членов.

Что такое просвещенец, является ли он мелким буржуем, или крупным буржуем, или какой-то прослойкой между рабочим классом и буржуазией,—это определенно уже сказано во вчерашней речи тов. Зиновьева. Всякие сомнения устранены. Если бы учителя были представителями мелкой буржуазии, они не могли бы быть организованными в профессиональный союз.

Что такое профессиональный союз? Профессиональный союз организует наемных работников, продающих свою рабочую силу, работников, которые живут исключительно продажей своего труда. А буржуазия? Она, правда, тоже организуется в политические партии, но она стремится к личной наживе, она эксплоатирует чужой труд. У нас этого нет, и в этом смысле, товарищи, между рабочим и учителем, с точки зрения этой социальной категории, нет никакой разницы. Учитель является пролетарием, наемным работником.

Наш лозунг—коммунистическое просвещение просвещенцев.

Задачи, которые ставил себе союз в течение целого ряда лет,—теперь, как вы видите,—он выполнял и выполнил правильно.

В заключение я скажу, что если и дальше мы будем вести в этом духе нашу работу по сплочению наших членов, по поднятию их культурного и политического уровня, то мы не оторвемся от массы.

Наш лозунг был всегда—чутко прислушиваться к тому настроению, которое имеется в массе наших членов.

В 22-м году летом мы учли настроение в учительстве. На нашем четвертом съезде мы выбросили лозунг—коммунистическое просвещение просвещенцев. Мы, товарищи, видим, теперь что не ошиблись.

Здесь никто никого не насилует, никто никому не желает втереть очки. Вы сами уже зрелые люди, и сегодняшним решением, вы это доказали.

Вот почему дело нашего союза—воспитание, перевоспитание работников просвещения, защита материальных и духовных ин-

терегов, совместная с рабочим классом борьба под руководством партии.

И затем, основная наша задача—помощь рабочему и крестьянину культурно подняться выше. Эта задача уже выполнялась, выполняется и будет дальше, я уверен, выполняться учителем.

Наш лозунг должен быть следующий: все члены должны быть активными общественными работниками. Учитель-просветитель, где бы он ее работал, должен помнить: он не чиновник, он работник, он является членом нашей великой профессиональной семьи, на нем лежит задача быть стойким борцом за дело рабочего класса, который строит советское государство (аплодисменты).

Голос низового учительства.

(Из речей делегатов на первом Всесоюзном учительском с'езде).

Неотделимый отряд трудящихся.

(*Речь тов. Пенькова, делегата от Иваново-Вознес. губ.*)

Советское правительство, в лице председателя Совнаркома тов. Рыкова, отчитывалось о своей работе перед учительством, как перед частью трудящихся России. Представитель коммунистической партии—один из руководителей международного рабочего движения—расценивает учительство нашей страны, как неделимую часть рабоче-крестьянской России.

И т. Рыков, и т. Зиновьев призывают всех трудящихся России, все живые революционные коммунистические силы доверять учительству, допускать учительство к совместной работе по хозяйственному строительству нашей страны, по воспитанию подрастающего поколения. Один из выступавших товарищей совершенно верно указал, что учительство должно быть уверено в том, что этот клич вождей российского пролетариата и крестьянства раздается звучной командой не только по коммунистическому российскому фронту, но и по фронту остальной рабоче-крестьянской России. Мы должны быть уверены в том, что нам по приезде на места, крестьяне, советские работники и коммунисти, —все остальные живые силы страны скажут: давайте работать вместе; давайте рука об руку выводить страну из состояния хозяйственной разрухи, доставшейся нам в наследие от империалистической и гражданской войны; давайте выводить сообща русский народ из состояния темноты и невежества.

От имени учительства красной Ив.-Вознесенской губернии, я выражаю уверенность в том, что учительство всей республики в недалеком будущем проникнется всеми теми великими задачами, которые ставит перед нами жизнь. Если мы и не будем актив-

ными членами, равноправными членами РКП, то во всяком случае будем активно содействовать этой партии, будем помогать ей восстанавливать наше народное хозяйство.

Да здравствует единение всех живых революционных сил в стране! Да погибнет темнота и невежество! Да здравствует союз работников просвещения, как единый нестделимый от рабочего класса и крестьянства отряд трудящихся!

С факелом ленинизма в руках.

(*Речь тов. Калошина, делегата от Иркутской губернии*).

Наше иркутское учительство заявляет, что к прошлому нет возврата, как нет восхода солнца с запада. Смерть буржуазии! Мы с рабочими и крестьянами в ногу пойдем под идейным руководством РКП и III Коммунистического Интернационала, выполняя заветы В. И. Ленина.

Учительство наше знало, что деревня давно бурлит, но не так бурлит, как должно. Теперь забушевало в нашей деревне море учительства, море бушует, бьет о скалы невежества, косности, чтобы разбить старые устои, поросшие мохом, и, вместо старого быта, построить новый быт. Безусловно, если учитель не крестит детей, то это является наглядным фактом для крестьянства. Если он, будучи молодым человеком, не венчается, то это тоже самое является доказательством, что прежние религиозные предрассудки, церковь, отошли в область предания.

Так вот бурлящее море учительства с факелом ленинизма, с «Октябрем в руках» пойдет с рабочими и крестьянами к одной определенной цели—организации социалистического общества не только в нашем СССР, но и во всем мире. Наше русское учительство подает руку западному учительству, представители которого, может быть, томятся в тюрьмах, в то время, как мы сейчас пришли сюда на великий Всесоюзный учительский с'езд.

Товарищи, да здравствует наш Коммунистический Интернационал, наш профессиональный учительский Интернационал, да здравствует об'единение учителя с рабочими и крестьянами, смычка рабочих и крестьян!

К прошлому возврата нет.

(*Речь т. Кожевниковой, делегатки Урала*).

Мы собрались сюда наметить те вехи в той работе, которая нам предстоит в будущем, и прав тов. Зиновьев, когда говорил, что прежде, чем намечать первые вехи нашей работы, нужно подвести итоги всем старым этапам в жизни всего учительства. В чем же состоят эти итоги нашей прошлой работы? Первый этап нашей деятельности заключался в том, что мы не поняли Октября, мы не пошли за ним—это факт, и факт остается фактом, и как таковой, беспощадная но справедливая история занесет его на свои страницы—нам этого отрицать не приходится. Второй этап нашей деятельности это тот, когда всюду у нас по республике прокатилась волна белогвардейщины. Что же она нам показала? Она показала нам все отрицательные стороны прошлого интеллигизма, она показала все их стремления и задачи, и показала, в какую сторону они идут.

С другой стороны, рабочий класс своим геройством, своей стойкостью, с которой он защищал свои интересы, показал нам, где правда, и это служило нам поворотным пунктом для нашей дальнейшей деятельности. Приблизительно, этот поворотный пункт происходил около 20-го года, и с этого 20 года учительство начинает колебаться, все время идут колебания. Тут сказывается та обстановка, среди которой большинству из нас приходится работать. Нам приходится работать, конечно, среди крестьян и насколько они колеблятся, настолько заметны и наши колебания. Но год от году эти колебания становятся меньше, а про 1924 год и говорить нечего. В 1924 г. всюду—в сельсоветах, в избах-читальнях, на всех собраниях—всюду и всегда присутствуют учителя. За это говорит и то, что любая газета имеет своего сельского корреспондента-учителя, и зачастую за свои корреспонденции учитель подвергается репрессиям со стороны остальных. Это говорит за то, что произошел громадный сдвиг, что учительство определенно встало на сторону РКП.

Если были еще колебания, то они сходят на нет, особенно, когда у нас за последние месяцы прокатилась волна окружных,

губернских и всевозможных учительских конференций. Все отчеты об этих конференциях говорят о том,—что учительство определенно переходит на сторону РКП, что оно окончательно отрезало себе путь к прошлому, окончательно заложило щель в этому прошлому 12-го января 25 года—в день, когда открылся Всесоюзный учительский с'езд. Теперь учительство знает отлично дорогу куда оно пойдет, оно знает, что оно еще не настолько подготовлено, чтобы вести крестьянские массы по определенному пути, что ему нужна еще упорная длительная собственная переподготовка, упорное длительное изучение ленинизма, чтобы не уйти с пути, намеченного дорогим вождем и учителем, тов. Лениным.

От имени учительства седого, старого, но Красного Урала, я заявляю, что уральское учительство под идейным руководством РКП, нога в ногу с рабочим классом, авангардом Октябрьской революции и трудовым крестьянством, а также ленинским комсомолом перевернет старое, старую школу, поставит ее на такой путь, что из нее будут выходить будущие борцы революции в мировом масштабе. Но этого еще мало. Мы постараемся уже существующее поколение перевоспитать так, чтобы над нами больше никогда не осмелились смеяться мещане из-за границы, которые так красочно и ярко вчера были осмеяны тов. Зиновьевым.

Задачи просвещения.

Резолюция учительского с'езда по докладам т.т. Луначарского и Крупской.

I.

Всесоюзный учительский с'езд, заслушав доклады тов. А. В. Луначарского и т. Н. К. Крупской, констатирует, что успешное разрешение основных задач, которые к настоящему моменту стоят перед Союзом Советских Республик, в значительной мере зависит от степени продвижения вперед в деле народного просвещения. Наиболее важные современные проблемы, выдвинутые революцией, как смычка города с деревней, организация военной обороны страны, ее хозяйственное восстановление и, наконец, сближение народных масс с советским государственным аппаратом,—все это покоится на поднятии культурного уровня всего населения. Этим обстоятельством об'ясняется то исключительное внимание, которое Советская власть отдает делу народного образования. Твердо следуя указаниям великого вождя трудящихся—Владимира Ильича Ленина, который в просвещении народных масс видел одно из предварительных условий достижения коммунизма, Советская власть в самые тяжелые годы гражданской борьбы добилась заметных успехов на фронте просвещения. Ряд новых отраслей народного образования, которых почти не знала буржуазно-помещичья Россия, как внешкольное, так и дошкольное дело, массовая кампания по ликвидации неграмотности, завоевание высшей школы крестьянской и рабочей молодежью, создание типа новой школы, как ФЗУ, ШКМ, широкое развитие национальной культуры, открытие широкого доступа к ценнейшим достижениям искусства,—все это по существу имеет свое начало с первых лет Октябрьской революции. Ныне, вместе с переходом страны к относительно мирной работе по закреплению Октябрьских завоеваний, народное

образование начинает занимать все более и более видное место во всей системе советского строительства. Это, прежде всего, сказывается в неуклонном росте расходов на народное образование, которые, как в государственном бюджете отдельных республик, так и в местном бюджете, стоят на первом месте. Это отражается в постепенном улучшении материального и правового положения массового просвещения. Это, наконец, сказывается в росте программно методических достижений, которые действительно обеспечивают создание системы народного образования, связанной с общественно полезным трудом, проникнутой коммунистическими идеалами и крепко увязанной с потребностями народного хозяйства.

Героическими усилиями самих рабочих и крестьян Союз Советских Республик выходит ныне на широкую просторную дорогу своего хозяйственного возрождения и культурного развития. Народные массы сейчас более, чем когда бы то ни было, сознают, что на пути их хозяйственного подъема стоит как большое препятствие недостаток образования. Снизу поэтому идет сейчас могучая тяга к знанию, к просвещению.

От имени сотен тысяч народных учителей Всесоюзный учительский съезд перед лицом трудящихся заявляет: что все свои силы, все свои знания народное учительство отдает, чтобы содействовать подъему культуры страны, чтобы этим самым со всеми рабочими и крестьянами участвовать в усилении хозяйственной и политической мощи Советского Союза.

II.

Съезд считает:

1. Что страна вступила в полосу экономического подъема, чем создается возможность лучшего материального обеспечения школы.

2. Что среди трудовых слоев населения и особенно среди крестьянства чрезвычайно обострилась потребность в знании, показателем чего является наблюдавшийся в этом году громадный наплыв детей в школы, при чем крестьяне в этом направлении проявляют большую самодеятельность.

3. Что учительство за последнее время выросло политически, через общественную работу сблизилось с населением, становится опорой Советской власти в деревне и готово работать под руководством коммунистической партии.

4. Что быстрый рост пионерства и комсомола открывает перед школой совершенно новые перспективы работы.

5. Что последнее время значительно углубилось самое понимание того, что такое советская социалистическая школа, что новые методы и программы, определяющие содержание преподавания с точки зрения интересов трудовых слоев населения и интересов социалистического развития страны, сдвинули школу с мертвой точки, приблизили ее к населению и открыли перед ней широкую перспективу работы.

1-й Всесоюзный съезд учителей полагает, что в данный момент уже имеются предпосылки для широкого развития дела народного образования в стране, в частности, дела строительства советской социалистической школы.

III.

Переходя к важнейшим конкретным задачам дня на фронте просвещения, съезд полагает, что ожидая в ближайшее время решительных шагов по направлению к осуществлению сети четырехлетних школ, могущих удовлетворить требованиям всеобщего обучения — необходимо уже в настоящее время озаботиться всемерным укреплением существующей сети, не допуская ее сокращения, в том числе и школ II й ступени. В частности, съезд считает необходимым:

а) позаботиться о капитальном и текущем ремонте школьных зданий;

б) всемерно итти навстречу крестьянству, желающему ремонтировать или вновь строить школьные здания;

в) принять меры к освобождению школьных помещений, занимаемых до настоящего времени другими учреждениями и к недопущению использования этих помещений не по назначению;

г) озаботиться о реальном продвижении нового учебника и принадлежностей письма к ученику сельской школы;

д) вовлечь совсоды и ККВ в дело обеспечения детьми неимущих слоев населения посещать школу и пользоваться учебником, в том числе и дело устройства общежитий для ребят соседних деревень, где нет школ;

е) озаботиться созданием, в особенности при районных (опорных) школах, стационарных и передвижных библиотечек из педагогической и детской литературы;

ж) создать для учительства постоянное тщательное и подробное руководство их центра и от методических совещаний и бюро на местах для скорейшего перехода к новым методам обучения, при чем методы эти должны проводиться с таким расчетом, чтобы приобретение грамотности и приближение школы к агрономическим знаниям рельефно вырисовывалось бы перед крестьянским населением и способствовало усилению его доверия к школе;

з) с'езд приветствует организацию контрольных междуведомственных комиссий, которые должны проследить за тем, чтобы мероприятия, принятые для улучшения материального положения учительства, проводились бы реально и отпущенные из центра для этого средства шли бы на действительное поднятие материального его положения. В частности, с'езд отмечает необходимость добиться точного выполнения директивы центра о своевременной выплате зарплаты учительству и о погашении накопившейся задолженности.

В то же время с'езд отмечает недопустимость практиковать увеличение жалованья за счет сокращения сети, перехода на оплату учительства только на зимний сезон и перегрузки учительства чрезмерным количеством учеников;

и) с'езд считает необходимым, чтобы Цекпрос и Наркомпросы, а равным образом их органы на местах, внимательно следили бы за выполнением местными властями тех предписаний об охране морального достоинства и правового положения учительства, которые даны с трибуны с'езда высшими представителями Советской власти и коммунистической партии.

IV.

Сосредоточивая особое внимание на школе, с'езд признает тем не менее крайне целесообразным возможно быстрое развертывание, по крайней мере, простейших форм дошкольного воспитания в деревне, считаясь с тем, что дошкольное дело не только содействует коммунистическому воспитанию нового поколения, но и облегчает положение крестьянки, служа в то же время прекрасной связью с нею для работников культуры. В эту работу должна быть максимально вовлечена местная советская и партийная общественность.

V.

Равным образом с'езд считает необходимым при содействии учительства углублять и расширять работу среди взрослых, принимая за центр этой работы избу-читальню. В частности с'езд особо подчеркивает важность активного участия учительства в работе по ликвидации неграмотности и проявления всемерной инициативы и организации в развитии на местах ОДН.

С'езд приветствует мысль о немедленном начале развертывания одногодичных школ по ликвидации неграмотности для переростков.

Во избежание рецидива при ликвидации неграмотности с'езд обращает внимание на важность одновременного развития сети школ для малограмотных.

VI.

С'езд одобряет тип школы крестьянской молодежи и признает сельско-хозяйственные кружки, развертываемые комсомолом, как один из зародышей этой школы. Школа крестьянской молодежи должна дать деревне не только культурного сельского хозяина, но и служить для продвижения наиболее талантливых крестьянских детей в сельско-хозяйственные и другие высшие учебные заведения.

791

VII.

С'езд отмечает необходимость согласования работы комсомола и работы учительства в развитии детского движения, в особенности, в селе. Такое согласование необходимо не только для

урегулирования всех вопросов детдвижения, но в особенности для избежания чрезмерной перегрузки пионеров, что сейчас имеет место. Вместе с тем с'езд полагает, что детдвижение является лучшей формой коммунистического воспитания.

VIII.

С'езд приветствует энергичный переход массового учительства к общественной деятельности и считает необходимым продолжать крепить связь с населением через общественную работу учителя, вовлекая в нее поголовно всех учителей.

С'езд указывает на то, что педагогическая работа в школе сама по себе есть высокая форма общественной деятельности и что необходимо поэтому сочетание педагогической работы с другими формами участия в общественной жизни. Особенно важно заботиться о рациональном использовании сил учительства, избегая чрезмерной его перегрузки и охраняя его от технических функций при исполнении им общественных обязанностей. Задача учителя вовлекать в работу школы сельскую интеллигенцию, в первую очередь советского врача и агронома, тесно увязать школу с пионердвижением и комсомолом. Следует обращать внимание на необходимость привлечения к работе в школе населения и в первую голову его организованную часть: делегаток, ККВ, профсоюзы и проч., опираясь особенно на их помощь в трудовой и внешкольной работе школы.

IX.

Вместе с коммунистической партией и Советской властью с'езд полагает необходимым сосредоточить особенное внимание на культурных нуждах деревни, но он подчеркивает, что это не означает ослабление культурной работы в городе. Развитие промышленности и торговая связь города с деревней, улучшение государственной администрации и т. п. задачи требуют, конечно, неуклонного внимания к себе и могут быть со своей стороны разрешены только в условиях всемерного развития культурной работы в городе. С'езд одобряет с этой точки зрения развитие

сети фабзавучей, реорганизацию школ II-ой ступени, мощную работу рабфаков, реорганизацию ВУЗ-ов и заботы правительства о науке и ученых.

X.

Отмечая крайне тяжелое, прямо безвыходное, материальное положение детдомов, и считая, что беспризорность является результатом общих тяжелых экономических условий годов войны и хозяйственной разрухи, необходимо изыскать особые источники средств на содержание детдомов. Ибо сейчас содержание их на местном бюджете сокращает очень значительные средства, идущие на школы, что в свою очередь, ведет к недопустимому сокращению средств, уделяемых детдомам. Усилиями органов Наркомпросов и всего местного учительства, вся советская и партийная общественность должна быть всемерно привлечена к работе по оказанию помощи беспризорным.

XI.

Съезд высказывается против существующей структуры УОПО, как отделений общего отдела УНК-а. Практика показала, что такое явление уже губительно отзывается на руководстве низовой просветительной сетью. Поэтому необходимо вновь поднять вопрос о восстановлении УОПО, как самостоятельного отдела УНК-а. Организационное и методическое руководство низовой просветительской сетью вызывает также необходимость в увеличении и в укомплектовании квалифицированными силами местной инспектуры. Необходимо при этом принять все меры к улучшению качественного состава инспектуры.

XII.

73'

Съезд считает крайне необходимым самую тесную связь центральных и местных органов народного образования с массовым учительством. Учительство должно быть в курсе, как общего перспективного плана Наркомпросов всех республик, так и конкретного годового плана каждого из них, что должно достигаться созывом съездов, конференций и распространением учительской прессы среди массового учительства.

XIII.

В виде особых пожеланий к резолюции с'езд отмечает:

а) необходимо добиться чрезвычайной осторожности в практикующихся перебросках учительства с одного места на другое, допуская таковые только в самых исключительных случаях, по возможности до начала учебного года и снабжая перебрасываемых соответствующими средствами на основе существующих законоположений;

б) предоставить учителям льготы по вступлению в ВУЗ-ы и техникумы и допустить более широкий прием детей учительства в техникумы и высшие учебные заведения;

в) всячески расширить экскурсионную практику, вовлекая в нее все большие массы народного учительства;

г) не допускать до массового сокращения в предлетнее время;

д) решительно продолжить начатую работу по переводу договорных школ в общую сеть, находящуюся на бюджете;

е) возбудить вопрос о распространении субвенционного фонда по зарплате учительству школ первой и второй ступеней и на другие категории просвещенских работников;

ж) вновь подтвердить необходимость прирезки к школам земельных участков и обеспечения в местном бюджете средств на их оборудование;

з) добиться бесплатного отпуска леса, как на строительство школы, так и на топливо;

и) добиться прекращения массовых проверок учительства через проверкомы, превращая последние в экспертизы для вновь поступающих или в особо сомнительных случаях;

к) организовать помощь коллективной работе учительства, опирающейся на районные школы в тесной связи с опытными школами, педтехникумами, педвузами и инспектируемой медбюро и инспектурой. Усилить работу в области переподготовки учительства, придав ему плановый систематический характер;

л) обратить особое внимание на работы педтехникумов и педвузов. Улучшить материальное их положение, а также быт студенчества.

Комсомол и учительство.

(*Резолюция по докладу тов. Бухарина*).

---

1. Школа в советской стране является важнейшим государственным орудием коммунистической переработки и воспитания подрастающих поколений

2. Молодое поколение получает свое общественное воспитание не только в школе, но и непосредственно участвуя в разнообразных отраслях общественной жизни, причем практика этой работы, организуемой РЛКСМ и пионерскими организациями, является необходимой частью процесса переработки новых поколений в духе коммунизма.

3. Развитие самого школьного воспитания и обучения должно итти по линии возрастающего сближения между школой и общественно-политической жизнью.

4. Правильное решение общей проблемы воспитания и перевоспитания широких масс подрастающего поколения может быть дано лишь при обеспечении правильного руководства и, в данных условиях, правильного разделения труда между школой и общественно-политической организацией молодежи (комсомолом и организацией юных пионеров). Особенно необходимо следить за обеспечением правильного руководства в деревне, где задача переработки людей в коммунистическом духе наталкивается на большие препятствия.

5. Центр тяжести работы учителя лежит в школе. Учитель руководится органами Советской власти, которые, в конечном счете, руководятся через коммунистов коммунистической партией, как авангардом рабочего класса. Комсомольские организации, не представляющие из себя органов власти, сотрудничают здесь с учителем, отнюдь не администрируя и не стоя над ним, а воздействуя исключительно идеологически.

6. Комсомол руководит детским движением, получая директивы от партии. Учитель сотрудничает с ним, давая советы и помогая движению, но не стоит над ним и политически не руководит им.

7. В области широкой общественной работы (советы, кооперация, избы-читальни и т. д.) комсомол сотрудничает с учителем и учитель сотрудничает с комсомолом, при чем это сотрудничество должно протекать в формах добровольного соглашения, а отнюдь не в форме принудительных приказов и т. д.

8. Причины трений, имеющие иногда место между комсомольскими организациями и учительством, об'ясняющиеся в основном ненужным и излишним взаимным недоверием, должны быть преодолены совместными усилиями учительства и организаций РЛКСМ.

9. Учительство должно скорее изжить остаток недоверия к комсомолу, должно понять его громадную историческую роль, должно суметь видеть преходящий характер отдельных ошибок и недостатков в комсомольской работе, оно должно отбросить остаток местами встречающегося пренебрежительного отношения к членам РЛКСМ, остаток, так сказать, некоторого культурного высокомерия; учительство должно открыто сознать, что ему можно поучиться у комсомола общественной инициативе и активности.

10. Со своей стороны комсомол, изживая остатки недоверия к учительству, должен принять решительные меры к устранению методов административного воздействия и командования. Комсомол должен повсеместно осознать, что ему нужно в культурной области серьезно учиться у учительства. Комсомольские организации обязаны или проводить свои решения через советские органы, или же договариваться с учительством, отнюдь не прибегая к мерам принуждения. Съезд констатирует, что такова именно точка зрения партии и руководящих органов комсомола, которая должна быть усвоена на местах и комсомолом и учительством.

11. Организуя совместную работу на началах товарищеского сотрудничества и соглашения, учительство и РЛКСМ должны принять все меры против непроизводительной траты времени в работе, бессмысленной перегрузки как учителя, так и комсомольца, а равно и пионеров, что может быть достигнуто более планомерным, систематическим и обдуманным характером совместной работы.

Учитель и общественность.

К итогам учительских конференций по Владимирской губ.).

Все без исключения наши уездные конференции показали огромный сдвиг в среде учительства и его «готовность работать под руководством РКП и итти по пути, завещанному Великим Вождем и учителем В. И. Лениным» (ответное слово беспартийных учителей Александровского уезда—Нецешева, Юрьевского уезда—Барашкова и т. д.).

Учительство всех уездов в лице делегатов конференций заявляет, что оно «полно и безраздельно встало на путь борьбы за укрепление рабоче-крестьянской власти Советов и готово под знаменем и руководством РКП работать над поднятием культурного и общественного уровня деревни».

Активность делегатов к концу конференций была очень большая—высказывалось до 20-ти человек (Юрьевский уезд), или до 50 проц. всего состава делегатов. Но надо отметить, что по первым докладам приходилось употреблять большие усилия, чтобы учительство выявило свою активность. Делегаты вначале держались очень настороже.

Сдвиг учительства сказался больше всего в том непосредственном участии, какое принимает учительство в общественной работе. 70-80 проц. учителей уездов уже активно работает среди крестьян. Меньше пока втянуто в работу городское учительство.

На всех без исключения конференциях выявилось ненормальное отношение местных парт. и комсомольских организаций к учительству.

Отмечалось отсутствие увязки между парт'ячейками и учительством и целый ряд трений.

Пренебрежительное, недоверчивое отношение к учительству, командование, неумелый подход больше всего замечаются на ме-

стах со стороны комсомольских ячеек. Особенно много недоразумений возникает в области общественной работы. Нет плана и увязки между всеми организациями; учительству приказывают вести работу вроде обязательного участия в спектаклях, хоровой секции и т. д.

Вопросу о взаимоотношениях, тесной увязке между комсомольскими ячейками и учительством было уделено много места как в прениях, так и в принятых резолюциях на конференциях. Нужен план общественной работы, выработанной месткомом и согласованный с ячейками РКП и РЛКСМ. Вся работа должна проводиться через местком работников просвещения.

Одним из самых больных вопросов на конференциях было правовое, вернее «бесправное» положение учителей.

Исключение из членов союза по социальному положению (Меленки), чистка по всяким якобы политического характера причинам (Ковров, Судогда и др.), увольнение без всякого об'яснения причин за пассивность в общественной работе или за «религиозность» (Юрьев) без всякой увязки с низовыми союзными ячейками—вот те вопросы, на которые указывалось на всех уездных и волостных собраниях.

Одновременно приходится отметить, что имеется некоторая, правда очень незначительная, часть учительства с тенденциями освободиться от руководства РКП (выступление Мартышина на владимирской уездной конференции и Светлова на юрьевской конференции). Правда, последний после заключительного слова докладчика, указавшего на ошибочность положений Светлова — передать руководство пионердвижением в руки учительства,—раз'яснил, что он (Светлов) совсем не имел намерения освободиться от руководства РКП.

Изжитие указанных выше уклонов возможно только при самой тесной увязке с парт. ячейками и ячейками РЛКСМ и при большем привлечении парт. организациями тех из учителей, которые безоговорочно встали на сторону Советской власти и коммунистической партии.

Нужно сказать, что конференции выявили в некоторых местах столь большую перегрузку учителя общественной работой (до 20 различных общественных обязанностей), что школа

остается заброшенной. Вопрос об увязке общественной работы, чтобы она не шла за счет основной школьной—должен явиться главным вопросом на ближайшее время.

Нужно втянуть в общественную работу все без исключения учительство, так как часть его (20—30 проц.) все еще стоит в стороне от общественной жизни, частью по неумению приняться за работу, частью по нежеланию.

Материальное положение учительства и особенно тяжелое положение учителей-инвалидов также затрагивалось на конференциях. Указывалось на необходимость притти на помощь учительству предоставлением бесплатных квартир там, где таковых не имеется при школах, снабжением дровами, снабжением литературой, необходимой при занятиях и т. д.

Положение школы, отсутствие учебников, программы ГУС-а, требующие определенных условий для проведения их в жизнь,— все это было подвергнуто обсуждению на конференциях. Указывались достоинства программ ГУС-а, связывающих школу с жизнью, но отмечалось, что проведение программ требует от учителя большей подготовки как педагогической, так и политической.

Нужно поэтому обратить серьезное внимание на усиление переподготовки учителей. Материальное положение учителя ухудшается еще несвоевременной выдачей зарплаты. Имеется большая задолженность за прошлый год как по основной зарплате (Меленки — 7408 р.), так и по выдаче за летние м-цы сокращенным в большом числе школьным работникам (за исключением 2-х уездов—задолженность по всем уездам).

Уездные конференции, подытожив работу учительства, осветив больные вопросы, наметили целый ряд мероприятий по изживанию трений на местах и заложили основы тесной дружной работе учительства с парт. и комсомольскими организациями.

761

На фронте просвещения.

(Сеть учреждений народного просвещения во Владимирской губернии на 1925 год)

I. Учреждения социального воспитания.

Название учреждений.	Количество учреждений.	Учащих в них.	Учащихся в них:
Школ I-й ступени	1436	2630	105.150
Школ семилеток	10	108	3.715
Школ II-й ступени и девятилеток . . .	29	457	9.476
Детдомов	50	120	—
Детсадов	23	47	—

II. Учреждения профтехнического образования.

Название учреждений.	Количество учреждений.	Учащих в них.	Учащихся в них.
Рабфак	1	20	150
Педтехникумов	3	55	701
Индустриальных техникумов	3	54	453
Медицинских техникумов	1	12	110
Сельско хоз. техникумов	2	21	303
Проф.-техн школ	4	62	452
Школ ФЗУ	15	202	1256
Учебно-показ. мастерск.	1	2	26
Курсы кройки	1	2	26

III. Политпросвет. учреждения.

УЕЗДЫ	Изб-читал.	Библиотек	Клубов	Нардомов	Ликпунктов	Школ для малограм.	Школ для взросл. повыш. типа
Александровский . . .	24	9	3	4	Свед. нет.	1	—
Владимирский	101	15	38	1	46	1	1
Вязниковский	65	29	8	1	76	1	1
Ковровский	46	8	10	9	29	1	1
Меленковский	66	11	5	1	55	1	—
Муромский	21	35	6	5	9	1	1
Судогодский	21	10	16	3	12	1	1
Переславский	16	3	2	3	54	1	—
Юрьевский	37	11	4	3	2	1	—
Итого	397	151	87	30	285	9	5

IV. Работники просвещения.

Общее количество членов союза работников просвещения по губернии на 1925 год—6427 чел.

а) По полу:

1. Мужчин 2201
2. Женщин 4226

77!

б) По роду занятий:

1. Учителя городских школ II-й ступени . 296
2. „ сельских „ „ „ . 136
3. „ городских „ I-й „ . 381
4. „ сельских „ „ „ . 2580
5. Технических служащих 1192

6.	Полит.-просвет. работников	818
7.	Работников парторганов	201
8.	Остальные	395

в) По социальному происхождению:

1.	Дети крестьян	2.400	или	40	проц.
2.	„ рабочих	960	„	16	„
3.	„ ремесленников	18	„	0,3	„
4.	„ народн. учителей	252	„	4,2	„
5.	„ служащих	960	„	16	„
6.	„ служит. религ. культов	972	„	16,2	„
7.	„ медработников	6	„	0,1	„
8.	„ торговцев	36	„	0,6	„
9.	„ мещан	324	„	5,4	„
10.	„ чиновников	55	„	0.9	„
11.	„ дворян и др.	18	„	0,3	„

Библиотека
Института В. И. Ленина